

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Кафедра всеобщей истории

Запад, Восток и Россия: Историк и Власть

*Вопросы всеобщей истории
Выпуск 12*

Екатеринбург
2010

УДК 930.1
ББК Т
З-30

Редакционная коллегия:

Главный редактор: д.и.н., проф. *В.Н. Земцов*
к.и.н., проф. *Б.А. Сутырин*, к.и.н. *М.В. Шистеров*,
Н.Ф. Шестакова (отв. секретарь)

3-30 Запад, Восток и Россия: Историк и Власть: Вопросы всеобщей истории. – Вып. 12 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 193 с.

ISBN 978-5-7186-0391-0

Двенадцатый выпуск сборника посвящен актуальным вопросам зарубежной и отечественной истории, в центре обсуждения которых находится многогранная проблема взаимоотношений Историка и Власти. Публикация открывается материалами “круглых столов” «1945. Цена Победы», работа которых выявила многочисленные трудности, возникающие в процессе осмысления исторической наукой и российским обществом великой эпопеи 1941–1945 гг.

Двенадцатый выпуск приурочен к 50-летию профессора Владимира Николаевича Земцова, заведующего кафедрой всеобщей истории УрГПУ и главного редактора сборника «Вопросы всеобщей истории».

Сборник предназначен для преподавателей учебных заведений, студентов, всех интересующихся проблемами всеобщей и отечественной истории.

© ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2010

*Сборник посвящен юбилею
Владимира Николаевича Земцова -
доктору исторических наук, профессору,
заведующему кафедрой всеобщей истории УрГПУ,
главному редактору сборника
«Вопросы всеобщей истории»*

Содержание

Вехи славного юбилея.....	6
Один день на Бородинском поле (воспоминания старого реконструктора).....	11
I. Материалы региональной научной конференции, проведенной в формате “круглого стола” «1945. Цена Победы» (к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне). Екатеринбург, 9 и 16 апреля 2010 г.	14
II. Статьи и сообщения	
<i>Е.С. Соколова</i> «Искусство императоров и королей»: классические традиции в политической семантике дворцово-парковых комплексов Франции XV–XVII вв.	66
<i>М.А. Заводовская</i> Алджернон Сидней: борец против абсолютной монархии	86
<i>А.А. Постникова</i> Русская кампания 1812 г.: по следам Стендаля	92
<i>В.Н. Земцов</i> Алмаз и мшенице: Дюма-отец, Наполеон и Июльская монархия	104
<i>Л.В. Светлова</i> Поездка академика В.П. Безобразова на Урал в 1867 г.: изучение реалий или государственный заказ?.....	117
<i>А.А. Орлов</i> Профессор Василий Никифорович Александренко: русская школа англоведения в Варшавском университете на рубеже XIX–XX вв.	124
<i>М.Г. Агапов</i> «Борьба за душу еврейского народа»: Биробиджан vs. Палестина	130
<i>Э.А. Замов</i> Философия истории Бенито Муссолини	139
<i>И.В. Грибан</i> «Забыть? Вспоминать? Помнить!»: Вторая мировая война на страницах школьных учебников истории ФРГ.....	143
III. В помощь преподавателю и студенту	
<i>Т.Г. Шумкина</i> Становление и развитие советской исторической науки в 1917–1930-х гг.	151
<i>Б.А. Сутырин</i> Портрет Т.Н. Грановского в интерьере воспоминаний современников	161
IV. Историко-литературные опыты	
<i>С.А. Еремина</i> Горный снег	167
<i>Л.С. Слободяник</i> К чему приводят королевские привилегии, или немного из истории чешского пива	171
<i>В.Н. Земцов</i> «Узник» замка Иф	179
<i>Сведения об авторах.....</i>	

ВЕХИ СЛАВНОГО ЮБИЛЕЯ

Очередной, двенадцатый сборник «Вопросы всеобщей истории» посвящен 50-летию его главного редактора, профессора Владимира Николаевича Земцова.

Владимир Николаевич родился 20 ноября 1960 г. в г. Свердловске в семье рабочих. С обучением в средней школе – до восьмого класса В.Н. Земцов учился в школе № 8, а затем в школе № 76 – связано пробуждение интереса будущего ученого к истории. Кроме школьных учителей Иды Андреевны Косачевой и Лидии Павловны Зюзинной огромное влияние на формирование интереса мальчика к истории оказали родители Николай Иванович и Лидия Прокопьевна Земцовы, любившие рассказывать о своем детстве и юности, а игры в солдатиков со старшим братом Сергеем лишь подкрепляли этот интерес.

С 1976 г. В.Н. Земцов посещает школу Юного историка при историческом факультете Уральского госуниверситета. В течение трех лет его соучениками были Вадим Винцерович Трепавлов, ныне ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, и Николай Николаевич Баранов, ныне заведующий кафедрой новой и новейшей истории УрГУ. Два года спустя, после окончания средней школы В.Н. Земцов поступил на историко-архивное отделение исторического факультета УрГУ (с 3-го курса перешел на специальность «История»). В период учебы в университете он принимал активное участие в общественной жизни факультета и вуза: был заместителем секретаря комсомольской организации по идеологической работе, стипендиатом стипендии им. А.С. Пушкина, выступал в качестве ведущего участника и капитана команды истфака в «политбоях» со студентами других факультетов (с 1983 г. передал полномочия Виктору Анатольевичу Кокшарову, ныне ректору Уральского федерального университета). Окончив с отличием исторический факультет, В.Н. Земцов в том же 1983 г. поступил в аспирантуру при университете и продолжил научную деятельность под руководством доктора исторических наук, профессора Ивана Никаноровича Чемпалова, заведующего кафедрой новой и новейшей истории УрГУ. В декабре 1986 г. в диссертационном совете при Пермском госуниверситете В.Н. Земцов успешно защитил кандидатскую диссертацию по специальности «всеобщая история» на тему: «Английская политика на Балканах накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – сентябрь 1939 гг.)». Официальными оппонентами выступили основатель уральской школы историков-новистов профессор Л.Е. Кертман и ведущий англовед, преподаватель кафедры новой и новейшей истории МГУ С.А. Соловьев.

В сентябре 1988 г. при поддержке единомышленников по движению военно-исторической реконструкции В.Н. Земцов организовал Свердловский клуб любителей военной истории (позже переименованный в Екатеринбургский военно-исторический клуб «Горный щит»), став его первым председателем (с ноября 1988 г. до декабря 1999 г.). Принимал активное участие во многих выставках (сам В.Н. Земцов долгое время увлекался военно-исторической миниатюрой), проводившихся клубом в 1990-е гг., выездах униформированной группы на военно-исторические праздники (в том числе на Бородинское поле).

С октября 1986 г. В.Н. Земцов работает на кафедре международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения Свердловской высшей партийной школы под руководством известного китаеведа Ю.А. Попова, с 1990 г. – на кафедре мировой политики и международных отношений Свердловского социально-политического института, с 1991 г. – в Уральском кадровом центре (с 1995 г. переименован в Уральскую академию государственной службы), с 1998 г. и по настоящее время – в Уральском государственном педагогическом университете.

В 1995 г. В.Н. Земцов прошел научную стажировку в университете Уэльса (Великобритания), собирая в архиво- и книгохранилищах Великобритании материалы по истории и историографии британской политики «умиротворения». В то же время он начинает глубоко интересоваться военной историей России и зарубежных стран в наполеоновскую эпоху. Результатом этой работы стала докторская диссертация В.Н. Земцова «Великая армия Наполеона в Бородинском сражении», которую он защитил в 2002 г. в Уральском госуниверситете по специальности «всеобщая история». В его монографиях и статьях, основанных на большом массиве французских и иных зарубежных материалов, с применением современных исследовательских методов военно-исторической социологии и психологии, герменевтики и семиотики, представлена научно убедительная картина Бородинского сражения, Московского пожара и других дискуссионных проблем «эпохи 1812 года».

С приходом В.Н. Земцова на кафедру всеобщей истории УрГПУ в качестве доцента и ведущего специалиста по новой и новейшей истории зарубежных стран (с февраля 2003 г. – возглавил кафедру) заметно изменился в лучшую сторону климат профессиональной деятельности преподавателей, большее внимание стало уделяться учебно-исследовательской работе студентов (некоторые из них были рекомендованы в аспирантуру, представили и защитили кандидатские диссертации). При поддержке В.Н. Земцова были организованы и успешно функционируют на историческом факультете УрГПУ студенческие на-

учные кружки «Темрога» и «Кельтика», проходят регулярные студенческие научные конференции, организуются активные лекции и учебно-методические семинары. 20 мая 2009 г. по инициативе и при активном участии В.Н. Земцова кафедрой всеобщей истории на историческом факультете УрГПУ (совместно с ЕВИК «Горный щит») была проведена региональная научная конференция в формате «круглого стола» «Громкое эхо Полтавы», приуроченная к 300-летию Полтавского сражения. В апреле 2010 г. прошло два «круглых стола», посвященных 65-летию Победы в Великой Отечественной войне (региональная научная конференция «1945. Цена Победы»).

Свой золотой юбилей профессор В.Н. Земцов встречает с прекрасными результатами научной и педагогической деятельности, с большими надеждами и творческими планами на 2012 г. – год 200-летия Бородинского и Отечественной войны 1812 г. Коллеги желают Владимиру Николаевичу крепкого здоровья, творческой энергии, личного счастья и новых успехов в нелегком научно-педагогическом труде.

Профессор В.Н. Земцов является автором более 170 опубликованных в нашей стране и за рубежом научно-исследовательских и учебно-методических трудов, в том числе:

- Начало Великой Отечественной войны и новое политическое мышление // Новая и новейшая история. 1991. № 6 (совместно с В.А. Кузьминым);
- Международные отношения и внешняя политика Советского государства в 1917–1939 гг.: Учеб. пособие. Свердловск, 1990.
- Екатеринбург в мундире. Форменная одежда в истории Екатеринбурга XVIII – нач. XX вв. Екатеринбург: Средн.-Ур. изд-во, 1992 (совместно с В.А. Ляпиным);
- Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Рейтар, 1999 (2-е изд., испр., перераб. и доп. М.: Рейтар, 2001);
- The Battle of Borodino: The Fall of the Grand Redoute // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 13. 2000. № 1. P. 90–112;
- Наполеон в Бородинском сражении (опыт микроисторического исследования) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Бородино, 6–7 сентября 1999 г. Можайск, 2000;
- Насморк полководца, или Наполеон в Бородинском сражении // Казус. 2000. Индивидуальное и уникальное в истории: Сб. науч. тр. / РАН; Российский гос. гуманитарный ун-т. М., 2000;

- «Английское» Бородино (британская историография Бородинского сражения) // Проблемы всеобщей истории в контексте подготовки педагогических кадров. Вып. 2: Сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2000;
- Бородино в исторической памяти немцев // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы всероссийской научной конференции. Бородино, 4–5 сентября 2000 г. М., 2001;
- Французский солдат в Бородинском сражении: опыт военно-исторической психологии // Человек и война. Война как явление культуры: Сб. науч. тр. М., 2001;
- Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001 (2-е изд., испр. и доп. М.: Братина, 2008);
- «Французское» Бородино. (Французская историография Бородинского сражения) // Отечественная история. 2002. № 6;
- Искусство правильно умирать. Во имя чего шли на смерть французские солдаты // Родина. 2002. № 8;
- «Образ врага» в русской историографии Бородинского сражения: рождение традиции // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сб. науч. тр. Труды ГИМ. Вып. 132. М., 2002;
- Наполеон в Москве // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. М., 2006;
- Черная книга Кармартена. То немного, что мы о ней знаем: Учеб. пособие / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2008;
- Бородино. Южный фланг. М.: ООО Изд-во «Книга», 2009 (совместно с А.И. Поповым);
- Бородино. Центр. М.: ООО Изд-во «Книга», 2010 (совместно с А.И. Поповым);
- 1812 год. Пожар Москвы. М.: ООО Изд-во «Книга», 2010.

*Редколлегия сборника «Вопросы всеобщей истории»
поздравляет Владимира Николаевича Земцова с юбилеем*

На фото (слева направо): В.Н. Земцов, Д.А. Лобанов, А.М. Кручинин

Один день на Бородинском поле (воспоминания старого реконструктора)

День 5 сентября 2002 года оказался теплым и ясным, какими часто бывают сентябрьские дни в Подмосковье. Правда, когда мы проснулись, еще стоял туман и трава была сырой, но поднимающееся солнце быстро туман разогнало и траву высушило. Мы стряхнули солому с мундиров, умылись, погрели на костре чай и позавтракали. Время дорого, а путь предстоял неблизкий. Мы собирались сходить туда, где, пожалуй, никто из наших еще не бывал – на Масловские укрепления. В достопримечательностях поля Бородинского сражения об этих укреплениях было сказано, что это редут и два люнета. На редуте должен быть памятный знак, а в соседнем лесочке – Ширяевской роще – должны быть засеки и просеки, но в примечании было сказано, что они искажены садоводческим поселком. (Пояснение для штатских: редут – это замкнутое многоугольное полевое укрепление; люнет – это открытое полевое укрепление с одним или двумя фасадами и двумя фланками; засека – это препятствие для продвижения войск, устраиваемое в лесу из поваленных деревьев).

Идем с бивака к музею и Главному монументу, лес еще зеленый, но к зелени уже ощутимо примешиваются желтый и красный цвета берез и осин. Проходим мосты через Колочь и движемся по Новой Смоленской дороге к селу Горки. Впереди, как положено, два офицера – майор К. и поручик З., за ними – нестроевой с сумой, набитой провиантом, имя этого доброго малого история не сохранила. Пара километров – и вот мы уже на восточной окраине села Горки. У нас есть схема Бородинского поля, опубликованная в журнале «Родина» и представляющая собой любопытное сочетание прошлой и современной истории поля. На схеме показана проселочная дорога, ведущая от восточной окраины Горок на деревню Маслово, но, когда мы подошли, то обнаружили, что на сотни метров вдоль дороги и в глубину от нее стоят дома, коттеджи, сады... Дороги не видно. Как же туда добираться?

Старое военное правило гласит: когда карты не помогают, надо спрашивать местное население. Рядом оказалась автобусная остановка, на которой ждала транспорт пожилая женщина. Нам повезло, она была родом из этой деревни Маслово – той самой, куда мы и направлялись. Оказалось, что деревни давно уже, более двадцати лет, нет – она затоплена водой Можайского водохранилища, а жители были переселены ближе к Можайску. Женщина даже обрадовалась, что кому-то интересны ее родные места, и подробно нам объяснила, как туда прийти.

Мы обогнули все дома, прошли лесной дорогой, миновали два или три садоводческих поселка, петляя между ними, и снова пошли по

лесной дорожке. Вот здесь мы увидели первое бородинское чудо. Представьте себе, кругом лес, заброшенная лесная дорога, даже не дорога, а тропинка, и вдруг около тропинки стоит яблоня, а на ней крупные, некоторые величиной в кулак, яблоки, частью уже упавшие от спелости на землю. Зрелище для уральцев было столь удивительным, что мы просто оторопели. После первого удивления мы схватили по яблоку, Боже мой, да они сладкие! Тогда уж мы набрали яблок с собой, в суму и в фуражки.

Дальше искать укрепления было гораздо веселее. Вот и лесок справа, похожий на Ширяевскую рощу, где-то на его северной опушке должны быть редут и два люнета. Вся местность заросла деревьями, кустарником и густой высокой травой. Настоящие джунгли! Что тут найдешь!? Я брожу среди зарослей, пока ничего похожего. Господин поручик как более молодой и ловкий где-то рыщет, слышу только треск ветвей и шорох, его самого в зеленом мундире не видно. Вдруг его голос, совсем оказывается рядом: «Вот он редут, иди сюда!» За высокой стеной кустарника поросший травой земляной вал, забираюсь на него, отсюда видно, что он замкнутой формы. Что же, правильно, кому же найти скрытые в лесах и во тьме веков бородинские чудеса и тайны, как не господину поручику!

Конечно, это не тот редут 1812 года, тот уже давно расплылся, осел и зарос травой и кустарником. Этот новый, сделанный музеем к 150-летней годовщине Бородино, в 1962 году. Находим и памятный знак, установленный в 1966 году, и видим, что все эти сорок лет и редут, и знак явно не ощущали шагов паломников, приходящих поклониться предкам. Осматриваем все вокруг, фотографируем и идем дальше к водохранилищу. Вот оно – место бывшей деревни Маслово, куда упирался правый фланг Русской армии в сентябрьские дни 1812 года. Здесь тоже стоят яблоньки, но только ранетки и очень уж одичавшие. Видимо, деревенские дома и улицу покрыла вода, а вот огороды и сады были на возвышении и частично уцелели. Посидели на берегу почему-то пустынного водохранилища, подкрепились припасами, взятыми из лагеря, и двинулись обратно.

Теперь ориентируемся легко, вот лесная дорога, вот та яблонька, вот поворот, сады и снова лес, какая-то аллея из вязов. Под ногами шуршат листья, иду и думаю, хорошо, что нашли и увидели что-то вечное, живущее своей жизнью, но готовое открыть свои тайны. Приходим в лагерь, весело потрескивает костер, наш капитанармус оставил нам обед и заботливо угощает нас. Нахлынула обычная лагерная жизнь.

Ночью я увидел сон, как будто я генерал, на мне шляпа, сюртук и золотые эполеты с «жирной» бахромой. Мы с поручиком сидим под той самой яблоней в лесу. Я протягиваю руку, чтобы сорвать яблоко, но

оказывается у меня в руке – картофелина! Я показываю ее поручику, а он отвечает: «Значит мы уже дома, в нашем уральском лесу!»

А.М. Кручинин,
член-корреспондент Академии военно-исторических наук, член
Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит»
31 октября 2010 г.

I. Материалы региональной научной конференции, проведенной в формате “круглого стола” «1945. Цена Победы» (к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне)

«1945. Цена Победы»

К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне

ПРОГРАММА

**региональной научной конференции в формате
“круглого стола”**

Екатеринбург, 9 и 16 апреля 2010 г.

«ЦЕНА ПОБЕДЫ: ФРОНТ»

Оргкомитет

Сопредседатели:

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории УрГПУ, член Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит»;

Емельянов Александр Вячеславович, председатель Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит».

Участники дискуссии:

Величко Юрий Владимирович, доц. каф. истории России УрГУ, канд. ист. наук;

Вохмяков Леонид Григорьевич, участник движения военно-исторической реконструкции, поисковик, член ЕВИК «Горный щит»;

Клименко Иван Михайлович, декан исторического ф-та УрГПУ, канд. пед. наук;

Кручинин Александр Михайлович, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, член ЕВИК «Горный щит»;

Кузьмин Вадим Александрович, зав. каф. Востоковедения УрГУ, докт. ист. наук;

Неволина Ирина Владимировна, директор музея истории УрГПУ, руководитель студенческого поискового отряда «Стикс».

Рукосуев Евгений Юрьевич, ст. науч. сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, канд. ист. наук;

Смирнов Сергей Викторович, директор Института Конфуция, доц. каф. новой и новейшей истории УрГУ, канд. ист. наук;

Старченко Григорий Григорьевич, участник движения военно-исторической реконструкции, член ЕВИК «Горный щит»;

Сутырин Борис Алексеевич, проф. каф. всеобщей истории УрГПУ, канд. ист. наук;

Черепов Владимир Антонович, доц. каф. истории искусств УрГУ, участник Великой Отечественной войны.

**Стенограмма “круглого стола” конференции
«1945. Цена Победы: Фронт»
г. Екатеринбург, 9 апреля 2010 г.**

[Участники конференции слушают редкую запись военной песни «Волковская застольная» с комментариями А.В. Емельянова]

В.Н. Земцов: Владимир Антонович, наверное, Вы бы тоже что-нибудь хотели сказать об этой песне?

В.А. Черепов: Конечно, раньше я знал много военных песен. Сейчас, увы, память уже не та, поскольку мне ведь 85 лет исполнилось в январе... Но должен сказать, что относительно вариаций слов в песнях, это было характерно для периода Великой Отечественной войны. Я знаю песню (это была «Прощай, любимый город»), которую наш десант (я ведь служил в десантных войсках) таким вот образом переделал, изменив слова. В то время десантников было не так много, десантные войска стали активно создавать только в 1943 г. Тогда под Москвой было сформировано более 20 воздушно-десантных бригад. Почти все они были сформированы из числа обучающихся в военных училищах. Когда я начал свою службу, то был отправлен в Черкасское пехотное училище, которое находилось здесь, в Свердловске. Проучился 4 месяца, а затем нас расформировали, и все училище направили в десантные войска. Наша бригада была 16-я гвардейская воздушно-десантная. Помню, как у станции Мунино нас высадили на опушке леса, где уже стояли специальные столики, и мы прямо там записывались в подразделения. Я с моим товарищем хотели записаться в артиллерийский дивизион (артиллерия – все-таки не пехота), но туда записывали только тех, кто окончил 9 или 10 классов, а у меня было 8,5 классов... Ну вот, пришлось сказать, что у меня полные 9 классов, так и записался.

В.Н. Земцов: А ведь это, в некотором роде, лакмусовая бумага: кто родился в Советском Союзе, тот сразу откликается на военную песню, которая звучала в те времена (а их ведь десятки, сотни!), а у кого душа уже не откликается на это, то впечатление, что это уже поколение 90-х гг. или вообще непонятно, где родился человек и где он рос...

Этот «круглый стол» (всего их будет два) мы, конечно, посетили 1945 году, Дню Победы. Сегодня мы попробуем поговорить о самых острых, наболевших проблемах, связанных с войной, а 16 апреля – на

втором «круглом столе» – будем обсуждать проблемы тыла, что, разумеется, не менее важно и не менее интересно.

Для европейцев и для американцев (а мне думается, что и для некоторых народов Азии) Первая и Вторая мировые войны в некотором роде сливаются в их исторической памяти. Для европейцев более важна даже, наверное, Первая мировая война. Более того, в свое время (еще в конце 1940-х гг.) У. Черчилль как-то сказал о Тридцатилетней войне XX в., тем самым объединив две мировые войны. А вот в исторической памяти (можно даже сказать – в подсознании) многих россиян, советских людей запечатлелась именно Великая Отечественная война, которая поглотила и Первую мировую войну (в какой-то степени и Гражданскую войну), и, конечно, Вторую мировую войну. Для многих из нас это фактически синонимичные понятия. И вот какая странная вещь: собственно говоря, в нашей стране до сих пор нет внятной, хорошо фундированной истории Второй мировой войны (и истории Великой Отечественной войны тоже). Я специально выписал некоторые – общеизвестные вообще-то – сведения: в Великобритании с начала 1950-х гг. Институт Ее Величества опубликовал более полусотни томов (только официальное издание), в которых излагалась история Второй мировой войны и столько же (еще полсотни томов) – по британской военной экономике, финансовой системе, системе здравоохранения Великобритании в годы Второй мировой войны (это не говоря о литературе, которая не вошла в это официальное многотомное собрание); в Соединенных Штатах Америки опубликовано около 80 томов по истории армии США в эпоху Второй мировой войны (я тоже здесь исключаю различные полковые истории, в которых прописано буквально все: кто погиб, где погиб и т.д.); в Японии все началось с 5-томного издания «Путь Японии к Тихоокеанской войне», а затем было издано более 100 томов по истории Великой Восточноазиатской войны (и это тоже только официальное издание). Много материалов опубликовано в Германии. Военно-исторический научно-исследовательский институт во Фрайбурге (наиболее известный военно-исторический центр в Германии) и в настоящее время продолжает работу над историей Второй мировой войны. А в нашей стране, как вы знаете, ситуация иная: у нас была 6-томная «История Великой Отечественной войны», затем 12-томная «История Второй мировой войны» (которая издавалась в 1970-е гг.), но оба эти издания, еще не успели выйти, как уже морально устарели. И, к огромному сожалению, несмотря на то, что были 1980-е гг., связанные с гласностью и перестройкой, затем либеральные 1990-е гг., сейчас уже 2010 год... празднуем 65 лет Великой Победы, но, по большому счету, конечно, стыдно. В нашей стране ничего подобного даже не замыслилось. Но я думаю, что в каждой российской семье помнят о той цене,

которую мы заплатили за Великую Победу. У моего деда было пять братьев. Пять братьев из шести оказались на фронте. Из пяти с фронта вернулось двое. Трое – без вести пропали! Уже в наше время, когда я стал историком, то почел за необходимость каким-то образом прояснить их судьбу. Используя данные сайта «Мемориал», где одно время были выложены миллионы документов (потом многие из них снова пропали) о потерях личного состава, мне удалось примерно выяснить, где и когда они погибли. Но, понимаете, официально они «без вести пропали». И такого рода циничное отношение к памяти и человеческим жизням (причем, спустя 65 лет!), конечно, возмущает меня и как человека, и как историка.

Думается, что сегодня мы – а те, кто собрались за круглым столом – специалисты, которые так или иначе занимаются проблемами Второй мировой войны, – могли бы остановиться на самых спорных, дискуссионных вопросах, чтобы поговорить о них достаточно открыто и ясно. Я предлагаю начать с вопросов, которые были заявлены в информационном листе.

А.М. Кручинин: Владимир Николаевич, наверное, лучше всего начать с вопроса «История Второй мировой войны: исторические мифы и историческая память»?

В.Н. Земцов: Действительно, этот момент пронизывает все остальные вопросы.

А.М. Кручинин: Я, разумеется, не претендую на то, чтобы охватить этот грандиозный вопрос во всей его целостности и совокупности, но я хочу обратить внимание на некоторые моменты, относящиеся к этому вопросу: как наше общество (бывшее советское, нынешнее российское) воспринимает начало Второй мировой войны и начало Великой Отечественной войны, как эти события соотносятся в нашей памяти. Раньше советская историография, которая находилась под сильнейшим влиянием пропаганды, трактовала события так: Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. с нападения немецких фашистов на независимую Польшу; СССР вступил в войну 22 июня 1941 г., когда подвергся внезапному, неспровоцированному нападению со стороны фашистской Германии. Ну и продолжалась Вторая мировая война, как известно, до 2 сентября 1945 г., когда капитулировала империалистическая Япония. Вот так излагались события традиционно и во многом продолжают излагаться до сих пор. Однако если мы обратимся к конкретным фактам, то нам, увы, придется с этой стройной и по-своему красивой схемой расстаться. Естественно все признают, что Вторая мировая война фактически началась с нападения агрессора на малые страны Европы и первой жертвой стала Польша (это действительно произошло 1 сентября 1939 г.). Но давайте обратимся к событиям, которые

произошли через 17 дней – 17 сентября 1939 г. В этот день с противоположной стороны на Польшу был совершен акт агрессии силами Советской армии (тогда еще – РККА). Таким образом, получается, что когда армия Польши агонизировала – бои шли под Варшавой, под Гдыней, на юге страны – но польские войска еще продолжали сопротивление, еще не все было кончено (примерно две трети Польши еще не были немцами оккупированы), в этот самый момент польским вооруженным силам был нанесен удар в тыл Красной армией. Конечно, РККА не встречала такого ожесточенного сопротивления, с которым сталкивались немецкие войска, когда они начали свою операцию 1 сентября, поэтому Красная армия продвигалась значительно быстрее и вскоре встретила с немецкими войсками на заранее определенной (в приложении к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г.) демаркационной линии. Исходя из этого факта мы можем сделать вывод, что Советский Союз вступил во Вторую мировую войну вовсе не 22 июня 1941 г., а 17 сентября 1939 г., и выступал в роли страны-агрессора. Этот факт, который тщательно замалчивался в советские времена, теперь можно было бы учесть и, таким образом, считать, что Вторая мировая война началась 1–17 сентября 1939 г. с нападения на Польшу Германией и Советского Союза.

Г.Г. Старченко: Я вот слушаю Вас и думаю: кто больше не любит Советский Союз? Уинстон Черчилль или Александр Михайлович Кручинин? И сдается мне, что А.М. Кручинин не любит СССР больше, чем У. Черчилль. Я поясню свою мысль. В свое время У. Черчилль в мемуарах четко писал, что Россия в отношении Польши поступила вполне оправданно и вернула себе только то, что ранее принадлежало ей. И хотя тот же У. Черчилль самым активным образом поддержал финнов («Зимняя война» состоялась совсем скоро), но вот за польскую кампанию он Россию не осуждает. И я не осуждаю.

А.М. Кручинин: А я осуждаю!

Г.Г. Старченко: И потом, вот Вы говорите, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. Ничего подобного! В тот день началась европейская война, а Вторая мировая война началась в декабре 1941 г., причем не в тот момент, когда Япония ударила по Перл-Харбору, а когда А. Гитлер объявил войну США. Именно тогда немецкий диктатор объединил две отдельно идущие в мире войны: Тихоокеанскую и Европейскую.

В.А. Кузьмин: Мне кажется, что китайские товарищи с Вами не согласятся. Они могут резонно возразить, что Вторая мировая война началась намного раньше, чем в 1939 г. У них точкой отсчета является 7 июля 1937 г., когда началась большая японо-китайская война, которая, кстати, начавшись в 1937 г., закончилась в тот же день, когда заверши-

лась и Вторая мировая война – 2 сентября 1945 г. С точки зрения китайской историографии – это и есть большая мировая война.

Если же говорить о Польше, то тут возникают два соображения. Относительно того, что говорил Александр Михайлович... Напомню, что в 1938 г. был продлен советско-польский пакт о ненападении. О нем почти не вспоминают, но он был! Почему все произошло именно 17 сентября? Ведь немцы после начала польской кампании очень торопили советское руководство, надеясь, что СССР также как можно скорее вступит в войну, а И. Сталин тянет... Дело в том, что он дожидался отъезда польского правительства через румынскую границу в эмиграцию. Это было очень важно по-своему. Тем самым пропала сила, которая юридически могла обвинить СССР в агрессии (ссылка В. Молотова была на то, что Польское государство утратило свою самостоятельность). Но, с другой стороны, неверно утверждать, что И. Сталин брал только свое. Можно вспомнить, например, румынскую Буковину, которая никогда раньше – в царские времена – не входила в состав российских владений. Между прочим, против этого (захвата Буковины) возражали и А. Гитлер, и У. Черчилль. К слову, И. Сталин не только «брал», но и «раздавал», когда считал это необходимым. В частности, той же Польше после войны были отданы так называемые «привисленские губернии». Мой родной дядя служил в те годы в кавалерии в Ломже, где в самом начале войны пропал без вести. После войны эти территории отошли Польше, так что родственникам даже посетить место его предполагаемой гибели стало проблематично.

В.Н. Земцов: Интересно, а есть ли африканская историография (например, абиссинская)? Не начать ли нам войну с 1935 г.? Кстати, по поводу 17 сентября... Вопрос ведь здесь не только в том, что ждали когда польское правительство уедет в Румынию, но еще и в том, что на Дальнем Востоке (на Халхин-Голе) было по-прежнему неспокойно.

В.А. Кузьмин: Да, конечно.

В.Н. Земцов: В какой-то степени это объясняет рационализм действий Москвы и вовсе не свидетельствует об исключительно захватнических намерениях товарищи И. Сталина.

Ю.В. Величко: Небольшая реплика. У меня нет особых оснований любить какую-либо страну, кроме той в которой я живу (хотя я и родился за ее пределами), но здесь не в любви дело. На У. Черчилля ссылаются сейчас почти как прежде на В.И. Ленина, но У. Черчилль – безусловно, великий деятель – руководствовался английскими интересами. Вступление советских войск в Польшу в сентябре 1939 г. было, по мнению У. Черчилля, в английских интересах, так как открывало в перспективе возможность для создания второго фронта против Германии. А вот вступление советских войск в Финляндию – это гораздо сложнее...

Во-первых, уже начался транзит стратегических материалов в Германию через советскую территорию. Во-вторых, стало ясно, что сами поставки из Советского Союза срывают континентальную блокаду. Ну и вообще, действия советских войск «не там» (т.е. в Финляндии) могли вызвать у У. Черчилля только раздражение. Все очень просто, если исходить из английских интересов...

В.Н. Земцов: Между прочим, хочу напомнить, что почти одновременно с известием о советско-германском пакте (25 августа 1939 г.), в Лондоне было подписано англо-польское военное соглашение (в отличие от ранее предоставленных Польше «гарантий безопасности», это был полноценный и долговременный договор). Однако проблема была в том, что Англия не могла в действительности помочь Польше и не хотела этого, хотя договор такой существовал. Поэтому чем раньше Польша как государство исчезнет в пламени войны, тем быстрее у англичан будут развязаны руки (по крайней мере, так можно представить логику рассуждений Лондона тогда).

В.А. Кузьмин: Еще одна короткая реплика (к вопросу об абиссинской войне). Дело в том, что помимо даты начала мировой войны, существует также понятие – «возникновение очагов войны». Абиссинская война относится как раз к этой категории, поскольку начавшись в 1935 г., она, можно сказать, в мае 1941 г. уже закончилась. Мы отмечаем День Победы 9 мая, но для нас это 9 мая 1945 г., а эфиопы (вместе с англичанами, кстати) освободили свою столицу 9 мая 1941 г. (до нас еще война не дошла!). Конечно, это события несопоставимые по масштабу. События в Эфиопии – это эпизод. Но тем не менее эти события свидетельствуют о росте напряженности в мире и укладываются в схему «возникновения очагов войны». М. Литвинов, И. Сталин и многие деятели того времени говорили, что «мир во всем мире» может быть сохранен и упрочен посредством заключения трех взаимосвязанных пактов: тихоокеанского (ограничение влияния Японии), средиземноморского (ограничение экспансионистских устремлений Италии) и восточного (антигерманской направленности). Это все обсуждалось еще в 1933 г., когда принималась программа борьбы за коллективную безопасность. Элементы этой системы были созданы: были нормализованы советско-китайские отношения, восстановлены отношения с США, СССР вступил в Лигу наций, подписал договоры с Францией и Чехословакией... Меньше всего, кстати, было сделано по поводу средиземноморского пакта, потому что Советский Союз был менее всего в этом заинтересован. Англичане и французы сами, посредством различных джентльменских соглашений, пытались с Италией договариваться, но результат оказался известно каким...

В.Н. Земцов: Таким образом, мы видим, что существует несколько версий, причем каждая имеет право на существование. Одна версия: вхождение мира в войну происходило постепенно (начиная, скажем, с 1931 г.). Или – самый радикальный вариант – это действительно была великая тридцатилетняя война XX в., и Первая мировая война обусловила (это стало ясно в период Великого кризиса) Вторую мировую войну. Другой вариант: для азиатов, возможно, начало Второй мировой войны – это все-таки не 1939 г., а более раннее время. Причем, если в дальнейшем центр мировой истории переместится на Восток (лет через сто, а может и раньше), и азиаты, например китайцы, будут историю переписывать, то тогда придется с китайскими товарищами согласиться и начинать войну в 1937 г. (об африканцах умолчим – до 1935 г. дело вряд ли дойдет). Еще одна версия (ее в частности придерживается Анатолий Гаврилович Чевтаев, которого сегодня здесь нет): только со вступлением в войну СССР 22 июня 1941 г. (он настаивает именно на этой дате как дате вступления СССР в войну) она из цепи локальных конфликтов переросла в войну мировую. В общем, мы, очевидно, столкнулись с разнообразием подходов к этому сложнейшему историческому явлению. И, надо полагать, ситуация в дальнейшем еще будет не раз меняться.

А.М. Кручинин: Наверное, это происходит потому, что история пишется регионально, и каждый регион, конечно, свое выдвигает на первый план как главное и основное. Может быть, в будущем когда-нибудь найдется группа могучих историков, которая напишет именно всемирную историю, с точки зрения всемирных, глобальных процессов. Тогда, может быть, все точки над *i* и будут поставлены.

Ю.В. Величко: Периодизация – вещь, на мой взгляд, очень субъективная, так как создается людьми. Она может быть самой разной, однако важно, чтобы критерии периодизации были убедительными. И существование нескольких периодизаций не должно сильно смущать...

В.Н. Земцов: Ну что ж, в таком случае будет разумным принять несколько периодизаций, где каждый волен сам выбирать, на какой вариант ориентироваться. В то же время, нужно отметить, что периодизация, пожалуй, для историка – самое главное, так как формирует концепцию.

Б.А. Сутырин: Если мы говорим об исторических мифах и исторической памяти, то, что мы можем сказать по мифотворчеству...

В.Н. Земцов: Боюсь, что очень многое, Борис Алексеевич.

Б.А. Сутырин: Чувствуется, когда мы говорим о мифотворчестве, мы в большей степени имеем в виду отечественную историческую науку, особенно до 1991 г., когда были определенные политические установки. Возникает такой вопрос: кто больше, из изучавших историю

Второй мировой войны, внес вклад в мифотворчество, о котором мы говорим?

В.Н. Земцов: А мифы, Борис Алексеевич, ведь получаются сугубо национальными. Я бы также добавил, что каждый миф (помимо того, что он национален) еще и политизирован. Если мы, допустим, обратимся к Англии, Франции, США, то увидим, что сосуществуют сразу несколько мифов. Существование общенациональных мифов в таких условиях проблематично, хотя, наверное, и в истории названных стран короткие периоды доминирования какого-либо одного мифа можно обнаружить (например, миф, созданный У. Черчиллем). Наше отечественное мифотворчество отличалось прежде всего тем, что мы имели один глобальный миф – на первый взгляд неразделимый и нерушимый – который захватил практически все общество (мало, кто сомневался в правоте этого мифа). Более того, мы сами являемся порождением этой системы, этого мифа, что заставляет нас искать ответы, прежде всего, на наши собственные российские вопросы. Хотя, разумеется, это не исключает существования мифов (которые появляются, транслируются и исчезают) также за пределами нашей страны.

Б.А. Сутырин: Я бы хотел конкретизировать этот вопрос в историографическом аспекте: кто внес наиболее значительный вклад в это мифотворчество? Чувствуется, что здесь львиная доля принадлежит отечественной исторической науке. В советский период (до 1991 г.) представители исторической науки в нашей стране в основном занимались мифотворчеством.

В.Н. Земцов: К сожалению, да.

Б.А. Сутырин: Тогда возникает вопрос: а до 1991 г. мы правды об этой войне вообще не знали и питались только теми мифами, которые создавали для нас советские историки? Как в настоящее время, в современной литературе оценивается эта ситуация? Ведь, поднимая этот вопрос, мы невольно подойдем и к вопросу о цене победы, так как это очень связанные между собой вопросы. На мой взгляд, очень важно сначала определиться с вопросом о том, кто виноват, что в нашей стране место истории занял миф, а затем – что нам делать сегодня, чтобы выйти из этого незавидного положения и найти ту истину, к которой мы обязаны стремиться.

В.Н. Земцов: Ну что ж, Борис Алексеевич возвращает нас к ключевому вопросу круглого стола – цена победы? Я, вспоминая свои студенческие, затем аспирантские годы, должен сказать, что вопрос такой мы, конечно, задавали... Но вообще-то, на высоком уровне он, по большому счету, не возникал. Цена победы? А какая цена? Победа бесценна! Мы за ценой не постоим! (Так мы тогда говорили.) Однако, за последние 20 лет в сознании наших людей, я считаю, произошли все-таки ве-

ликие перемены: мы начали считать людей! Произошло ценностное переосмысление проблемы. Поэтому и круглый стол у нас называется «Цена Победы».

Г.Г. Старченко: Маленькую реплику, если можно. Возвращаясь к самому началу нашего разговора (о мифотворчестве и циничном отношении к погибшим), хотелось бы обратить внимание на два момента: а только ли советские историки (да и не только историки) страдали таким вот циничным отношением к людским потерям? Владимир Николаевич, как специалист, долго и много занимавшийся войной 1812 г., я думаю, легко вспомнит немало примеров абсолютно такого же циничного отношения к людским потерям в нашей стране и в те времена. И о мифотворчестве: есть ощущение, что мифотворчество, в некотором роде, у нас «в крови». Обратите внимание: через два года будет большой юбилей – 200-летие Отечественной войны 1812 г. Разве что-то изменилось в общественном представлении об этой войне? Те же самые моменты, те же самые мифы!

В.Н. Земцов: Только вместо А. Гитлера – Наполеон!

Г.Г. Старченко: Да! Вместо А. Гитлера – Наполеон Бонапарт, вместо «великого Сталина» – «ангел наш», Александр Благословенный или «великий полководец» М.И. Кутузов (в разные эпохи на первый план выходят разные личности), но суть не меняется.

Е.Ю. Рукосуев: Давайте так. Что такое мифотворчество? Миф – это простейший способ объяснения явлений окружающего мира. Миф – это предыстория, когда все представляется еще достаточно просто. Если обратиться к вопросу «Человек в окопах», то тут ведь мифотворчества не меньше. Давайте, прежде чем считать потери, обратимся все-таки к «простым солдатам». Вся наша историография построена вокруг описания действий штаба, действий командования, работы офицеров. А если приглядеться к «нижним чинам», то возникает очень много почти неразрешимых (и не разрешенных) на сегодняшний день вопросов. Если возьмем, например, армию царского периода (которая мне нравится больше), там все четко: можно определить дату формирования любого полка, составить списки всех офицеров, которые служили в данном полку в разное время, по архивным материалам можно проследить судьбу каждого солдата (как служил, где служил и т.д.). В советское время эта преемственность – кто, где и как воевал – рвется напрочь. Мы достаточно хорошо сейчас представляем, когда и где проходили фронтные операции, но в нашей науке совершенно нет никаких исследований, показывающих конкретную жизнь солдата в окопе. На многие вопросы ответов просто нет! Как проходило питание солдат, как осуществлялось их снаряжение, боепитание, обычная повседневная жизнь? Другой вопрос: по какому принципу осуществлялось формирование частей?

Почему в конце войны у нас нумерация частей была трех-, четырех-, пятизначной? А где первые-то дивизии? Какова была система переформирования частей? Или, еще один момент: Уральский добровольческий танковый корпус... Он добровольческий был?

В.Н. Земцов: Евгений Юрьевич, Вы набросали уже с десяток вопросов и все они очень не простые...

Е.Ю. Рукосуев: Я просто хотел, чтобы мы от мифов снова вернулись в окопы.

В.Н. Земцов: Хорошо. У нас есть уникальная возможность прояснить некоторые детали, так как, насколько я знаю, Владимир Антонович закончил войну сержантом.

В.А. Черепов: Да, это так. Я начну с вопроса о формировании и переформировании частей... Сейчас существуют материалы (в том числе опубликованные в Интернете), где прослеживается путь отдельных частей (в частности 99-й гвардейской стрелковой дивизии, в которой я служил, и которая участвовала в форсировании р. Свирь, затем в операции «Багратион» в Белоруссии, а в январе 1945 г., в составе 3-го Украинского фронта – во взятии Вены). Наверное, постепенно, такая возможность – проследить боевой путь тех, либо иных частей – будет еще более реальной. Что касается бытовых условий, то они в разных частях, конечно, были не одинаковыми. Я (к сожалению или к счастью) мало бывал в окопе. Дело в том, что наш истребительно-противотанковый дивизион, в который я в свое время записался, был в составе 16-й воздушно-десантной бригады, вооруженной в основном 45-миллиметровыми пушками (мы их поначалу, когда машин не хватало, руками таскали: расчет 9 человек, так что эту пушку мы достаточно легко могли передвигать), и сначала я был в расчете «сорокопятки». Однако вскоре – мне тут опять, наверное, повезло – так как у нас не хватало радистов (а я в свое время был в школе ДТС, где занимался радиоделом и освоил азбуку Морзе), старшина вызвал меня и, узнав, что у меня уже есть некоторые навыки радиста, решил отправить меня на обучение. Таким образом, я, окончив эти курсы, из расчета был переведен в штаб дивизиона. И хотя штаб находился недалеко от передовой (метров 500, не более), но сидеть в окопе мне все-таки доводилось не часто.

В.Н. Земцов: Надо сказать, что существует (в том числе и у нас в городе) движение военно-исторической реконструкции, куда приходят люди, которые, конечно, в силу своего возраста непосредственно войну не пережили, но тем не менее чувствуют некоторую внутреннюю потребность понять: а как это могло быть в действительности? Одним из них является Леонид Григорьевич, который, помимо прочего, еще и старейший поисковик, поднявший множество бойцов.

Л.Г. Вохмяков: Ну, это все же игра.

В.А. Кузьмин: Маленький уточняющий вопрос. Владимир Антонович, когда происходит перевод Вашей части в состав воздушно-десантных сил?

В.А. Черепов: В июле 1943 г. все наше училище (тогда учили 4 месяца) отправили на фронт. Дело в том, что до 1943 г. потери младшего комсостава были колоссальные: командир взвода мог буквально два-три дня быть, а потом его нет... Мне известен случай (хронологически даже более позднего времени), когда во время взятия Будапешта сержант командовал взводом, и это не было чем-то исключительным. И тем не менее в 1943 г. положение уже заметно улучшилось. Как раз был некий перелом, когда погоны вводили, возвращали офицерские звания... Тогда, кстати, и срок обучения в военных училищах увеличили до 6 месяцев. В течение второго полугодия 1943 г. мы уже на месте осваивали десантную подготовку: сначала прыгали с вышки, потом – с аэростата (высота была около 400 метров), затем, уже в полном обмундировании (я прыгал с радиостанцией), – с самолета. А в декабре 1943 г. нас отправили в состав 99-й гвардейской стрелковой дивизии, в рядах которой мы летом 1944 г. форсировали р. Свирь. Здесь мы воевали, пока с Финляндией не был заключен мир. К слову, потерь было уже намного меньше, чем раньше.

В.Н. Земцов: Владимир Антонович, Вы говорили, что участвовали в освобождении Вены?

В.А. Черепов: Да.

В.Н. Земцов: Два года назад я там был на центральном кладбище, где лежат наши солдаты. У нас ведь считается, что это операция была чуть ли не бескровной. Но знаете, когда сам видишь эти могильные плиты, то понимаешь, какое количество там было «набито» наших людей. Так что и «бескровные» операции иногда давались большой кровью...

В.А. Черепов: Там ведь (под Веной) было два фронта – громадное количество войск. С юго-запада Вену брала наша армия (9-я армия 3-го Украинского фронта), а с севера-востока – войска 2-го Украинского фронта. Поэтому, если исходить из того количества войск, которое там было задействовано, то потери действительно покажутся небольшими.

В.Н. Земцов: Ну, да... Мне тут пришла любопытная записка следующего содержания: для ответа на вопрос какова цена победы, нужно определиться, а какова была бы цена поражения? Ну, вопрос совершенно правомерен. Я думаю, что цена поражения была бы, конечно, катастрофическая. И тем не менее, цена победы также не может нас не волновать.

В.А. Кузьмин: Прежде чем мы перейдем к вопросу о цене победы, я бы хотел еще немного остановиться на проблеме мифов о войне. По крайней мере, в отечественной историографии (то, о чем говорил Борис Алексеевич) мы можем выделить несколько волн подобного мифотворчества. В первые послевоенные годы, когда не было никаких колоссальных многотомных историй, при описании войны руководствовались положениями из сборника приказов Верховного Главнокомандующего (у меня есть эта книга, отлично изданная в свое время): что говорил И. Сталин о Великой Отечественной войне Советского Союза. И то, что там было сказано – это и было единственной верной трактовкой событий. Когда пришла хрущевская эпоха, появилось 6-томное издание «Великая Отечественная война Советского Союза» – это был новый миф, потому что, по большому счету, критикуя полководческий гений Верховного Главнокомандующего И. Сталина, авторы этого издания всячески «выпячивали» роль военного советника Сталинградского фронта Н.С. Хрущева – чуть ли ни вот он, главный победитель. После хрущевского периода наступила новая, брежневская эпоха, и появилась новая работа – 12-томная «История Второй мировой войны», в которой большая часть томов была посвящена Великой Отечественной войне. И там мы уже видим новых героев, где эпопея на Малой земле представлена как судьбоносное для страны событие, а ссылки на высказывания Л.И. Брежнева присутствуют во всех томах. Потом наступила эпоха гласности и перестройки (многие ругают то время, но я бы не стал этого делать, так как не считаю те события порождением какого-то заговора мирового империализма), когда произошел определенный прорыв в нашем понимании собственного прошлого. Ведь тогда были открыты многие архивы: то, что десятки лет знал только узкий круг лиц, теперь стало «выплескиваться» на поверхность и оживленно дебатироваться в обществе. Это было действительно новое явление. А уже потом появилось понятие «плюрализм», когда стали признаваться разные точки зрения, разные оценки. Мы ведь тоже сейчас сошлись по вопросу о периодизации на том, что может быть несколько точек зрения на этот вопрос (условием здесь является, прежде всего, логичность и аргументированность позиции).

И еще одна реплика по поводу добровольчества (то, о чем говорил Евгений Юрьевич). Как ни печально это констатировать, но это тоже один из мифов. Слава богу, что есть еще такие люди как Владимир Антонович, честь им и хвала. Это герои из героев. Но при этом приходится с сожалением констатировать, что очень многих уже в жизни нет. Однако когда многие из них еще были живы и могли сказать правду, мифов, может быть, было меньше... Я хорошо помню, как ветераны рассказывали про этих «добровольцев». Это когда командир роты вы-

страивает солдат и говорит: «Добровольцы, шаг вперед!» И все делают этот шаг вперед. Почему? Да, потому что рядом с комроты стоит человек из Особого отдела и внимательно смотрит. И если кто-то шаг не сделал, то с ним потом пойдет «особый» разговор. Все знали эти «правила игры». Поэтому сначала все вызывались в «добровольцы», а потом уже сам командир отбирал тех, кто в силу своих профессиональных умений более подходил для этого конкретного задания. А те же «добровольцы» в Испании, в Китае (если брать еще довоенный период)? Мы же прекрасно знаем, что они были далеко не добровольцы. Их вызывали в соответствующие органы и давали четкое задание. И если бы такой «доброволец» сказал, что, мол, «нет, я не могу» или «мне надо с женой посоветоваться», то все это могло закончиться очень печально (полная потеря доверия, конец военной карьеры и т.д.). Так что это было, конечно, вынужденное добровольчество.

В.Н. Земцов: Вадим Александрович, Вы очень хорошо нам все объяснили. Леонид Григорьевич, что-то хочет сказать?

Л.Г. Вохмяков: По опыту своих поисковых работ могу сказать, что солдаты у нас были «одноразовые». Служили, как правило, от 2 недель до 1 месяца в период наступления, до 3 месяцев – в обороне (пока не погибали). Поэтому и амуниция была соответствующей: стеклянная фляжка (надолго ее хватит?)...

В.А. Кузьмин: Стеклянная?

Л.Г. Вохмяков: Стеклянная!

Ю.В. Величко: Я лично получил такую.

Л.Г. Вохмяков: ...маленькие кастрюльки, кружечки (детские такие, раскрашенные веселыми цветочками). В кармане у солдата обычно копеек 15 денег и ножик, либо бритва. Вот и все его имущество, не считая винтовки и патронов. Когда немецкий блиндаж раскапывали, там, конечно, побогаче: в мусорной куче находили банки из-под португальских сардин, много бутылок из-под французского вина, другие «предметы роскоши». Важно, что немецкий солдат воевал не на износ: 40 дней провоевал, затем часть отводится в тыл (полки в дивизиях сменяли друг друга). Раз в году немецкому солдату полагался отпуск. В общем, по-человечески воевали. У нас же ситуация другая: дивизия отвоевала на фронте (за месяц «уложила» всех своих), потом ее в тыл (фактически, только штаб, который остался), где вновь комплектуют «зелеными» новобранцами (опыт уже получить не у кого, все погибли), и снова – в бой. Так и воевали... Опыт, по большому счету, солдаты не успевали получать.

В.Н. Земцов: Еще очень характерная деталь – солдатские медальоны (наши и те, которые у немцев были). Тоже, к вопросу о комфорте войны и цене человеческой жизни...

Л.Г. Вохмяков: У меня, в моей практике, около 50 бойцов поднято, но прочитано всего 20 медальонов. А у немцев использовались жетоны (мною лично были найдены два таких жетона), в которых указывалась фамилия, часть... Но немцы своих хоронили, поэтому мы их редко находим.

В.А. Кузьмин: Леонид Григорьевич, я вот слышал такую версию, что наши солдаты (в силу определенного суеверия) не надевали эти медальоны. Это действительно так?

Л.Г. Вохмяков: Их не надевали, их носили в кармане и часто не заполняли. Мы нередко находим «пустые» медальоны. К тому же крайне сложно было в тех условиях обеспечить подобными медальонами всю армию (около 14 млн. человек все-таки), так что, по-видимому, на всех их просто не хватало.

В.А. Черепов: Да, это было сплошь и рядом. Нередко солдаты не заполняли и даже выкидывали эти медальоны.

В.Н. Земцов: У нас есть небольшой фильм, который снят студенческим поисковым отрядом «Стикс». Я предлагаю сейчас этот фильм посмотреть, а Ирина Владимировна его для нас прокомментирует.

[Участники «круглого стола» смотрят фильм о деятельности СПО «Стикс», с комментариями И.В. Неволиной]

В.Н. Земцов: Ну, вот мы с вами и обратились, волей-неволей, к вопросу о цене победы, не захороненных наших солдатах... Я вспоминаю – давно это уже было – в Англии один краевед мне показывал места на Северном море, где в годы Второй мировой войны были немецкие бомбежки. И вот, когда мы заехали в городок Скарборо, он подвез меня к поминальной стеле, где были выбиты имена жителей Скарборо, погибших во время этих налетов. Там было 10–15 фамилий и среди них имя маленького мальчика, на что он особо обратил мое внимание. Я тогда понял, как это, на самом деле, сложно – объяснить англичанину, что у нас была совершенно другая война: мы до сих пор не знаем, сколько миллионов человек погибло у нас в те годы. И то, что в настоящее время студенты-ребятишки, на которых государство, говоря о патриотизме, возложило эту заботу, ездят и «поднимают» погибших... Да, это воспитывает патриотизм! Но это воспитывает ведь и кое-что другое. В конечном счете, у каждого возникает вопрос: а 65 лет кто и что вообще делал? Вот такие у меня возникли мысли, когда я смотрел этот фильм.

В.А. Кузьмин: Владимир Николаевич, если можно, я тоже добавлю эмоциональных оценок... Я во многих странах Европы был и, среди прочего, был в двух концлагерях (как экскурсант, конечно). И что мне более всего запомнилось – это огромное количество памятников (например, на въезде в австрийский лагерь в Маутхаузене). Такой своеобразно

разный «лес» памятников, где каждая страна, заключенные которой там были, оставила память о своих погибших гражданах. И когда подойдешь к нашим памятникам – на них написано: здесь погибло столько-то тысяч (скорее, десятков тысяч) советских солдат. А рядом стоит памятник, допустим, Люксембурга, где сказано, что в данном лагере погибло, условно, 17 граждан Люксембурга. И нужно понимать, что для этой крохотной страны 17 их граждан значат ничуть не меньше, чем для нас наши миллионы... Они эти события точно так же болезненно воспринимают, как и мы.

Другой момент, на который я бы хотел обратить внимание, связан с памятью о Первой мировой войне в нашем обществе и за рубежом. Увы, но это факт! В России не знают ни собственных героев Первой мировой войны, ни памятников им нет. В свое время, сразу после революции 1917 г., «сработала» оценка В.И. Ленина, что это война империалистическая и поэтому все, кто на ней воевал, они вроде как и не «наши». И это сильно контрастирует с ситуацией на Западе, где в любой церкви (в той же Англии!) сталкиваешься с различными «напоминаниями» о той, «Великой войне». И они чтут память об этой войне. Нам это часто непонятно, так как 11 ноября – день комьпенского перемирия – в нашей стране проходит как обычный день календаря, в то время как на Западе – это настоящий праздник. В то же время мы часто «обижаемся», что в Европе не так помпезно празднуют 9 мая, которое для нас является главным праздником Победы. Однако нельзя забывать, что в их исторической памяти – в отличие от нашей, российской! – эти две войны неразрывно связаны (как и память о жертвах в *обеих* мировых войнах). У нас эти моменты – осознанно или неосознанно – замалчиваются или им дается пристрастная оценка (многие ли в нашем обществе знают, что первый «вечный огонь» был зажжен в 1920 г. в Париже?). А это значит, что наши люди не знают всей правды о войне – им, в лучшем случае, предлагают полуправду. А знание «полуправды» ведет к тому, что (при понимании всех тягот и потерь, которые понес наш народ в годы войны) принижается роль в достижении общей Победы других народов. Я это еще и к тому говорю, что иногда у нас начинают даже как-то извращенно гордиться тем, что мы во Второй мировой войне убитыми потеряли больше, чем другие народы...

А.М. Кручинин: Внесли самый большой вклад в достижение Победы...

В.А. Кузьмин: ...Как-то это странно. Мне представляется, что все это как раз не работает на патриотизм, а скорее – против него. И уж совершенно точно, это не способствует примирению народов. Дело в том, что в Европе подобного рода вещи воспринимаются иначе: там в голову никому не придет гордиться самыми большими потерями в вой-

не. Ведь этим не гордиться нужно, напротив, стыдиться приходится, что у нас были такие военачальники, которые для победы людей не жалели. Разве можно этим похвалиться? Думаю, здесь нужна какая-то другая оценка.

В.Н. Земцов: Ну, Вы знаете, раньше такая логика работала, а сейчас, я думаю, она уже не работает. В настоящее время, когда у молодежи уже другие ценности, это дает скорее обратный эффект. К слову, Александр Михайлович, я знаю, много лет профессионально занимался как раз Первой мировой войной и памятью об этой войне.

А.М. Кручинин: Память о Первой мировой войне в России, к сожалению, очень своеобразна. В действительности она не выходит за рамки «родовой» памяти, то есть памяти о своих прямых родственниках. Но где лежит память о Первой мировой войне (о наших дедах и прадедах)? Она лежит на полях Галиции, Польши, Румынии, Бессарабии, то есть там, где когда-то сражалась русская армия, где многие наши солдаты погибли и были похоронены. Там и сегодня еще сохраняются многие могилы и памятники, воздвигнутые в честь наших предков, где они, кстати, соседствуют с могилами и памятниками тогдашних противников России (немцев и австрийцев). Таким образом, память о наших солдатах Первой мировой войны жива, но она, как это не обидно, жива не у нас.

В.Н. Земцов: Вообще, в последние десятилетия в связи с глубокими общественно-политическими переменами в нашей стране складывается интересная ситуация, когда те или иные страницы прошлого, казалось уже давно забытые, неожиданно «воскресают». Так, еще совсем недавно мы не знали даже того, сколько наша страна потеряла людей во Вторую мировую войну. Сегодня мы к этим цифрам более или менее приближаемся... По-видимому, то же происходит и с другими сюжетами отечественной истории.

Ю.В. Величко: Тут вопрос, на мой взгляд, и простой и глубокий... Начну с вопроса о добровольцах, который прозвучал ранее. Уральский добровольческий корпус мог быть полностью укомплектован настоящими добровольцами. Но тех, кто нужен был на производстве, не брали, будь он добровольцем из добровольцев. С другой стороны, очень охотно брали тех, кто был под следствием и кому угрожали арест и «отсидка» за нарушение трудовой дисциплины. Кроме того, многие попали в корпус по мобилизации, написав «задним числом» заявление о вступлении в корпус добровольцев. Если говорить о составе корпуса, первое формирование в основном действительно было уральское. Однако затем (после прибытия на фронт) в корпус добавили ряд новых подразделений, которые изначально были сформированы не на Урале. А после первых боев, когда обескровленный корпус был направлен на

отдых и переформирование, Бог знает, кем его вновь укомплектовали (во всяком случае, сведений о том, что это были уральцы, нет). Я это к тому говорю, что все дело, в конечном счете, именно в отношении к человеческой жизни в нашем Отечестве. На мой взгляд, неверно представление, что оно было всегда одинаковым. Да, в XIX в. отношение к простому солдату тоже было очень жестким, но зайдите в Эрмитаж и посмотрите зал героев Отечественной войны 1812 г. (там мало рядовых солдат, но есть). Списки убитых, раненых, пропавших без вести тогда печатались, как и списки награжденных. В советское время эти списки тоже иногда печатались, но до сих пор тонны государственных наград не выданы погибшим или членам их семей. Ребята, которые занимаются поиском и захоронением наших павших, делают замечательное дело, потому что государству нашему в свое время было не досуг заниматься этим делом, как делом прошедшим, менее важным...

В.Н. Земцов: Отработанный материал!

Ю.В. Величко: ...да, отработанный материал, надо думать о будущем. И в этом проявляется отношение к человеку. Дело не в том, что бюрократы – это не люди (они могли быть и не злыми людьми), однако сама система довольно бездушна. Ты – человек? Сначала, докажи! Новобранец – в бой! Вот когда ты уже приобрел кое-какой опыт, тогда тебя начинают немножко беречь (чем больше заслуг, тем больше беречь). А новых новобранцев – в бой! Выплывет – значит выплывет! И примеров тому нет числа.

Я потому особенно тронут показанным нам фильмом, что это может со временем сломать сложившуюся традицию (не в эти годы, так позже), когда хвалят маршала Победы Г.К. Жукова (в очередной раз!), но забывают, что наряду с полководцами были и солдаты, часть из которых (небольшая) совершала былинные подвиги, а остальные – совершали обыденный Подвиг. И такой же обыденный Подвиг (в виде массового героизма!) был совершен в тылу, о чем мы, по-видимому, еще будем говорить.

А.М. Кручинин: Маленькую реплику, если можно. Мы ведь сейчас затронули один из самых болезненных вопросов: почему же все-таки у нас такое наплевательское отношение к своим павшим? Почему сразу после войны наше государство, министерство обороны, партия не посчитали всех наших павших, не нашли всех «пропавших без вести», не поставили им достойные памятники? Здесь, на мой взгляд, нужно отметить несколько моментов. Действительно, есть точка зрения, что это, в некотором роде, «национальная русская традиция» – отношение к простым солдатам как к людям «второго сорта». С этим, наверное, отчасти можно согласиться. Но! В годы советской власти эта традиция (если она в действительности имела место) была удесятерена по сравне-

нию с тем, что было в России раньше. Однако, самое главное, на мой взгляд, было другое – боязнь сказать людям правду! Потому что тогда наше общество, наш народ, наверное, нашел бы в себе силы задать простой вопрос: а как же он такой «великий», наш генералиссимус И.В. Сталин? а как же все наши блестящие маршалы – «творцы Победы» (начиная с Г.К. Жукова и т.д.)? Естественно, ни партии, ни советской власти это было не нужно, поэтому предпочли всех этих людей забыть. И когда – я хочу добавить – начинаешь об этом открыто говорить, то нередко (особенно, от людей до сих пор приверженных советской власти, И. Сталину и др.) слышится обвинение в отсутствии патриотизма...

В.А. Кузьмин: Как будто есть некто, кто монополию на патриотизм установил...

В.Н. Земцов: Ну, а как же! Конечно, есть монополия на патриотизм. Я сегодня специально взял с собой одну любопытную книгу, которая вышла совсем недавно, в 2009 г., и предлагает нам официальный вариант советских потерь в Великой Отечественной войне. Эта работа интересна не только авторитетом авторов-составителей (генерал-полковник Г.Ф. Кривошеев и др.), но и действительно огромным количеством цифр, таблиц, прочей статистики, которая в ней приводится. Нам предлагаются следующие цифры: безвозвратные военные потери СССР и его союзников в Великой Отечественной войне составили 11 520 200 человек; аналогичные потери Германии и ее союзников в Великой Отечественной войне (а не во Второй мировой войне, что следует подчеркнуть!) составили 10 344 500 человек. То есть получается, что соотношение потерь «наших» и «не наших» на фронтах составляет $1,1 : 1$, причем авторы-генералы объясняют, откуда все-таки взялась эта $1/10$ «не в нашу пользу». Виной всему первый период войны, который был очень тяжелый в силу внезапности нападения противника, а также кратко упомянутые авторами «просчеты» командования (не ясно, какие именно) и, конечно, не следует забывать про большое количество погибших в немецких лагерях (по их данным – 2 500 000 советских военнопленных против примерно 580 000 наших противников, погибших в советском плену). Таким образом, получается, что основная доля наших потерь (из 26,6 млн. человек) приходится на мирное население, которое пострадало от оккупантов. И, тем не менее, почему-то эти цифры настаивают. Вероятно, потому, что уж больно они не вяжутся с «историями рядовых», которые мы все слышали еще в детстве... И все же, в этом официальном труде предлагается тоже своего рода правда, так сказать, официальная версия.

В.А. Черепов: Я хотел бы сказать несколько слов в продолжение разговора о памяти и отношении государства к нашим павшим товарищам. Дело в том, что не только к погибшим, но и к выжившим на войне

было такое же циничное отношение. Мой коллега по кафедре – недавно умерший Степан Петрович Ярков – на войне лишился руки. Когда он вернулся домой, ему насчитали пенсию – 37 рублей (это еще до реформы 1947 г., когда отменили «наградные деньги»)! Прожить на эту пенсию было практически невозможно. И работать без руки тоже было крайне сложно, никуда не брали. Он пробовал заниматься торговлей, так его едва в тюрьму не посадили как спекулянта... Вот такое было отношение.

Сам я вернулся из армии в 1952 г. после службы на Дальнем Востоке. Когда приехал в город Свердловск, то увидел здесь огромное количество инвалидов войны (кто – без руки, кто – без ноги, иной раз – без обеих рук...), которые ходили по трамваям и просили милостыню. Если так относились к живым, то что уж говорить о погибших, которые где-то там лежат (захороненные или нет). Конечно, многое можно списать на то, что страна большая, потери в войне были огромные, инвалидов после войны оказалось очень много... И все же. До сих пор помню, как иной раз эти инвалиды войны (иногда совсем слепые!) дрались своими тросточками за какую-нибудь подачку. Неужели нельзя было каким-то образом им помочь достойно встретить старость? Это была трагедия.

Б.А. Сутырин: Я бы тоже хотел несколько слов сказать по поводу этой книги, о которой говорил Владимир Николаевич. Это очень интересная книга, потому что я знаю, что писали до этого другие авторы (в том числе А. Солженицын), и нужно сказать, что у авторов данной работы явно чувствуется стремление разобраться (используя, прежде всего, документальный материал) в тех сложных проблемах, за которые они взялись. На кое-что я бы обратил особое внимание. Конечно, можно приблизить потери «наши» и «не наши» (если очень захотеть, то можно это сделать). Но ради чего это делается? Авторы сами выразили свою позицию в одной из фраз, которая есть в этой книге (цитирую по памяти): «Это была Великая Победа с большими потерями для нашей страны, но это была не “пиррова победа”, как об этом иногда пытаются говорить». Вот в этом, мне кажется, и есть пафос данной работы. Истина, конечно, где-то посередине. Если бы авторы-составители больше внимания (хотя они и пишут об этом) уделили зарубежным материалам, то, наверное, их выводы были бы еще более убедительными. Хотя они сделали очень важную оговорку: после того, как наши войска вступили на территорию Германии, немецкая военная статистика, которая была идеальная до того, сразу стала «хромать» (что-то стали прятать, что-то уничтожать) и потому точных данных о том, сколько же человек потеряли немцы в ходе наших операций на территории Германии, нет. Но авторы этой книги, помимо прочего, представили интересную диаграм-

му, которая может быть полезна и для составителей учебников, где в виде кривых представлена динамика потерь СССР и Германии за четыре года войны. На этой диаграмме очень хорошо видно, как меняется динамика потерь и происходит «перелом», который приходится на 1943 г., что связано с ростом мастерства Красной Армии, накоплением военного опыта, улучшением технического оснащения войск. Здесь, конечно, была велика роль тыла, о чем мы будем говорить в следующий раз.

В.Н. Земцов: К вопросу о наших потерях и потерях нашего противника. Мне кажется, что мы, прежде всего, должны исходить вот из каких соображений: 26,5–27 млн. человек – это цифра сама по себе страшная (даже независимо от того, сколько там было «побито» наших противников). Почему страшная? Потому что, если мы посмотрим на динамику демографических потерь нашей страны в XX столетии, то становится понятным, что это была некая «последняя капля», после чего открывается историческая пропасть. А что дальше? Есть ли вообще у нас будущее после такого расхищения, извините, человеческого материала? И, не дай Бог, если нечто подобное (пусть и в уменьшенных размерах) может повториться, тогда наша история, господа, завершится в начале XXI в. Вот почему, наверное, мы столь взбудоражены этой цифрой (27 млн.), если бы не было впереди такой вопиющей демографической проблемы. Речь идет, вообще говоря, о будущем нации!

А.М. Кручинин: Говоря о потерях, следует сказать о том, что помимо материалов, опубликованных в представленной Владимиром Николаевичем книге, написанной генералами Министерства обороны, есть ведь и альтернативные данные. Из 27 млн. человек (округленно), которые потеряла наша страна в годы Великой Отечественной войны, 10 млн. – это потери гражданского населения, а 17 млн. – это потери мужчин призывного возраста, куда входят потери от военных действий (т. е. убитыми и умершими от ран на всех этапах эвакуации, так называемые демографические потери), которые исчисляются цифрой в 12,4–14 млн. человек (по извещениям семьям погибших и по карточкам погибших, которые хранятся в Подольском архиве). К этим цифрам нужно прибавить 3,3 млн. человек умерших в немецком плену (в упоминаемой выше книге – 2,5 млн.). Кроме того, в указанное число не входят потери мужчин призывного возраста в антисоветских формированиях (т.е. еще примерно 300 тыс. человек). К ним следует прибавить еще 100 тыс. бойцов и командиров Красной Армии, расстрелянных трибуналами и прочими «особыми» органами... Вот таким образом у нас, в конечном итоге, и получается цифра около 17 млн. человек. Это, конечно, поразительная, страшная цифра! Особенно, когда понимаешь, что за

этими абстрактными миллионами стоят судьбы отдельных конкретных людей.

Я вот сейчас, слушая рассказ Владимира Антоновича о судьбах ветеранов-инвалидов, вспомнил и некоторые эпизоды из собственного детства. В 1953 г. (мне тогда было 8 лет) наша семья жила под Куйбышевым (нынешняя Самара) и, так как было очень плохо с хлебом, мы каждые выходные ездили всей семьей покупать хлеб в Куйбышев. Я хорошо помню как по нашему рабочему поезду, на котором мы ездили до города, табуном ходили эти самые инвалиды, которые пели песни, играли на гармонии, и народ им щедро кидал в шапки «тройки», «пятерки» и даже «десятки»... Такое было время.

В.Н. Земцов: Не случайно, мы в перечень вопросов для «круглого стола» включили вопрос о коллаборационизме, потому что, в сущности, эти 300 тыс. человек в антисоветских формированиях, плюс 100 тыс. расстрелянных – это свидетельство того, что наше советское общество тогда (к началу войны) не отличалось большим внутренним единством. Больше того, вообще-то, достаточно убедительно можно доказать, что у нас продолжалась, своего рода, гражданская война и то, что случилось в 1941–1945 гг., было продолжением этой войны. Может быть, в этом была одна из причин, почему мы понесли такие большие демографические потери.

В.А. Черепов: К вопросу о коллаборационистах. Я бы не сказал, что этому придавали в то время какое-то большое значение. Мне приходилось на территории Белоруссии встречаться с пленными солдатами РОА. Я затрудняюсь сказать, имела ли место в данном случае гражданская война. По-моему, все-таки нельзя так сказать, потому что отношение к ним было резко негативное, их никто никогда не поддерживал (хотя народ-то у нас всякий был).

В.Н. Земцов: Вообще, конечно, удивительные вещи происходили с тем поколением, живших в первой половине XX в., когда советская власть настолько «перерабатывала» человека, что он, даже пережив многочисленные жизненные трудности, превращался в ее последовательного сторонника. Хотя не знаю, наверное, все-таки этого нельзя сказать обо всех...

А.М. Кручинин: Наверное, каждый человек заключал внутри себя некий компромисс с советской властью.

В.А. Черепов: Когда мы говорили «Отечественная война» – это были не просто слова...

В.Н. Земцов: Согласен.

Л.Г. Вохмяков: В начале войны фактически вся западная часть нашей страны была в состоянии восстания (Прибалтика, Западная Украина и др.). Войска, не чувствуя за собой крепкого тыла, стремились

поскорее отойти вглубь страны. Тем более что проливать кровь «За Сталина!» крестьянская (в основе своей) армия не хотела, поэтому была нестойкой в обороне и отступала при малейших выстрелах. Многие из числа местных (называют цифру до 1 млн. человек) дезертировали, разбежались по домам... В нашей армии тогда были территориальные прибалтийские дивизии. Незадолго до войны большую часть из числа их офицеров репрессировали, а затем уже перед самой войной «чистку» повторили, фактически обезглавив эти части. В начале войны, когда эти дивизии стали волноваться, их начали разоружать, а солдат демобилизовывать, вместо того, чтобы с немцами воевать. Впереди войск убегала, естественно, советская власть (НКВД и пр.), предварительно «очищая» тюрьмы (расстреливали всех, кто там сидел). Естественно, все это безобразие наблюдало местное население, причем немцы в дальнейшем охотно демонстрировали преступления большевиков всем желающим. Вскоре И. Сталин понял, с чем он имеет дело, тогда и был издан приказ № 210 от 14 августа 1941 г., в котором все, кто добровольно сдавался в плен, объявлялись изменниками Родины (их надлежало уничтожить всеми доступными мерами), а их семьи подлежали репрессиям, то есть ссылке. Власть наша тогда вела себя в отношении собственного народа как в оккупированной стране, не стесняясь никаких средств и не останавливаясь ни перед какими жертвами. На немцев сейчас очень просто все списать... В действительности же ситуация была гораздо сложнее.

В.Н. Земцов: К огромному сожалению, тогда в нашей стране шла скрытая, латентная гражданская война...

Л.Г. Вохмяков: ...фактически наше государство отказалось от пленных, которые были объявлены изменниками.

А.М. Кручинин: Тем более, мы не подписали Женевскую конвенцию.

Л.Г. Вохмяков: Я вот иногда думаю, что если бы немцы пришли как освободители, то из этих разбежавшихся советских частей можно было бы достаточно быстро сколотить приличную силу, тем более что население поначалу немцев встречало с цветами и оркестрами... Но немцы, как известно, пришли захватывать «жизненное пространство», уничтожать славян. Это был лишь пропагандистский лозунг, мол, мы боремся с коммунизмом – они боролись с Россией.

В.Н. Земцов: Их великая историческая ошибка...

Л.Г. Вохмяков: Выбор у солдата был такой: либо защищать советскую власть, от которой ничего хорошего ждать не приходилось; либо в рядах врага Родины бороться с этой властью. Возьмем генерала А.А. Власова. Он ведь был неплохой красноармейский командир (его дивизия – 99-я стрелковая – была лучшей в Красной Армии), который хорошо проявил себя в начале войны (не пустил немцев в Киев) и затем

в конце 1941 г. под Москвой. Позже ему поручили возглавить 2-ю ударную армию, действовавшую на Волховском фронте, где в ходе Любановской операции он с остатками своей армии и попал в плен. Наверное, в плену он мог бы спокойно отсидеться, как сделали это многие другие пленные советские командиры. Однако А. Власов нашел в себе силы и с оружием в руках выступил против И. Сталина и коммунистического режима. Был ли он предателем? Да, был, так как 25 лет верой и правдой служил этому режиму. Но, в остальном, он такая же жертва войны, как и все прочие. Выбор у него тоже был такой же...

Ю.В. Величко: Одно примечание к сказанному Леонидом Григорьевичем. А. Власов сражался не за победу Германии, он пытался использовать немцев для строительства в России социализма с гуманным лицом (об этом однозначно свидетельствуют документы власовского движения). К слову, войска под командованием А. Власова, которые начали формироваться только в январе – феврале 1945 г., участвовали в войне со своими соотечественниками всего два раза в апреле 1945 г.: сначала – рота, затем – два батальона. После чего они снялись с фронта и ушли на запад (еще и в Праге немцев «потрепали»), где сдались союзникам, а затем были выданы советской власти. Любопытно, что материалы допросов власовцев до сих пор засекречены, а ведь их допрашивали целый год! После чего, 2 августа 1946 г., их, без особой помпы, повесили, о чем весьма скупо сообщили в прессе. Кроме того, власовцы, оказавшиеся в советских лагерях, содержались там на особом положении. И думается, что дело здесь не в каких-то соглашениях с союзниками. Дело в том, что эти, образно говоря, «настоящие власовцы» были порождением самого советского общества. Они не были «бывшими», то есть представителями экспроприированных классов. И ведь многие из них (до момента своего «выбора») сделали в СССР вполне успешную карьеру. А потом – все закончилось... «Винтик» встал перед выбором: застрелись! не застрелился – предатель! Не все с этим согласились. Я отнюдь не собираюсь А. Власова оправдывать... Это особая вещь.

В.А. Кузьмин: Продолжая разговор о коллаборационизме, я вот о чем бы хотел сказать (или напомнить присутствующим): это было явление, которое имело место отнюдь не только в нашей стране. Это было мировое явление. Проявления коллаборационизма известны, в том числе, во многих европейских странах (режим В. Квислинга в Норвегии, Вишистский режим во Франции и многие др.). Однако отношение к коллаборационизму во всем мире разное. Да и сами коллаборационисты были очень разные, начиная от различных «ультра» и заканчивая весьма умеренными – и ненадежными, с точки зрения оккупантов, – деятелями (характерный пример – Югославия). Если же взять афро-азиатский мир, то на ум приходит немало примеров, когда и сейчас многие из них вос-

принимаются как герои. Один из самых ярких примеров – Сухас Чандра Бос, который в современной Индии воспринимается как национальный герой (ему и памятники есть). Почему индусы его не осуждают? Потому что у них логика иная: С. Чандра Бос исходил из представления о том, что «враг моего врага – мой возможный союзник»: если с помощью японцев (или немцев) можно избавиться от власти колонизаторов-англичан, то это повод сотрудничать. Потому что он тоже был не за немцев или японцев, он за Индию сражался! Во многом схожая ситуация была в арабских странах...

Б.А. Сутырин: Вадим Александрович, зачем так далеко ходить? Хороший пример есть совсем рядом – Украина...

В.А. Кузьмин: Ну, не будем о столь болезненном примере, тем более что в этом конкретном вопросе я не специалист... И все же если говорить о нашей стране, то примеры сотрудничества с врагом, которые (по разным причинам) имели место быть, в частности, у нас на Кавказе, в конечном итоге аукнулись очень серьезными проблемами как для самих малых народов, представители которых были в рядах коллаборационистов (когда ошибки или преступления отдельных лиц были возложены советской властью на целые народы), так и для российского государства в целом.

В.Н. Земцов: В этом Вы, конечно, правы, Вадим Александрович. И те проблемы, с которыми мы в настоящее время сталкиваемся на Северном Кавказе, во многом связаны с очень недальновидной как национальной, так и социальной политической линией, которую тогда проводила наша власть. По крайней мере, так нам иногда кажется, хотя, конечно, есть и другие причины...

Г.Г. Старченко: Я вот сейчас вспомнил одну старую мысль, которая была высказана еще В. Вильсоном (к вопросу о Первой мировой войне). Когда он прочел Версальский договор, то сказал (цитирую по памяти): «Я вижу здесь примерно одиннадцать войн». Так что, в принципе, идея о том, что Вторая мировая война в действительности была только продолжением Первой мировой войны была высказана задолго до 1939 г.

В.А. Кузьмин: Вы абсолютно правы! Я процитирую слова В.И. Ленина, который, ознакомившись с тем же Версальским договором, сказал, что этот мир «держится на вулкане».

Г.Г. Старченко: Но самое интересное, что подобную преемственность можно увидеть и в истории России. В ходе нашей сегодняшней дискуссии у меня сложилось твердое убеждение, что гражданская война в нашей стране не закончилась. Она, может быть, перешла в «холодную» фазу, но она еще отнюдь не закончилась... И пока она не за-

кончится, мы никогда не сможем однозначно оценить итогов Великой Отечественной войны.

В.Н. Земцов: С Вами, Григорий Григорьевич, можно во многом согласиться. Дело в том, что когда общество нестабильно (как нынешнее российское), когда существуют глубочайшие социальные проблемы – причем элита эти проблемы загоняет «вглубь», ибо для нее (в отличие от остальных) имеются «пути отступления» – до тех пор в этой стране и этом народе будет идти (то скрытая, то открытая) гражданская война. Но, здесь еще нужно добавить – и, может быть, это обнадеживающе для нас – что тогда, в первой половине XX в., в схожем положении находились многие европейские страны (особенно, Восточной и Центральной Европы). В свое время Дональд Камерон Уатт выдвинул идею о скрытой гражданской войне 1920–1930-х гг., которая шла в Европе. Это, очевидно, было вызвано переходом от общества полуиндустриального к обществу индустриальному и постиндустриальному. Мне кажется, что вот этот момент – наличие «внутренней войны» в европейских странах (и в СССР в том числе) – помогает многие вещи глубже понять и по-новому оценить.

В заключении я хотел бы вернуться к вопросу, который уже затрагивался нами сегодня, но потом мы ушли немного в сторону (что было, на мой взгляд, вполне оправданно) – вопросу о мифах. Дело в том, что без мифов народ, нация, страна существовать не может – такова, по-видимому, форма нашего сознания и нашей коллективной исторической памяти. Но мифы мифам – рознь! Есть мифы деструктивные, которые государство (в лице временщиков) создает сугубо для обеспечения своих позиций, меркантильных и сиюминутных интересов. Такие мифы, конечно, рушатся рано или поздно (чаще всего – рано), и при этом создают крайне опасную ситуацию для того народа, для которого они были когда-то созданы. Есть мифы иного свойства, которые формируются сами собой, как своего рода форма существования народного духа, упрощенная форма сохранения исторической памяти. Мифы данной категории могут носить чрезвычайно позитивный характер, потому что нацеливают народ на некие великие ценности, нравственные идеалы, способствуют единению этого народа, его историческому сохранению и его будущности. Мне думается, что нам (как историкам) должна быть безразлична судьба наших российских мифов. Причем, мы можем принять самое активное участие в формировании таких позитивных мифов (хотя, конечно, трудно иной раз понять, как будет «работать» тот или другой миф). Сегодня мы, как представляется, стоим на пороге того, чтобы, отрешившись от мифов одних – деструктивных, все-таки попытаться создать некий более или менее убедительный образ Второй мировой и Великой Отечественной войны, который мог бы сохранить

все самое лучшее и оставшееся в национальной памяти нашего народа, и не работал бы на раскол нашего общества, а самое главное – был бы направлен не на создание тупого гражданина-«винтика», получившего бакалаврский диплом, а работал бы на создание человека критически мыслящего, который может достаточно свободно, творчески существовать в XXI в. Если это произойдет, тогда у нас есть будущее и есть возможность сохранить позитивную память о Великой Отечественной войне. Если же мы не сможем создать эти новые мифы, ну что ж... Пройдет еще 15 – 20 лет и память о Великой Победе перестанет быть национально-образующим фактором для нашего общества, базой для его единения. Наивно полагать, что наши потомки (также как мы сейчас) будут спустя, скажем, 50 лет, воспринимать Великую Отечественную войну как самое славное, самое тяжелое и самое главное событие в национальной истории. Чтобы этого не произошло, я думаю, нужна большая честность, большая смелость, чтобы создать тот миф, который укрепит наше самосознание и одновременно даст возможность динамично развиваться нашему обществу в новом тысячелетии. Возможно, это самое главное призвание для историка сегодня.

[Участники «круглого стола» выражают благодарность членам Студенческого поискового отряда «Стикс» и ветерану Великой Отечественной войны Владимиру Антоновичу Черепову за участие в конференции]

Текст стенограммы отредактирован
к.и.н. М.В. Шистеровым

«ЦЕНА ПОБЕДЫ: ТЫЛ»

Оргкомитет

Сопредседатели:

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории УрГПУ, член Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит».

Емельянов Александр Вячеславович, председатель Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит».

Участники дискуссии:

Клименко Иван Михайлович, декан исторического ф-та УрГПУ, канд. пед. наук;

Сутырин Борис Алексеевич, проф. каф. всеобщей истории УрГПУ, канд. ист. наук;

Кручинин Александр Михайлович, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, член ЕВИК «Горный щит»;

Трифонов Александр Николаевич, проф. УрСХА, канд. ист. наук;

Величко Юрий Владимирович, доц. каф. истории России УрГУ, канд. ист. наук;

Гузненко Зинаида Ивановна, зав. каф. теории и методики обучения истории УрГПУ, канд. ист. наук;

Горбачев Олег Витальевич, проф. каф. теории и методики обучения истории УрГПУ, докт. ист. наук;

Сердюков Анатолий Андреевич, доц. каф. отечественной истории УрГПУ, канд. ист. наук;

Вохмяков Леонид Григорьевич, участник движения военно-исторической реконструкции, поисковик, член ЕВИК «Горный щит»;

Мельников Никита Николаевич, доц. каф. истории России УрГПУ, канд. ист. наук;

Шурова Нинель Дмитриевна, доц. каф. технологии социальной работы УрГПУ, член-корреспондент Международной академии педагогического образования;

Неволина Ирина Владимировна, директор музея истории УрГПУ, руководитель студенческого поискового отряда «Стикс».

Стенограмма “круглого стола” конференции

«1945. Цена Победы: Тыл»

г. Екатеринбург, 16 апреля 2010 г.

В.Н. Земцов: Уважаемые дамы и господа, коллеги, товарищи! Мы начинаем работу второго «круглого стола», посвященного теме «1945 год: Цена Победы». Напоминаю, что ровно неделю назад у нас состоялся «круглый стол», на котором мы обсуждали проблемы фронта в период Великой Отечественной войны. Сегодня мы собрались, чтобы обсудить проблемы тыла. Не секрет, что Великая Отечественная война для нашего общества все еще не стала историей, она до сих пор продолжает оставаться частью нашей жизни (вот и за нашим столом присутствуют «дети войны» – люди, которые помнят войну, представляют, что это было такое на личном опыте). Готовясь к сегодняшнему «круглому столу», я, конечно, вспоминал о своих родителях, своих предках

(как, наверное, каждый из нас). Я вспоминал, что отец – он был 1928 г. рождения – мне рассказывал, как в 1942 г., оставшись без отца, они (вместе с матерью) жили в деревне, как приходили «похоронки», как они вынуждены были работать, чтобы уплатить «налоги на крестьян», хотя у самих уже ничего не оставалось, и как потом – в конце войны – возвращались с фронта те, кто остался в живых. Кроме того, перед смертью отец написал маленькую книжицу своих воспоминаний, в которой он, однако, о многих эпизодах, известных мне из его устных рассказов, умолчал. А так как о некоторых из этих эпизодов мне рассказывала также и моя бабушка, то я не сомневаюсь, что, скорее всего, было именно так, как я слышал от отца. Почему отец об этих эпизодах умолчал, когда писал свои воспоминания? Например, об эпизоде, когда в 1943 г. к ним в дом пришел уполномоченный – описывать имущество, так как на крестьян-колхозников по-прежнему сохранялись огромные налоги (к примеру, налог на корову составлял 300 л. молока, 40 кг. мяса, 75 шт. яиц и т.д.). Когда пришел уполномоченный, то из всего имущества у них оставался только один самовар – и этот самовар у них забрали! Вообще, создается впечатление, что люди, пережившие войну (вроде моего отца), нередко испытывают некую скрытую обиду. Я не готов сказать, на что именно или на кого они обижены, потому как иногда они об этом говорят, а иногда нет... Так что, на мой взгляд, в тылу иногда ситуация была не менее тяжелой, чем на фронте.

Пытаясь выяснить круг лиц, которые могли бы как профессионалы принять участие в сегодняшнем «круглом столе», я наткнулся на то обстоятельство, что оказывается у нас в городе (и вообще на Урале) очень мало специалистов, которые всерьез занимаются проблемами Второй мировой войны, в том числе промышленностью Урала в военные годы. Буквально единицы! Ведь когда смотришь на это со стороны, то кажется, что этих специалистов много (есть множество музеев, всюду и везде в периодической печати публикуются какие-то материалы). Однако на проверку оказывается, что это в значительной части лишь попытка «перемолоть» те факты, которые либо общеизвестны, либо созданы воображением некоторых подвизающихся на этом поприще лиц. Сегодня, я думаю, состоится достаточно интересный, предметный и эмоциональный разговор о том, что же происходило в тылу во время Великой Отечественной войны. С чего начать? Думается, что было бы самым разумным начать как раз с уральской промышленности, поэтому я бы хотел предоставить слово Никите Николаевичу Мельникову, который из присутствующих является единственным специалистом, занимающимся уральской промышленностью в годы войны (точнее – танковой промышленностью).

Н.Н. Мельников: Если ставить вопрос, как он сформулирован в программе (про «опорный край державы») – что мы об этом знаем? На сегодняшний день это, к сожалению, в основном множество разрозненных фактов, которые еще только предстоит сложить в какую-то общую картину. Если предметно говорить о танковой промышленности (вопрос, которым я занимаюсь), то, фактически, все исследования по этой проблеме – это работы последнего времени. Главный вопрос здесь – открытие архивов. Сейчас, когда архивы, к счастью, открыты, есть возможность вводить в научный оборот новую информацию, которая обрабатывается, публикуется... Картина складывается определенная: Урал до начала Великой Отечественной войны был даже не второстепенным, а скорее третьестепенным промышленным районом страны (несмотря на достижения первых «пятилеток» и многочисленные промышленные стройки 1930-х гг.). Основная масса вооружений по-прежнему производилась на западе страны (до 1941 г. на Урале производилось от 15 до 18 % все промышленной продукции СССР). Уже в ходе войны, за очень короткое время (в течение полугода), Урал превращается в мощнейший промышленный центр страны, который производил почти все виды вооружений (за исключением авиации). Но за эту «модернизацию» Урал заплатил достаточно высокую цену: мощь уральской промышленности и ресурсы «работали» исключительно на войну. Впоследствии, в силу естественного износа оборудования и истощения ресурсной базы это стало серьезной проблемой, которую пытались решить – во многом неудачно – в 1960-е гг., да и сегодня мы сталкиваемся с той же проблемой – необходимостью модернизации уральской промышленности.

Если говорить конкретно о танковой промышленности, то в годы войны Урал стал тем центром, который фактически изготавливал танки. Вся тяжесть военного производства этого вида продукции лежала на уральских заводах (за исключением некоторых моделей): более 70 % двигателей для танков, практически все тяжелые танки, большая часть средних танков (в том числе знаменитый Т-34), все средние и тяжелые самоходные установки (так называемые САУ), значительная часть легких танков (в 1942 г. производство этого типа танков на Урале было прекращено). Таким образом, Урал действительно (можно об этом говорить определенно) оснастил Фронт танковой техникой.

В.Н. Земцов: В ходе своего исследования, Никита Николаевич, Вы не сталкивались с какими-то «общеизвестными фактами», которые в итоге не подтвердились с конкретными данными или все оказалось примерно так, как и принято, в общем-то, считать?

Н.Н. Мельников: Ну, я должен заметить, что поле, на котором я работал, до сих пор слабо исследовано. К тому времени, когда я заинтересовался этим вопросом, были известны лишь некоторые общие цифры

и общие данные, которые в ходе своей работы мне удалось частично конкретизировать и уточнить. К примеру, даже ключевой вопрос о том, когда же началось изготовление танков на Урале, был не вполне ясен. В действительности это происходит примерно за полгода до начала войны (в 1940 г. было принято решение о начале производства танкового вооружения на востоке страны – Челябинский тракторный завод начинает производство тяжелых танков серии «КВ»). Кроме того, я столкнулся с очень интересным фактом – речь идет о качестве выпускаемой продукции: вплоть до конца войны большая часть танков, изготовлявшихся уральской промышленностью, страдали теми или иными дефектами. Количество дефектных танков было огромным. К примеру, Уральский танковый завод, созданный на базе Уралвагонзавода в Нижнем Тагиле (куда были частично эвакуированы Харьковский паровозостроительный завод, а также Мариупольский завод), в 1942 г. выпускал от 3 до 7 % бездефектных танков (к 1945 г. эта цифра возросла до 47–49 %). Другой пример. В конце 1944 г. на Уралмаше было налажено производство самоходной установки СУ-100. Анализ «поведения» самоходки на фронте, осуществленный на заводе с целью усовершенствования технологии производства, показал, что до 50 % машин выбыло за первые несколько недель эксплуатации по техническим причинам, т.е. эти машины сломались и требовали ремонта. Вывод, который можно сделать из этих данных, заключается в том, что, к сожалению, на первое место было поставлено количество производимой продукции ценою низкого ее качества. Некоторые промежуточные итоги, которые подводились в 1944 г. на совещании танкостроителей в Москве, как раз свидетельствуют о смене приоритетов в отечественной танковой промышленности: вместо задачи «делать как можно больше» перед танкостроителями была поставлена задача «делать не больше, а качественней». Вот это вкратце то, что, по крайней мере, лежит на поверхности.

В.Н. Земцов: Я вспоминаю, что в прошлом году у нас здесь же проходила конференция «Громкое эхо Полтавы», и тогда тоже речь зашла о низком качестве выпускаемой на Урале продукции. Такое впечатление, что спустя несколько столетий ситуация повторилась.

А.М. Кручинин: Я бы хотел добавить кое-что к сказанному Никитой Николаевичем. Дело не только в том, что гнались за количественными показателями (хотя такая установка, конечно, была), но и том, что качество самого рабочего персонала, который собирал эти танки, было тоже, увы, невысоким. Потому что основная масса, составлявшая этот персонал – это мобилизованные крестьяне (в основном, молодежь), техническое образование которых было ниже всякой критики.

Н.Н. Мельников: Отчасти согласен. Но мне хотелось бы сразу дополнить, что как раз на танковых заводах Урала (здесь сошлюсь на

данные А.А. Антуфьева) рабочий персонал на 70 % состоял из квалифицированных рабочих (мобилизованные женщины и дети составляли не более 30 %). С другой стороны, на наших заводах столкнулись две производственные «школы», которые можно условно обозначить как «челябинскую», ориентированную на конвейерную сборку по методу Г. Форда, и «ленинградскую», которая делала ставку на высокотехнологичное производство, индивидуальную сборку танков и была очень требовательна к качеству рабочей силы. Столкновение этих школ на Урале, во-первых, носило конфликтный характер (в том числе на личностном уровне), что, наверное, было неизбежно в условиях войны, а, во-вторых, «давила» установка – дать как можно больше машин и в сжатые сроки.

А.М. Кручинин: Никита Николаевич, как Вы (в свете вышесказанного) прокомментируете до сих пор широко распространенное у нас в обществе (да и среди некоторых историков) утверждение, что Т-34 – это лучший танк Второй мировой войны?

В.Н. Земцов: Ну а что, Александр Михайлович? Танк ведь это не только тактико-технические характеристики, но и стоимость, и скорость производства. Так что, в целом, результат неплохой...

Н.Н. Мельников: Мне сейчас вспомнились слова генерала от промышленности Н.И. Груздева, который в конце 1944 г., проанализировав итоги развития мировой танковой промышленности, прямо сказал, что к середине 1943 г. первенство в танковом строительстве, которое держал СССР с начала Второй мировой войны, было утеряно. Советские танки по многим показателям стали уступать лучшим образцам немецкой и американской техники. Если говорить конкретно о Т-34, то это, безусловно, высокотехнологичный танк, который можно создавать в большом количестве за относительно небольшие средства. В этом он действительно был лучший, хотя по многим тактико-техническим показателям он уже сильно уступал зарубежным аналогам. Это была неизбежная плата за то, что этот танк фактически не менялся в течении войны: те модернизации, которые с ним провели, были во многом «косметическими». В то же время и немцы, и американцы создали в это время новые модели средних танков, которые отвечали актуальным требованиям войны. Советская промышленность лишь «подтянула» основные показатели Т-34 (прежде всего, вооружение) до приемлемого уровня. Таким образом, если подводить какой-то итог, то, на мой взгляд, правильно говорить о Т-34 как об одном из лучших танков войны (по совокупности показателей).

А.А. Сердюков: Никита Николаевич, а как же новая модификация Т-34, которая была запущена в серию в 1944 г.? Считается, что этот танк не уступал по своим характеристикам немецким «тиграм» и «пантерам».

Н.Н. Мельников: Имеется в виду, вероятно, Т-34-85? Ну как же он не уступал? По вооружению этот танк уступал немецким моделям. По броневой защите тоже уступал.

Б.А. Сутырин: А чем, в таком, случае объясняется, на Ваш взгляд, перелом в ходе войны, который приходится именно на 1943 г.?

Н.Н. Мельников: Перелома на самом деле (если мы говорим о технике!), Борис Алексеевич, в 1943 г., не произошло. О переломе можно, по-видимому, говорить только в смысле перехода от количества к качеству (прежде всего, рост качества подготовки бойцов и командиров Красной Армии). А ведь на Курской дуге обновления в технике не было, техника была прежней...

Б.А. Сутырин: Но одно дело, какая техника была под Прохоровкой, на Курской дуге, и совсем другое дело, какая техника была, скажем, во время сражения у оз. Балатон в Венгрии. На мой взгляд, нельзя говорить, что ничего не изменилось и все осталось по-старому.

Н.Н. Мельников: Извините, я Вас поправлю. Я говорил лишь, что до конца 1943 г. качественного изменения в советской бронетехнике не произошло. Качественные изменения наметились только в конце 1943 г. и новые операции 1944 г. Красная Армия действительно начинает уже новой техникой.

Б.А. Сутырин: Но, если говорить о Т-34, то это был уже новый танк?

Н.Н. Мельников: По сути, это был прежний танк с новой, более мощной пушкой. Бронева защита осталась прежней, за единственным исключением – была усилена лобовая броня башни. Тут ведь необходимо учитывать еще один важный фактор – у советских и немецких танкостроителей был разный подход к танкам и их назначению. В отечественной историографии широко использовалась (и используется) классификация танков по весу: легкий, средний, тяжелый (такая же классификация используется американцами). Однако в действительности, ни советские танкостроители, ни их немецкие коллеги в годы войны не классифицировали танки «по весу»: у немцев за основу деления принимался характер вооружения, у советских специалистов – назначение танка. Поэтому, например, советские тяжелые танки предназначались в первую очередь для прорыва глубокоэшелонированной обороны, а не для уничтожения танков противника (в отличие от среднего танка Т-34, который создавался как раз для «дуэлей» – танк против танка). В этой связи возникает вопрос: чья концепция использования танков оказалась более успешной? Кроме того, перелом в войне не определялся исключительно техническим превосходством. На Курской дуге немцам не могла ставка на новую технику, потому что решающим фактором стало

наличие больших резервов, которые имелись в распоряжении Красной Армии.

И.М. Клименко: Я хотел бы тоже добавить несколько слов в продолжение темы. Есть уже устоявшиеся оценки (в том числе вошедшие в учебники по военному искусству), где боевая эффективность танка Т-34 по сравнению с немецкими аналогами определяется в 40 %. Хорошо это или плохо? Понятие «боевая эффективность» включает в себя, прежде всего, скорость, защиту, вооружение и надежность эксплуатации. По всем этим параметрам Т-34 был достаточно неплох и, в целом, был хорошо сбалансирован. Боевая эффективность в 40 % означает, что на каждый танк противника было необходимо примерно 2,5 наших танка, но в том-то и была заслуга и страны, и Урала, что этих танков было выпущено гораздо больше, чем было минимально необходимо. Так что, с одной стороны, это, конечно, миф о том, что это был лучший танк, а с другой стороны – нет, потому что при всей своей технологичности, он был прост в производстве и управлении, экономичен, быстр, хорошо сбалансирован в плане «защита–вооружение» и обеспечил выполнение боевых задач, которые ставились перед войсками.

В.Н. Земцов: Опять вспоминается Полтавская баталия, где перевес/перелом также был достигнут в основном за счет количественных показателей, увеличения армии и прочих факторов. Возникает вопрос: а какими методами мы в будущем будем отстаивать свою независимость, если уже сейчас наблюдаются серьезнейшие демографические проблемы?

Л.Г. Вохмяков: Летом 1942 г. было совещание танкостроителей, где был поставлен вопрос военными о том, что на фронте не хватает танков. Притом, что немцы в 1942 г. произвели приблизительно 4 300 танков всех типов, в то время как советская промышленность выпустила более 25 000 танков. Конструкторы тогда задали военным встречный вопрос: а сколько же вам нужно танков, чтобы начать побеждать?

З.И. Гузненко: Маленькая реплика. Владимир Николаевич, Вы второй раз оговорились, что есть некая связь событий Великой Отечественной войны с Полтавским сражением (Северной войной 1700–1721 гг.), указывая на то, что спустя 200 с лишним лет ничего не изменилось. Мне кажется, что таких прямых аналогий допускать ни в коем случае нельзя. Кроме того, если говорить о полемике вокруг вопроса – какой танк самый лучший, то проблема, на мой взгляд, заключается в стремлении к абсолютизации, т.е. из-за абсолютистского подхода. Я вполне поддерживаю то высказывание Никиты Николаевича, где он выразил мысль, что Т-34 – это один из лучших танков войны. И к вопросу о количестве брака на уральских заводах. Дело не в том, Александр Михайлович, что крестьяне работали (их действительно привле-

кали) – на заводах было много другой работы, не требующей квалифицированного труда, где их труд (равно как детский и женский) был незаменим. Думается, что необходим очень взвешенный подход к оценке событий, очевидцами которых мы не были.

В.Н. Земцов: Итак, мы вышли на еще одну проблему – качество рабочей силы, в том числе у нас, на Урале.

Ю.В. Величко: Прошу прощения, но я бы хотел задать вопрос Никите Николаевичу. Что это за новый средний танк у немцев появился в 1943 г.?

Н.Н. Мельников: T-V «Пантера».

Ю.В. Величко: Вы считаете, что это был средний танк (даже, если рассматривать не по весу)?

Н.Н. Мельников: Да, конечно. И по бронезащите, и по вооружению это был именно средний танк. Хотя западные союзники (не без оснований) считали, что сама идея создания нового среднего танка (коим стала «Пантера») была ошибочна. Вместо этого немцам следовало расширить производство модернизированных вариантов основного среднего танка T-IV, который по многим показателям был самым лучшим немецким танком того времени. К слову, раз уж мы коснулись вопроса о немецких танках, то отечественный T-34 как раз следует сравнивать с «Пантерой». И при таком сравнении очень хорошо видны все достоинства и недостатки этих двух танков, почему ни один из них и нельзя назвать безоговорочно лучшим.

А.М. Кручинин: Я думаю, что танк T-34 стал считаться лучшим потому, что его во второй половине войны очень правильно и удачно применяли, а вовсе не потому, что он был лучше немецких танков (вообще-то, конечно, хуже). Советские танковые армии, состоявшие большей частью из T-34, применялись в основном по пехоте и тылам противника, тем самым выводя вооруженные силы Германии из строя. Немецкие танки второй половины войны («Пантера», «Тигр» и др.), напротив, создавались, прежде всего, как средство противотанковой борьбы. И в этом смысле наша концепция использования танков оказалась более перспективной, что и доказала в итоге наша победа в войне. Отсюда и образ «танка-победителя», которым стал T-34.

Н.Н. Мельников: Владимир Николаевич, разрешите еще одну небольшую реплику. Я все-таки хотел бы акцентировать внимание на том, что победа достигалась не количеством произведенного вооружения (в этом плане правильно заметил Леонид Григорьевич, что и в 1942 г. производили много), а качественными изменениями и в тылу, и на фронте.

В.Н. Земцов: Спасибо, Никита Николаевич. Я думаю, что сейчас самое время перейти от танков к людям, которые эти танки производи-

ли. Мы уже коснулись вопроса о качестве рабочей силы, а ведь это «качество» зависит от многих факторов (культурных, экономических) и не в последнюю очередь от того, чем человек питается и в каком количестве, как обустроен его быт.

А.Н. Трифонов: Ну что ж, действительно, проблема материального положения всегда напрямую влияла на производство. Кроме того, вопрос о снабжении населения продовольствием всегда носит политический характер, потому что говорит о способности власти накормить народ, обеспечить его самым необходимым, потому что только такая власть способна поддерживать свое существование. Традиционно считается, что самыми сложными с точки зрения продовольственного снабжения были 1942–1943 гг., а затем все снова стало хорошо. На самом деле, конечно, все было далеко не так просто. Настоящие сложности действительно начались со второй половины 1942 г. Во-первых, закончились довоенные запасы. Во-вторых, многие «хлебные» районы на юге страны за первый год войны были потеряны, оккупированы врагом. Но еще тяжелее с обеспечением населения продовольствием и промтоварами стало во второй половине 1943 – первой половине 1944 гг., что было связано с неурожаем того года. Нормы по хлебным карточкам были урезаны еще на 100 г. Здесь на Урале массового голода не было только потому, что в значительном количестве собирали картофель (урожай которого, впрочем, тоже был не велик). Тем не менее, смертность от дистрофии в этот период была очень высока (особенно по г. Свердловску). Ситуация стала выправляться только с лета – осени 1944 г., когда показатели смертности снижаются. Кстати, некоторую роль в этот тяжелый период играли, безусловно, поставки по ленд-лизу. Но какова была их роль, я сказать затрудняюсь, так как в моем распоряжении есть только косвенные данные, которые не восстанавливают полной картины. Еще касаясь продовольственного положения, надо учитывать, что оно не было везде (по региону) одинаковым: картина получается очень пестрая на самом деле. Есть районы, где ситуация с продовольственным снабжением была хорошей, есть – где похуже и есть – где на уровне голода. Причем, эта «карта» была довольно изменчивой, т.е. ситуация с продовольствием могла меняться как в ту, так и в другую сторону. Например, Уралмаш всегда снабжался хорошо (помимо централизованного и местного снабжения, завод получал снабжение под заказы и, кроме того, хорошо организовал местную продовольственную базу), а артиллерийский завод № 9 – гораздо хуже, потому что стал подчиняться другому наркомату и снабжение сразу резко сократилось. По Свердловской области в целом наиболее трудной была ситуация на востоке и северо-востоке региона, там где было меньше промышленных предприятий. Таким образом, я хочу сказать, что продо-

вольственное снабжение на Урале было крайне тяжелым на протяжении всей войны, но можно выделить периоды менее напряженные и более сложные, причем ситуация на местах также сильно различалась.

О.В. Горбачев: Я вот сейчас задумался о некоторых исторических параллелях к тому, о чем говорил Александр Николаевич – ухудшении снабжения продовольствием в 1943 – 1944 гг. Ведь действительно, если вспомнить 1916 г. (разгар Первой мировой войны), когда отечественная тяжелая промышленность чувствует себя относительно хорошо, но возникают проблемы с продовольствием. Аналогичная ситуация складывается в годы Гражданской войны – политика продовольственной диктатуры... Это заставляет задуматься о границах используемой мобилизационной модели, которая «заточена» под тяжелую промышленность, но очевидно непригодна для работы в сельскохозяйственной сфере. Кроме того, мы сейчас говорили преимущественно о снабжении рабочих, и уже на этом уровне картина чрезвычайно пестрая, но ведь и ситуация в деревне была неоднозначной: денежная реформа 1946 г. была явно направлена на изъятие денег, которыми «приросли» крестьяне, что было связано с некоторым возрождением рынка в годы войны.

А.Н. Трифонов: Действительно, крестьянство также было неоднородным: были как те, кто пострадал в годы войны, так и те, кто нажился, используя открывшиеся возможности колхозного рынка (где в действительности доля колхозов была невелика, а торговали в основном частники, те, кто крепче стоял на ногах) как механизма перераспределения продовольственных товаров. Кто тогда хорошо жил в деревне? Это очень непростой вопрос на самом деле. Я, например, затрудняюсь эту категорию обозначить каким-то общим термином, потому как здесь были и партийные функционеры, председатели колхозов (эдакие местные «князьки»), головатые крестьяне и др.

О.В. Горбачев: Ну, это, вероятно, было связано с общим ослаблением колхозного строя и возникновением так называемой «протобуржуазии».

Б.А. Сутырин: А как обозначить слой, включавший работников торговли, общепита в городах, которые имели очень хорошее снабжение?

А.Н. Трифонов: Совершенно верно. Пять лет назад мы (вот, Зинаида Ивановна, один из соавторов) издали работу «Свердловск в годы Великой Отечественной войны», где я писал, что покупателями (а отчасти и продавцами) на этих «колхозных рынках» были как раз работники торговли и все те, кто имели доступ к распределительной системе.

В.Н. Земцов: В целом, насколько я понимаю, можно сделать вывод, что продовольственное снабжение рабочей силы на промышленных

предприятиях было относительно неплохим. Более того, возникли условия для определенной социальной дифференциации к концу войны.

Ю.В. Величко: Я бы хотел вернуться к вопросу, который задал Борис Алексеевич. Речь ведь, по-видимому, шла о многообразии категорий снабжения (чего не было, кстати, в Германии), а не только о вовлечении работников торговли.

А.Н. Трифонов: Да, действительно, были основные нормы снабжения (по карточкам) и многочисленные особые нормы. Затем стало вводиться так называемое дополнительное снабжение: например, «второе горячее питание», которое складывалось из различных составляющих (часть давало государство, часть добавляло предприятие); нормы для работников обкомов партии, которые подразделялись на «А» и «Б», куда включались, например, такие товары как апельсины, икра, сахар и др. В общем, норм было действительно очень много. Я сам, работал с архивом наркомата торговли, встречал информацию, что всего было 103 нормы (по категориям), однако некоторые исследователи указывают даже больше – около 120. К слову сказать, следует отличать нормированное снабжение и карточное снабжение, так как у нас на Урале большинство населения отоваривалось отнюдь не по карточкам. Карточное снабжение – это то снабжение, которое гарантировалось государством, а нормированное снабжение по талонам (которое иногда ошибочно смешивают с карточным!) входило в компетенцию местных властей и распределялось по остаточному принципу, т. е. сколько осталось, столько и делили между определенными категориями населения.

Ю.В. Величко: Талоны давали не всем!

А.Н. Трифонов: Не всем. А в сельской местности, например, распределение осуществлялось по спискам. Хотя жесткой системы не существовало, могли выписывать нормы и другим образом. Тут, конечно, можно много говорить и о качестве продуктов. Например, хлеб к 1943–1944 гг. стал совершенно другим: добавляли жмых, целлюлозу, животный помет и прочее. И, несмотря на то, что уже к 1943 г. хлеб был очень плохого качества, все равно нормы снижали, так как не удавалось обеспечить население даже таким «хлебом».

А.М. Кручинин: У меня вот какой вопрос: Александр Николаевич, смогло ли советское правительство в годы войны обеспечить продовольствием свой собственный народ?

В.Н. Земцов: Решительный вопрос!

А.Н. Трифонов: Я уже, что называется, попытался предотвратить Ваш вопрос, но Вы, Александр Михайлович, человек безжалостный! Здесь, на самом деле, все зависит от количества поставок по ленд-лизу, которые остаются неизвестной величиной. Есть ряд работ отечественных исследователей, которые показывают настолько большой удельный

вес продовольственных поставок по ленд-лизу, что, если брать эти данные за основу, то ответ будет отрицательным, т.е. без них мы бы не справились с ситуацией. Но надо учитывать, что эти указанные мной работы создавались на американские гранты и потому отношение к ним у меня неоднозначное. Я все-таки считаю, что кто платит, тот и заказывает музыку.

З.И. Гузненко: Александр Николаевич, а когда начались поставки продовольствия по ленд-лизу?

А.Н. Трифонов: Я могу точно сказать, что эти поставки уже шли в 1942 г.; тогда в Куйбышеве (нынешней Самаре) уже появилась знаменитая американская тушенка. Возвращаясь к предыдущему вопросу, хочу добавить: я считаю, что если у нас экономика не развалилась, и массового голода не было (потому что если бы начался массовый голод, то это разрушило бы промышленность), значит с продовольственным снабжением все-таки справились. Хотя, вне всякого сомнения, мы были на грани полного краха.

Ю.В. Величко: В Ваших словах, Александр Николаевич, я усматриваю некоторое противоречие. Массовая гибель от дистрофии в 1942–1944 гг. ясно отвечает на поставленный вопрос: не справилось правительство с нормальным продовольственным снабжением населения...

А.Н. Трифонов: Ах, с нормальным...

Ю.В. Величко: Даже с минимальным не справилось. А то, что не все умерли, так это не показатель блестяще организованного снабжения.

А.Н. Трифонов: На самом деле, ситуация была сложнее. В том же г. Свердловске (по которому статистика смертности очень высока), несмотря на относительно неплохое снабжение, сложная ситуация сложилась потому, что сюда свозили эвакуированных, многие из которых умерли.

В.Н. Земцов: Александр Николаевич интересно ответил на вопрос: если промышленность работала, значит государство со своей задачей справилось.

Ю.В. Величко: Я вспоминаю, что рабочие свердловских заводов, получавшие так называемый «усиленный паек», между собой называли его «умрешь днем позже»... Ежедневно на каждом предприятии рядом с баракком, где содержались страдающие дистрофией, возникали новые гробы, которые в течение ночи заполнялись. И так повторялось в 1942–1943 гг. снова и снова.

А.Н. Трифонов: Здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой – мобилизованных из Средней Азии, где ситуация была еще хуже.

Ю.В. Величко: Там вообще люди вымирали.

А.Н. Трифонов: Вот именно!

О.В. Горбачев: Мне вспомнились цифры общих поставок по ленд-лизу – что-то около 5 % от общего объема выпущенной в СССР продукции.

З.И. Гузненко: По моим данным 4 %.

О.В. Горбачев: Исходя из этой цифры (4–5 %), вряд ли возможно говорить об этом факторе, как о значимом в масштабе всей страны.

А.Н. Трифионов: Я тоже так считаю.

Ю.В. Величко: На самом деле эти цифры вызывают большие сомнения.

А.М. Кручинин: Согласен, указанные цифры нужно, по-видимому, увеличить в несколько раз.

И.М. Клименко: Да, разброс данных на сегодняшний день очень большой: от 4 до 16 %!

Ю.В. Величко: Скорее даже: 18–20 %.

В.Н. Земцов: Я знаю, что Олег Витальевич занимается проблемой жизни населения на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны. Интересно было бы узнать: а как там обстояли дела с продовольствием?

О.В. Горбачев: Видите ли, сама логика нашего восприятия войны порождает некую полюсность: вот – «мы», вот – «они». В соответствии с этой логикой человек, который успел эвакуироваться, становился тружеником тыла и вносил свой посильный вклад в борьбу с врагом, а человек, который не успел эвакуироваться, оказывался на оккупированной территории, и отношение к нему было, прямо скажем, непростое. Как к этим людям относиться? Интересен, на мой взгляд, и вопрос об отношении немецкой оккупационной власти к нашим людям, нашему обществу.

Впервые с темой оккупационных территорий я столкнулся в 1995 г., когда в архивах открыли соответствующие дела. И я тогда обратил внимание на ряд моментов. Во-первых, немецкими властями на оккупированных территориях обещалась крестьянам земля в частную собственность (некий идеологический момент!), однако де-факто этого не произошло, сохранялись крупные хозяйства (чем, кстати, крестьяне на западе России были очень обижены, так как многие из них хотели получить землю в частную собственность). Причем эффективность этих хозяйств была различной: на Украине – довольно высокой, в средней полосе России – низкой. Отношения немцами на оккупированной территории вводились, в общем, тоже знакомые: твердые закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, обязательная трудовая повинность и т.д. Причем город и деревня оказались в разной ситуации. Дело в том, что если крестьяне худо-бедно имели возможность обеспечивать себя, то про городское население этого сказать нельзя: оно было вынуждено

проявлять лояльность к оккупационным властям, которые брали на себя функции снабжения города продовольствием. Можно ли это назвать коллаборационизмом? На мой взгляд, это сложная проблема. В таких условиях преимущество получали формы пассивного сопротивления: саботаж по отношению к тем работам, которые объявлялись гражданскими властями из числа русских; отказ платить налоги. Или более решительные формы: укрывательство партизан и военнопленных, а также стихийные бунты. При этом надо понимать, что никакой идилии в отношениях местного населения и партизан, конечно, не было. Передкими были случаи доноительства. Кроме того, реквизиции со стороны партизан, разумеется, вызывали негативную реакцию у населения (то, что называлось «нездоровыми явлениями» в партизанской среде). При этом если выстраивать некий баланс, то большинство населения все-таки поддерживало партизан. В то же время, мне встречалась информация, когда даже в рамках одного региона ситуация была прямо противоположной: одни районы были настроены пропартизански (Дядьковская партизанская республика на территории Брянской области), а соседние – вполне лояльны немцам (Локотская республика). Почему так происходило, мне сейчас сложно объяснить. Уверен, дальнейшие исследования в этой области помогут прояснить многие аспекты и сделают, вероятно, общую картину более объемной и подробной. Еще один интересный сюжет – школьная политика немцев. Школы на оккупированных территориях открываются (при этом праздник 1 Мая заменяется празднованием Дня рождения А. Гитлера – «праздник Весны») и ставится задача воспитания лояльного гражданина, благодарного немецким властям (для чего истребляется все коммунистическое, возрождаются прежние дореволюционные традиции). Кроме того, нужно отметить непоследовательность политики немцев. На характер отношений оккупационных властей и местного населения влияла как ситуация на фронте, так и нечеткие границы генерального плана «Ост» (там было три варианта). Еще одним фактором, влиявшим на характер немецкой администрации (в том числе соотношения гражданской и военной власти), было наличие или отсутствие партизан: там, где было больше партизан, предпринимались более активные усилия для создания гражданской администрации. Что касается угона рабочей силы в Германию, то здесь снова действовало несколько факторов: конечно, преобладали насильственные формы, но были и добровольные случаи, что связано с общим ощущением поражения и желанием заработать на «кусочек хлеба».

В.Н. Земцов: Создается ощущение, что как и по отношению к Русской освободительной армии, так и по отношению к местному населению на оккупированной территории, немцы допустили крупные (я бы

даже сказал стратегически важные) просчеты, не воспользовались теми возможностями, которые у них были.

О.В. Горбачев: Но нельзя сказать, что они не пытались. Например, в Брянске был открыт дом для инвалидов и престарелых. Коллаборационистам, которые отличились на немецкой службе, давали дома в городе (которые, однако, не освобождались от постоя), земли в деревне (все-таки тяга к земле у русского крестьянина существовала), денежные пожалования и др.

И.М. Клименко: Я бы еще хотел отметить два аспекта, которые сейчас вызывают большой интерес: зависимость истории от социально-политического заказа и формы борьбы с оккупантами. В этом плане любопытная ситуация сложилась с Донбассом (что мне близко, так как я там проживал долгое время), который тоже был оккупирован и откуда немцами вывозился уголь. Если в советское время заявлялось жестко – ни одного эшелона угля оккупанты из Донбасса не вывезли, то потом, когда начался период перестройки, появилась цифра в 200 тыс. тонн, вывезенных эшелонами (это не считая угля, который потреблялся на месте), а сейчас – в связи с антиросийскими настроениями на независимой Украине – возникают цифры уже в млн. тонн вывезенного угля. Сказать, насколько эти цифры обоснованы, и где правда, я, к сожалению, не могу. Что касается второго момента, то, действительно, самой распространенной формой противодействия оккупации в Донбассе был саботаж, который был развит чрезвычайно сильно. Мне встречалось мнение, что уровень саботажа зависим от степени урбанизации, т.е. чем выше уровень городского населения, тем более распространен саботаж (Донецкая область по уровню городского населения занимала второе место в СССР). Думается, что этот вопрос еще нужно исследовать. И все же, ситуация с Донбассом представляется типичной. Понятно, что целый ряд героизированных эпизодов имеют мифологическую основу, но тем не менее степень сопротивления захватчикам была высокой. Причем противостояние носило два направления: саботаж и помощь военнопленным.

А.М. Кручинин: Олег Витальевич, в Локотском районе колхозы сохранились или земля была переведена в частную собственность?

О.В. Горбачев: Я не знаю, трудно сказать.

Ю.В. Величко: Дело вот в чем. У нас традиционно считается, что оккупационная политика Германии была централизованной. На практике она не была такой. Во многом все зависело от того, кто начальник на месте, потому как любой чиновник (военный или гражданский) под свою ответственность мог отказаться от указания «сверху» (законы этого не возбраняли, исходя из принципа целесообразности). Поэтому в

отдельных районах оккупационные режимы были более мягкими, в других – жесткими.

И.М. Клименко: Немцы, конечно, пытались действовать по европейской методике – организовать работу на «Великую Германию» более или менее цивилизованными способами. Там, где этого не удавалось сделать, доходило дело и до бесчинств.

Ю.В. Величко: Но указания изначально были жестокими, только они не всегда выполнялись.

Н.Н. Мельников: Олег Витальевич, можно задать Вам вопрос? Насколько мне известно, оккупированная территория делилась на две зоны: прифронтовую и тыловую. В прифронтовой зоне была военная администрация, т.е. администрация вермахта. Брянская область в какую зону попала?

О.В. Горбачев: В тыловую зону.

Н.Н. Мельников: То есть это гауляйтеры.

Ю.В.Величко: Нет, вермахт!

О.В. Горбачев: Это не гауляйтеры, это были бургомистры, которые подчинялись военным властям.

Н.Н. Мельников: Прифронтовая зона была глубокой? Мне встречались данные, что до 200–300 км.

О.В. Горбачев: Видимо, да.

Ю.В. Величко: Я прошу прощения. Надо разобраться в этой путанице. Гауляйтеры – это вроде секретаря обкома, то есть это партийный начальник.

В.Н. Земцов: Кстати, среди детей, оказавшихся на оккупированной территории, был и М.С. Горбачев. Куда потом смотрели соответствующие органы, когда он пошел «наверх»? Это к вопросу о том, есть ли у нас еще мысли по поводу жизни на оккупированной территории. Если нет, то тогда перейдем к вопросу о детях и войне.

Ю.В. Величко: А про женщин можно?

В.Н. Земцов: Конечно.

Ю.В. Величко: В Германии мобилизация женщин для работы в промышленности началась только в октябре 1944 г. До этого действовал только добровольный найм. Кроме того, существовало правило: если мужчину призывали в армию, жене выплачивали 60% его заработной платы. Так что многие немки не шли работать. Это обстоятельство чрезвычайно важно для понимания того, почему немцам не хватило людских ресурсов.

Н.Н. Мельников: Меня поразил тот факт, что до конца войны немецкая промышленность выпускала алюминиевые лестницы для сбора груш. Германия не отказывалась от производства товаров массового

производства (в том числе из стратегически важных материалов), несмотря на войну.

В.Н. Земцов: Интересно, в СССР какие категории женщин подлежали призыву, мобилизации? Кто-то этим занимался? Нам, оказывается, об этом мало что известно.

З.И. Гузенко: Главным образом, медицинские и железнодорожные работники. К примеру, об этом становится известно, когда занимаешься железнодорожными школами. А также призыву подлежали те, кто прошел переподготовку в соответствующих профильных кружках.

В.Н. Земцов: Это в отношении призыва в армию, а в отношении мобилизации на производство?

З.И. Гузенко: А специальных распоряжений или постановлений на этот счет не было.

И.М. Клименко: Мобилизации носили всеобщий характер.

Б.А. Сутырин: Когда президент России Б.Н. Ельцин (мы с ним одного года рождения) учредил новое постановление о тружениках тыла и сам получил такое удостоверение, я задумался, что и мне, вероятно, полагается подобный документ. Но как бы получить его? В отделе социальной защиты мне сказали, что для получения этого удостоверения необходимо представить двух свидетелей, которые могли бы подтвердить, что я был именно тружеником, а не иждивенцем. Вы знаете, здесь возникает очень любопытная ситуация: как соединить воедино разные категории детей (тех, кто вырос там, где родился, тех, кто вынужден был перебраться на новое место, тех, кто оказался на оккупированной территории)? Детей-школьников туеядцами назвать, конечно, никак нельзя. Первая задача, которая была поставлена перед нами – детьми войны – это отличная учеба. Существовало целое движение «Отличной учебой поможем фронту». Когда началась война, я с матерью был в Астрахани, а отец был в Ленинграде. 1 сентября я пошел в школу, сразу нацелился на отличную учебу. В школе висела карта, где была отмечена линия фронта. Учителя, старшие пионервожатые проводили политинформацию. Вообще, пионерские организации работали бесподобно. После учебы посещали госпитали, читали, пели, танцевали, помогали писать письма больным. Я думаю, что это можно назвать трудом. Весной 1942 г. умерли родители матери. Потом начались бомбардировки. Дети, конечно, собирали осколки от снарядов. Сколько было разочарований, что наши зенитки не доставали до немецких самолетов! Вот приходит известие, что гитлеровские войска приближаются к Астрахани. Нас эвакуировали последним эшеленом. Выдавали зерно, соль. Во время эвакуации мы насмотрелись на санитарные поезда. Это страшное зрелище! Приехали в Златоуст. Время было тяжелое. Запомнилось, что школьникам выдавали пирожки с рябиной. Конечно, приходили в школу не

только за пирожками, но чтобы получить новости с фронта. Дисциплина была отличная, ребят занимали с утра до вечера кружками. Учителям удалось создать героическую атмосферу. Потом нас эвакуировали в Харьков. Только там нас застала проблема с питанием. Мать меня заставляла продавать майки на рынке. Приходилось самому собирать золу. Я не выдержал это испытание, не сдал за 6-ой класс. Оставили меня на второй год. Нас спасло возвращение отца с фронта. Салют в честь победы в Харькове до сих пор остался в памяти. Может, детям было не так тяжело, как взрослым, но они внесли свой вклад в победу. К сожалению, об этом мало известно и мало написано. Наверное, Ирина Владимировна поделится о том, что написали участники войны.

В.Н. Земцов: Ирине Владимире мы обязательно слово предоставим. Сейчас давайте послушаем Анатолия Андреевича.

А.А. Сердюков: Мое детство прошло на оккупированной территории, в Белоруссии. Мне было 4 года, когда началась война. Некоторые военные эпизоды особо запомнились. Первый из них. Когда пошел слух, что приближаются немцы, все люди ушли в лес. Поставили что-то вроде палаток: колышки и одеяло. Так переночевали. На следующий день отправили нашу бабушку (а у меня на тот момент остались мать, бабушка и младший брат, отец умер до войны, он был учителем) узнать, пришли ли немцы в нашу деревню. Она вернулась с новостью, что немцев нет. Все вернулись в деревню в приподнятом настроении. Вдруг появились немцы, покатались по улицам 2 дня и уехали, не тронув никого. Потом появились полицейские. Где-то в конце лета началось партизанское движение. Наша деревня вошла в состав большого партизанского района. Мать носила еду партизанам. Самое страшное время наступило в 1943 г. – в нашу деревню нагрянуло много военной техники. Все население убежало в лес. Заранее были заготовлены места, где спрятаться: кто ямы выкопал, кто под горкой хвороста. Но прятаться было опасно, так как немецкие самолеты стреляли по лесу. Всю ночь немцы палили. Утром наступило затишье. Помню, раннее июльское утро, все люди собрались, чтобы приготовить еды. Вдруг нагрянули немцы. Все побежали. Николай, мой брат, в одну сторону, а мы с мамой в другую. Спрятались под хворостом. Рядом с нами прошли немцы с пленными. В этот момент мать мне рот рукой закрыла. Чудо нас спасло. Всех, кого поймали, немцы сожгли, либо расстреляли. Мы лежали всю ночь, а на утро оставшиеся вышли из укрытий. Ужасное время было. Особенно запомнился 1944 г., когда немцы жгли деревни. Но был и радостный день в этом году, когда пришла Красная Армия. Мы бросали полевые цветы солдатам, а нам бросали хлеб, сухари. 9-го мая я болел корью. Мать со слезами на глазах принесла мне кружку молока. Позже она мне рассказала, что в соседней деревне, куда она ходила за моло-

ком, спросили: он еще не умер? Самый сильный голод в Белоруссии был в 1945–1946 гг. Нас спасло государство. Нам давали рыбий жир. В заключении хотелось бы сказать, что, по официальным данным, фашисты разрушили в Белоруссии 270 городов, сожгли 628 еврейских деревень.

В.Н. Земцов: Спасибо, Анатолий Андреевич. Пожалуйста, Зинаида Ивановна...

З.И. Гузненко: Я родилась до войны. Могу отнести себя к детям войны, но не считаю возможным, чтобы я могла сознательно все запомнить. Поскольку здесь шел разговор о питании, я хочу привести некоторые нормы, которые были во время войны для детей школ и детских домов-интернатов. Я поддерживаю точку зрения Анатолия Андреевича о том, что государство проявило заботу о детях. Одно из проявлений этой политики – создание детских домов. Я думаю, это может подтвердить и Нинель Дмитриевна. Я в детский дом попала в 1946 г. По архивным данным, на 2-ой квартал 1946 г. норма составляла: хлеб – 600 г., крупы – 50 г., сахар – 15, 1 г., рыбопродукты – 15 г., масло, сыр – по 5 г., яйца – 5 штук в месяц. Я добавлю, что, кроме детских домов, в 1942–1943 гг. были приняты соответствующие правительственные документы по отношению к женщинам, которые имели детей. Под эти постановления попала и моя мать, так как у нее было семь детей. Не удивительно, что эти семьи должны были обеспечиваться продуктами особо. Одними из главных продуктов питания был хлеб и сахар. Школы получили жесткую инструкцию по привлечению детей на занятия. Сколько государство могло сделать, оно сделало. Вот на обратной стороне ордена, который получила моя мать, было написано 22 тыс. Так, к 1945 г. уже столько орденов было выдано многодетным матерям. В 1946 г. в детском доме, если в течение дня не привезли хлеб, а привезли его ночью, то нам разносили по комнатам. Мы, дети войны (посмотрите на Нинель Дмитриевну!) не привыкли, много есть.

В.Н. Земцов: Это хорошо. Кстати, и для страны особенно! Главная проблема для русского человека – выжить. Спасибо, Зинаида Ивановна! Нинель Дмитриевна тоже хотела бы с нами поделиться воспоминаниями об этих годах.

Н.Д. Шурова: Я даже не знаю, с чего начать. Вообще-то, я – смолянка. Смоленск всегда стоял где-то на грани между Польшей и Россией. В конце войны ему в числе первых было присвоено звание «город-герой». В самом начале войны мы не сразу осознали эти события как войну. Фашист представлялся нам в огромной тяжелой каске, кого-то убивающим. В первые дни войны мы собирали осколки бомб. Многоэтажный город погрузился во тьму. Как только появлялись немецкие самолеты, над городом вспыхивала иллюминация. На ночь люди уходили

в овраги, а утром шли на работу. Потом началась эвакуация. Мы не успели эвакуироваться, потому что мама, учительница истории, была на организации этой эвакуации. Мы должны были эвакуироваться 16 июля, но уже 14 июля доступ к вокзалу был закрыт. Немцы сбросили очень крупный десант у станции Ельня. Ночью на город налетели около 100 самолетов. Я никогда не забуду это зрелище. Утром Смоленск превратился в сплошной пылающий костер. Мы провели эту ночь в бомбоубежище. Мне не было жалко имущества, которое сгорело. Было жалко только маленького пушистого котенка. Дальше по оккупированной территории мы прошли 900 км. Об этой Смоленской дороге у А. Твардовского есть замечательные стихи. Для меня она измерялась не только километрами, но и жуткими страданиями. Я впервые 1 сентября была вне школы. На этой дороге мы стала свидетелями эпизода, как два немца натравили овчарок на человека, потому что он был китайцем. Он бежал по деревне. Сначала мы подумали, что на китайце атласная рубашка. Но это была кожа, которую успели спустить с него эти овчарки. На этой Смоленской дороге, около оз. Щучьего, немцы сожгли 60 человек подростков и стариков мужского пола, потому что в это время уже стало пробуждаться партизанское движение на Смоленщине. Пройти по полям было невозможно, немцы все заминировали...

В.Н. Земцов: Нинель Дмитриевна, Вам удалось добраться до линии фронта или Вы остались на оккупированной территории?

Н.Д. Шурова: Смогли.

В.Н. Земцов: Как потом сложилась Ваша судьба?

Н.Д. Шурова: Потом начался известный бой под Ржевом. Мы оказались между нашими и наступавшими немцами. Девочка из соседней деревни провела нас через нейтральную зону. Нашим пропуском при первой встрече со своими был мой пионерский галстук. Мы уехали на Урал. С тех пор я ваша землячка, человек, верный институту. В 1945 г. я закончила институт и стала учителем. У меня большая просьба к историкам, есть вещи, мимо которых нельзя проходить...

В.Н. Земцов: Нинель Дмитриевна, Ваши воспоминания были потрясающие. Мы слушали, не шелохнувшись, но я вынужден передать слово другим. Кто еще хотел бы высказаться?

И.В. Неволина: Мы планируем реализовать проект «Другое детство. Повседневная жизнь в период Великой Отечественной войны». Когда мы начали этим заниматься, я не думала, что это будет так увлекательно. Материалы Великой Отечественной войны, которые мы собираем, настолько интересны! Главное, что эта тема еще никем не изучена.

В.Н. Земцов: Ирина Владимировна, есть нечто такое, что Вас поразило, удивило?

И.В. Неволлина: Понимаете, каждое воспоминание удивляет. Уникально то, что эти люди работают в нашем вузе, что мы можем с ними пообщаться. Мы планируем издать первый сборник, где собраны воспоминания сотрудников нашего университета. Если получится расширить проект, то мы соберем воспоминания жителей Орджоникидзевского р-на, а потом и области. Хотелось бы обратить внимание на то, что у нас проводится конкурс «Война глазами ребенка». У кого есть возможность взять воспоминания участников войны, предоставьте нам эту информацию. По поводу питания хотелось бы сказать. Моя бабушка из уральской деревни. Она вспоминает, что они голода на себе не испытали.

А.А. Сердюков: Это были люди, у которых война отняла детство, но она их не сломила. Они нашли в себе силы трудиться, чтобы поднять страну.

З.И. Гузненко: Возвращаясь к началу нашего обсуждения, хотелось бы сказать следующее. Я вчера купила 2 учебника для 9 и 11 класса. Поинтересовалась, как там отражена история Великой Отечественной войны. На иллюстрациях изображены некоторые из наших уральских заводов. Я обратила внимание, что там не упоминаются герои тыла.

Б.А. Сутырин: Недавно показывали книги о космосе для детей. Нет ни слова о Ю.А. Гагарине, о наших космонавтах. У Нинель Дмитриевны есть медаль и личный автограф Ю.А. Гагарина.

А.Н. Трифонов: Я взял воспоминания у одной учительницы в Алапаевске. Можно посмотреть их.

В.Н. Земцов: Каждый человек должен оставить о себе воспоминания, чтобы цепочка не прервалась. Мы сегодня послушали участников круглого стола. У всех восприятие войны было особое, по-разному сложились судьбы. Десять лет назад известный историк П.Ю. Уваров опубликовал статью «Основной инстинкт историка». По его мнению, инстинкт историка сводится к внутреннему желанию «воскресить» жизнь каждого человека прошлого. Конечно, это утопия, но именно для этого мы и собрались. Необходимо воскресить историю каждого человека.

З.И. Гузненко: Одна из статей в журнале «Преподавание истории в школе» посвящена анализу американской прессы в годы Второй мировой войны. Мне показалось, что американцы объективно оценивали участие, вклад СССР в общую Победу.

А.А. Сердюков: Прозападное мнение заключается в том, что путь к победе СССР проложил огромными людскими потерями. Я не согласен с этим. Наши потери были равнозначны немецким.

А.М. Кручинин: Вы ошибаетесь. Наши потери были гораздо больше немецких.

В.Н. Земцов: Мы подарим Анатолию Андреевичу диск с записью первого «круглого стола», где этот вопрос поднимался во время обсуждения. Прежде чем передать слово Ивану Михайловичу, хозяину факультета, мне хотелось бы сказать несколько слов. Подвести итог фрагментарному обсуждению достаточно сложно. Вот сейчас посмотрели на медаль, посвященную Ю.А. Гагарину. Это к вопросу об исторической памяти: мне вспоминается один эпизод. Я родился в ноябре 1960 г., а первый полет человека в космос состоялся в апреле 1961 г. Папа и мама мне рассказывали, что все вышли во двор и стали смотреть в небо и радоваться. Мне, маленькому, говорили: «Смотри, Гагарин полетел в космос». Эти рассказы привели к тому, что я абсолютно уверовал, будто помню полет первого человека в космос. То, что мы сегодня услышали, стало частичкой нашей памяти. Я почувствовал сегодня, что память о Великой Отечественной войне – живая. Вспоминая рассказы родителей, я пришел к выводу, что главная проблема русского человека – это проблема выживания. Этот страх передается, наверное, на генетическом уровне. Я не голодал, но отец мне рассказывал о своих голодных годах, и поэтому я стал панически бояться голода. Я мечтаю о том времени, когда подобные элементы генетической памяти исчезнут, и мы откроемся для новой жизни. К сожалению, прошлое – это не только огромное богатство, но и тяжелые гири, которые тянут нас назад. Сейчас мне вспомнились слова Г.Г. Старченко, произнесенные на первом «круглом столе»: а какова была бы цена поражения? Великое счастье и великое благо, что, заплатив и такую цену, мы сохранили исторический шанс иметь будущее. В противном случае у нас бы его не было. Я предоставляю слово Ивану Михайловичу.

И.М. Клименко: Через две недели – 65-ая годовщина Победы. Я выражаю благодарность кафедре, которая организовала эти «круглые столы». Хотелось бы сказать, что благодаря тем людям, которые победили, мы родились. У нас – менталитет победителей, в то время как три поколения немцев живут с менталитетом проигравших войну. И мы должны помнить о людях, которые смогли победить и отстоять наше право на будущее.

[Минута молчания]

Спасибо. Нам есть, чем гордиться, хотя бы этим круглым столом. Особую благодарность выражаю коллективу кафедры всеобщей истории.

Текст стенограммы отредактирован
к.и.н. М.В. Шистеровым и А.А. Постниковой.

II. Статьи и сообщения

Е.С. Соколова

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54); кандидат юридических наук, доцент.

Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. Электронная почта/E-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru.

«ИСКУССТВО ИМПЕРАТОРОВ И КОРОЛЕЙ»: КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ ФРАНЦИИ XV–XVII ВВ.

Статья посвящена проблеме выявления политико-правовых и культурно-исторических истоков функционирования «образов памяти» в политическом пространстве европейских монархий раннего Нового времени. На примере сопоставления текстовых стратегий моделирования семантики официальных дворцово-парковых резиденций Франции XV – XVII вв. с итальянскими архитектурными образцами эпохи Ренессанса автор приходит к выводу о возникновении тенденции к моделированию мнемонического языка, способствующего трансформации античного культурного наследия в соответствии с потребностью централизации королевской власти. Строительство Версаля способствовало формированию универсальных семантических кодов, при помощи которых идея верховенства суверенного монарха над подданными стала транслироваться на общеевропейском уровне, что впоследствии дало импульс для возникновения историографического мифа об абсолютизме.

Ключевые слова: монархия, государство раннего Нового времени, суверенитет, дворцово-парковый комплекс, природный ландшафт, античное наследие, политическая семантика, историографический миф.

Неутихающая дискуссия последних лет о способах обретения национальной идентичности выводит на качественно новый уровень осмысление вопроса о роли идеологического компонента в процессе формирования образов исторической памяти, рассчитанных на массовое

восприятие. Технологии моделирования мифологического эпоса, посвященного проблеме легитимации института верховной власти в общественном сознании широких слоев населения, являлись неотъемлемым элементом повседневной политической практики уже на ранних этапах истории. Тем не менее, особенной изобретательностью в сфере репрезентации мифа о единстве интересов государства и народа отличается раннее Новое время с его последовательной установкой на формирование светской шкалы духовно-нравственных ценностей, позволяющей обеспечить сплочение нации для решения насущных проблем модернизационного характера. Европейские монархи XV–XVII вв. настойчиво стремились к созданию визуальных сценариев реализации суверенной власти, в рамках которых достигалось бы гармоничное сочетание рационального принципа законности с представлением о сакральной сущности властных полномочий неограниченного типа. Величие и грандиозность политического пространства, отведенного в качестве места действия для образного воплощения наиболее концептуальных идеологических стереотипов восприятия национальной истории и культуры, рассматривались как неперенные атрибуты результативного диалога с подданными. Ту же цель преследовало искусственное создание универсальных мнемонических кодов, основанных на историко-философских реминисценциях из общеевропейского культурного наследия и хорошо понятных интеллектуальной элите с ее тягой к космополитизму. Историческое описание постепенно перестало ассоциироваться с определенной нарративной стратегией, принимающей ту или иную вербальную форму. Верховная власть присвоила себе прерогативу сотворения историографического мифа с помощью художественных средств, в текстологии которых семантика слова нередко играла лишь вспомогательную роль.

Отличительной чертой западной историографии последних десятилетий является постепенный рост интереса к изучению архитектурных комплексов официальных королевских резиденций Нового времени. Широкое распространение получили исследования, связанные с выявлением политической семантики внутренних планировок и декоративных интерьеров дворцовых покоев, которая разрабатывалась с целью придать статусно-репрезентативное значение повседневному придворному церемониалу. Анализируя стремление большинства европейских монархов превратить свой быт в «роскошный спектакль», современный британский историк Н. Хеншелл пришел к обоснованному выводу о том, что чем меньшими средствами принуждения обладали короли в своем соперничестве с сословными корпорациями, тем больше «им требовалось „*maiestas*“, внушительное, великолепное действо», позволяющее достичь иллюзии максимальной власти (1). Можно добавить, что та же организующая роль вовлечения подданных в феерию политиче-

ского быта, сотворенного по воле монарха-демиурга, принадлежала и садово-парковому искусству, с помощью которого формировались аллегорические представления о природе и сущности верховной власти. Семантические аспекты политико-правовых текстов, «зашифрованных» в архитектурно-художественном пространстве дворцовых парков позднего барокко и зрелого классицизма, включали в себя различные способы обоснования духовного превосходства властвующей элиты над остальным социумом (2).

Конструирование идеальной модели универсума, спроецированной на восприятие идеи мировой гармонии в теоретико-эстетических категориях рационализма, восходит корнями к античной культуре. В повествовательных источниках греко-римского происхождения содержится немало упоминаний о благотворном воздействии деревенской глуши на мысли и чувства тех, кто ищет высшей мудрости, «стремясь к лучшему и убегая от худшего» в поисках умения мыслить «надлежащим образом» (3). Судя по письмам Плиния Младшего, классический античный сад состоял из обширных партеров, пересеченных аллеями, расположенными под прямым углом. Особое внимание уделялось строительству бассейнов с фонтанами, вокруг которых были расположены увитые плющом и виноградом портики, служившие как местом полуденного отдыха, так и убежищем для созерцательных ученых трудов на фоне звездного неба и тихого журчания водяных струй. Описывая древнеримскую виллу, философ свидетельствует, что уже тогда возникла мода на создание искусственных композиций из подстриженных деревьев, а пейзаж обязательно включал в себя архитектурные формы, степень помпезности которых должна была подчеркнуть социально-политический статус владельца виллы. Царские угодья в текстах Гомера носили значительно более великолепный и пышный характер, чем скромный и непритязательный сад сельского поэта-философа в прибрежной зоне Лациума, о котором мечтал Вергилий. Тем не менее, интеллектуализация ландшафтного пространства занимала ведущее место даже в тех античных моделях идеальной природной среды, которые изначально претендовали на выполнение репрезентативной функции. Например, по сообщению Элия Спартиана, император Адриан, имевший в античном мире репутацию художника и путешественника, украсил свою виллу в Тиволи архитектурными копиями всех значительных сооружений, которые вызывали его восхищение в период длительных странствий по землям Римской империи (4).

Возможно, что не одна лишь аллегория мудрости вдохновила Адриана на разработку идеи синтеза природы с мнемоническими аллюзиями, способными ярче высветить социо-культурный контекст загородного ландшафтного ансамбля. Наслаждаясь журчанием воды под

полуководом пиршественного зала, которым завершается южная сторона Канопа*, посетители и хозяева императорской виллы имели возможность поразмышлять о беспределности географических границ Римской державы и богоподобности ее повелителей. Тем не менее, по справедливому замечанию известного знатока античной классики П.П. Муратова, уединенное жилище Адриана никогда не претендовало на роль средиземноморского Версаля, оставаясь интимным поместьем, где коротались длинные досуги после передачи государственных дел другому императору–философу Марку Аврелию. Посетив тибуртинскую виллу в первое десятилетие XX в., автор «Образов Италии» отметил «редкую прелесть» ее композиции, напоминающей о золотом веке римской архитектуры, когда грандиозность более не определялась величиной формы и стала зависеть от верно найденной пропорции. Муратов был потрясен тем поистине ошеломляющим эффектом от сочетания «разнообразной и великолепной растительности с... прорванными сводами, сквозь которые синее небо», отражая блики солнечного света в осколках мраморных коллонад и мозаичных полов (5). Можно предположить, что рукотворный текст ландшафтной композиции уже для современников Адриана приобретал значение космического универсума с присущей ему идеей сохранения природного равновесия, препятствующего насильственному разрушению вселенской гармонии.

Классический облик античного сада, концентрирующего в себе места и образы памяти, был перенесен в западноевропейскую культуру эпохи Ренессанса. Зеленые ландшафты, которыми окружали свои интеллектуальные досуги итальянские гуманисты, попрежнему оставались знаковым символом высокой учености, располагающей к систематическим размышлениям о смысле жизни и смерти, о силе судьбы, о прошлом и будущем. Архетип идеального сада периода Возрождения в значительной степени восходит к творчеству Ф. Петрарки, эстетические взгляды которого представляли собой синтез историко-культурных реминисценций, навеянных чтением античных авторов и включенных в контекст «приятного глазу» пейзажа римских окрестностей. Описание горных долин с «множеством прохладных гротов», нежно журчащих источников, сладких плодов Вакха и «изобилием Цереры» словно со-

* Канопа, египетский город, расположенный к западу от Абукира. В эллинистическую эпоху религиозные празднества, которые происходили в городе и его окрестностях, привлекали как жителей Александрии, так и путешествующих римлян. Город славился храмом бога Сераписа и живописными окрестностями. На вилле Адриана до наших дней сохранился водоем, который служил напоминанием о знаменитом канале, разделявшем Канопа и Александрию.

шло со страниц одного из его писем в сады, разбитые вокруг ренессансных вилл (6).

Та же дидактическая роль, связанная с обобщением художественного опыта многочисленных владельцев загородных резиденций, выросших вокруг Флоренции рубежа XIV–XV столетий, является отличительной чертой модели идеального города Л.Б. Альберти с ее тягой к достижению классической гармонии усадебных построек на основе объединения сакральных и светских элементов архитектурной композиции. Описывая патрицианскую усадьбу как Храм Природы, автор сочинения «О зодчестве», придает огромное значение гармоничному сочетанию художественного замысла с пейзажными красками окружающей местности и смысловыми аллюзиями садового декора. По мнению Альберти, образ жизни, избранный гражданином Флорентийской республики, должен отражаться как в расположении здания, так и в способах его украшения. Опираясь на авторитет древних авторов, он советует располагать жилище патриция так, чтобы добиться господства аристотелевского принципа «золотой середины», когда «утренние лучи не светят в глаза идущим, и вечернее солнце не тяготит возвращающихся домой». Частная вилла, предназначенная для уединения, должна радовать глаз и возвышать душу тенистыми аллеями, прозрачными источниками, которые навевают размышления о разнообразии сил природы, и многочисленными изображениями «достойных памяти деяний», помещенных в подходящие для этого портики, ниши и искусственные гроты. Иными смысловыми топосами обладает жилище правителя, возникающее с учетом политической необходимости в осуществлении репрезентативных функций власти. Альберти дает политику совет объединить дворец с крепостью, обезопасив себя, таким образом, от превратностей судьбы, но не отказываясь при этом «вкушать сладость жизни» (7). Образ доблестного политика-философа в платоновском духе сознательно включался в природную среду, что позволяло творцу архитектурно-садового комплекса подчеркнуть многообразие космического абсолюта на его микроуровне при помощи художественных средств. Саду отводилась роль продолжения городского дворца или же сельской виллы, отражающего как вкус и эрудицию владельца, так и уровень его социально-политического статуса.

Семиотическая универсальность Ренессанса оказалась весьма созвучной монархически-имперскому компоненту европейских дворцово-парковых ансамблей Нового времени. Их космология проектировалась на основе объединения идиллических мотивов с комплексом рациональных представлений о легитимации суверенной власти короля, обладающей постоянством и неотъемлемостью функций в сочетании с наличием персональной независимости в осуществлении политических пре-

рогатив. Сады ренессансных эрудитов, трансформированные в утилитарную модель политико-правовой организации социума, утратили свою камерную масштабность, но приобрели взамен вселенский размах, не исключая тончайшего изящества линий и форм при сохранении текстологического многообразия семантического смысла. Апофеозом торжества «искусственной дворцовой природы» над простотой и естественностью обыденного пейзажа стало формирование французского стиля архитектурно-ландшафтной композиции, становление которого во многом диктовалось стремлением королевской власти утвердить свои политические позиции в борьбе с аристократическим сепаратизмом и притязаниями папского Рима на вмешательство в дела светской власти.

Единство эстетических критериев, характерное для западноевропейского мира, выросшего из недр античной цивилизации, способствовало быстрой и глубокой рецепции архитектурной формулы Витрувия** и в землях к северу от Апеннин. Под влиянием идей Ренессанса Франция XVI в. оказалась весьма восприимчивой к классическому идеалу красоты, воплощенному в гармонии всех частей целого. В эпоху правления короля-гуманиста Франциска идея синтеза искусств, основанного на приоритете архитектуры, оказалась в центре внимания дворцовой элиты, время которой протекало в перипетиях политической борьбы, противостоянии Реформации и гуманитарных штудиях. Знаковой принадлежностью эпохи укрепления королевской власти во Франции стало всеобщее увлечение двора идеей архитектурно-садового ансамбля, где дворец доминирует над природной средой, а художественный замысел принадлежит одному человеку и осуществляется под его непосредственным руководством. По мнению современной французской исследовательницы Г. ван Зюйлен, начальная точка отсчета в истории формирования дворцово-парковых комплексов репрезентативного характера приходится на период строительства резиденции Дианы де Пуатье в Ане (1546–1552), где гармоничное сочетание природы и искусства было достигнуто за счет подчинения окружающей среды рукотворной деятельности создателей замка (8). Составляя план реконструкции старинной фамильной собственности семейства де Брезе, которая должна была осуществляться на средства из королевской казны, молодой лионский архитектор Ф. Делорм был вынужден учесть неровности рельефа и наличие торфяных почв, грозивших полным уничтожением старых крепостных стен. Это обстоятельство побудило его представить на утвержде-

** Марк Витрувий Поллион, римский архитектор, инженер и теоретик архитектуры второй половины I в. до н.э. Ему приписывается известная формула: «Прочность, польза, красота».

ние королевской фаворитке строительный проект, выдержанный в итальянском стиле. План верхней части комплекса предполагал возведение дворца, окруженного системой закрытых дворов, украшенных фонтанами. Чуть ниже уровня фундамента предполагалось разбить большой сад с квадратными беседками по краям и закрытым павильоном в центре, который в дни приезда короля Генриха II должен был использоваться, в зависимости от обстоятельств, как бальный или обеденный зал. В соответствии с канонами итальянского Возрождения отголоски античности явно просматривались в делении садового пространства на четырехугольники, пересеченные прямыми аллеями, которые впоследствии были декорированы римскими фонтанами в форме чаши и скульптурными изображениями богов греко-римского пантеона. Несомненное влияние на организацию архитектоники дворцового комплекса в Ане оказали традиции итальянского зодчества с его простотой, чувством меры и стремлением использовать любой уступ рельефа для достижения максимального эффекта от созерцания перспективных точек окружающего пейзажа. В соответствии с рекомендациями Альберти здание дворца доминировало над окружающим пространством, а сад являлся органичным продолжением жилых апартаментов. Опыт, полученный в ходе строительства замка в Ане, был использован архитектором Делормом при проведении масштабных работ по реконструкции Фонтенбло, первоначальные сады которого создавались при непосредственном участии Ф. Приматиччио*** и других итальянских мастеров (9).

Тенденция к достижению соразмерности между замыслом архитектора и возможностями природного ландшафта является характерной особенностью королевских дворцов и замков в долине Луары, возведенных или перестроенных в период французского Возрождения. Трудно представить себе комплексы Шамбора, Шенонсо, Северни и Шомона без окружающих их буковых лесов, каштановых рощ, охотничьих угодий и цветников, террасами расположенных на естественных уступах по берегам Шера, Эндра и других притоков Луары. Декор королевских садов служил удачным дополнением для осуществления более серьезных политических задач репрезентативного характера. Вопреки распространенному среди историков садово-паркового искусства мнению о решающей роли королевы Екатерины Медичи в распространении итальянской эстетики на французских землях, необходимо отметить, что уже во второй половине XV в. убежденными проводниками ренессансной культуры во Франции являлись отдельные представители интеллектуальной и политической элиты королевского двора. В значи-

*** Приматиччио Ф. (1450–1570), итальянский живописец, архитектор и скульптор.

тельной мере этот процесс был спровоцирован активной внешнеполитической экспансией французской короны в Средиземноморье, связанной со стремлением окончательно решить в свою пользу территориальный спор с Кастилией, Арагоном, папским Римом и североитальянскими государствами из-за Неаполитанского королевства. Тенденция к творческой переработке художественного опыта итальянского Ренессанса вполне отчетливо проявилась в годы недолгого царствования короля Карла VIII, который явно тяготел к идеалам гуманизма и даже стремился превратить свою резиденцию Амбуаз в подобие флорентийской академии неоплатоников. По свидетельству Ф. де Коммина, возвратившись из неудачного итальянского похода 1494 – 1496 гг., молодой король энергично принялся за перестройку старого замка. Восхищенный красотой и величием средиземноморских городов, Карл VIII «... предпринял самое большое строительство, к какому только приступали короли за последние 100 лет» (10). Его возвращение во Францию превратилось в триумфальное шествие богатейших художественных коллекций, вывезенных из Неаполя для украшения Амбуазского замка. По данным ряда французских историков, среди сокровищ, отправленных королем из Южной Италии в качестве военных трофеев, находились 1140 томов из библиотеки арагонских королей, не считая ковров, гобеленов, шпалер, картин и скульптур, выполненных из мрамора и порфира. Вместе с Карлом VIII во Францию приехал знаток античной классики Иоанн Ласкарис, а среди придворных гуманистов нашлись эрудиты, которые свободно вели переписку с флорентийскими платониками из окружения Лоренцо Великолепного (11). По свидетельству того же де Коммина, король «привез из Неаполя многих великолепных мастеров – каменотесов и художников». Он был восхищен грандиозностью и монументализмом увиденных на юге Италии дворцов, собираясь воплотить у себя на родине утраченную мечту о красоте неаполитанских пейзажей. Самым «итальянским» из всех замыслов короля, стал проект амбуазского сада, разбитым доном Пачелло да Меркальяно на верхней террасе нового замка в форме вытянутого прямоугольника, засаженного аллеями плодовых деревьев и украшенного каменным фонтаном. Планировалась и реконструкция нижнего города, которому Карл VIII хотел придать представительский характер, достойный резиденции короля. Строительство крупных и дорогостоящих зданий, подобных не дошедшим до нашего времени башням замка «Семи добродетелей», «на которые можно было подниматься верхом на лошади», требовало больших денежных средств. Ради этого король, незадолго до своей скоростижной кончины, дал распоряжение привести в порядок финансовую сторону управления его доменом, рассчитывая на получение солидного ежегодного дохода в несколько млн франков от эксплуатации габелей и

соляных складов. Деньги, получаемые казной в форме тальи, Карл VIII собирался использовать для подготовки нового неаполитанского похода (12).

Восхищение ренессансной культурой стало одной из ведущих сторон повседневной жизни Амбуазского замка, среди обитателей которого было немало людей, сопровождавших короля в период неаполитанской кампании. Итальянские впечатления не оставили равнодушным даже такого сдержанного в своих социо-культурных оценках мемуариста, как уже упомянутый выше Ф. де Коммин. В 1495 г. он возглавил французское посольство в Венецию с целью добиться от Сеньории отъезда на участие в Священной лиге, созданной европейскими сторонниками независимости Неаполя. «Я был поражен видом этого города»..., – напишет он позже в своих воспоминаниях. Неподдельное восхищение великого французского дипломата вызвали великолепно декорированные венецианские палаццо и сказочная роскошь мозаик «капеллы Сан-Марко». Его пленили «богатые и красивые» венецианские монастыри, окруженные «прекрасными садами», а Большой канал, застроенный «большими и высокими домами из хорошего камня и красиво расписанными», мемуарист назвал «самой прекрасной улицей в мире». Ранее, выполняя поручение своего покровителя Людовика XI предотвратить возможное заключение союза между Флоренцией и Неаполем, де Коммин около месяца прожил при дворе юного Лоренцо Великолепного. Посещение Тосканы французским посланником было вызвано событиями заговора Пацци 1478 г., жертвой которого пали младший брат флорентийского герцога Джулиано Медичи и его слуга Франческино Нори. Сам же Лоренцо, тяжело раненный, «...скрылся в церковной ризнице (собора Санта Мария дель Фьоре – Е.С.) за медными дверями, изготовленными по заказу его отца» Козимо Старого. Дипломатия де Коммина не увенчалась успехом, и он вернулся во Францию, так и не добившись отмены папской буллы от 1 июня 1478 г. об отлучении всех горожан Флоренции от церкви. Тем не менее, Коммин был обласкан при флорентийском дворе за посредничество в переговорах с Миланом о предоставлении военной помощи городу, который долгое время жил «...не зная ни войн, ни опасностей», и даже не имея в своем распоряжении надежного кондотьера. В его мемуарах упоминается о том, что флорентийцы проявили к нему как послу Людовика XI большое уважение и «...взяли на себя все расходы, причем в последний день обращались лучше, чем в первый». Расположение к Лоренцо Медичи, которому он тайно оказывал какие-то дипломатические услуги, Коммин сохранил до конца жизни, называя его «одним из самых мудрых людей своего времени». Политическую заслугу Лоренцо он видел в усвоении им искусства умеренного использования унаследованного объема власти и

умении расходовать городские деньги столь благоразумно, «что почти никто не выражал недовольства» (13).

Распространение итальянского влияния на эстетику французского Ренессанса продолжалось и при Людовике XII, который привлек строителей из Амбуаза для возведения королевского дворца в Блуа, спроектированного под ощутимым влиянием ордерной конструкции в сочетании с элементами позднего готического стиля (14). Опыт итальянских архитекторов, соединенный с местными традициями изысканной цветистой готики оказался чрезвычайно ценным для укрепления королевской власти с помощью художественных средств, рассчитанных на визуальное воздействие. Так, например, в 1519 г. возведение охотничьего замка Шамбор на месте старой крепости герцогов Орлеанских началось с закладки центрального квадратного корпуса, окруженного круглыми башнями, пропорции которых были рассчитаны с использованием принципа золотого сечения. Этот символический донжон не был предназначен для длительной осады, представляя собой декоративный вариант средневековой цитадели, выполненный из крупных плит белого известняка, украшенных пилястрами и лепниной. О представительских функциях нового королевского замка свидетельствовала, прежде всего, его фантастическая терраса, увенчанная центральным куполом с цветком лилии посередине. С улиц этого, на первый взгляд, игрушечного города, состоящего из причудливого сочетания каминных труб, люкарн, фронтонов и расположенного в 24 метрах над землей, и сейчас открывается монументальная панорама заповедных лесов в окружении рек и озер. Не удивительно, что иноземные послы воспринимали Шамбор как призрачный замок мечты, на мгновение возведенный среди зеленых рощ по прихоти короля. Осмотрев достопримечательности этой королевской резиденции в 1577 г., венецианский посланник даже почувствовал, по его словам, некоторое смущение, которое, скорее, напоминало сильное замешательство. Схожие впечатления испытал в 1539 г. император Карл V, проезжая через территорию Франции в свои фламандские владения (15).

Когда год спустя в Париж, по приглашению Франциска I, приехал Бенвенуто Челлини, он был поражен атмосферой любви к классическому канону красоты, которая царилла при королевском дворе. Здесь заметно чувствовалось влияние итальянской эстетики, усиленное благодаря активизации политических и культурных связей с Флоренцией после заключения в 1533 г. брака дофина с племянницей папы Климента VII Екатериной Медичи. Хорошо понимая стремление короля увековечить память о своих деяниях, покровительствуя наукам и искусствам, прославленный мастер преподнес ему в подарок миниатюрную модель фонтана для итальянских садов Фонтенбло «в виде совершенного квад-

рата, с красивейшими лестницами вокруг, каковые пересекались одна с другой». Основание предназначенной для воды чаши было украшено обнаженной фигурой Марса, которая символизировала доблесть «единственного в мире» короля, способного применять свойственную ему от природы храбрость «справедливо и свято» в защиту славы дарованной ему власти. Справа от бога-воителя Бенвенуто Челлини изобразил аллегория философии «со всеми знаниями, ей сопутствующими». Остальные углы фонтана были украшены статуями живописи, зодчества, музыки и щедрости, без которой «не может проявиться ни одно из чудесных дарований» художника, призванного Богом прославить величие королевской власти. По словам мемуариста, польщенный Франциск ответил, что является одним из немногих государей, способных предоставить творцу «такие удобства, чтобы он мог выражать свои художественные замыслы», и приказал не стесняться в расходах. Челлини был настолько покорен образованностью, умом и обходительностью этого «великого короля», что только интриги его соотечественников Ф. Россо и Ф. Приматиччо, получивших поддержку герцогини д'Этамп, заставили ваятеля принять приглашение герцога Козимо I де Медичи и вернуться во Флоренцию (16).

Ярко выраженная тяга творцов французского стиля организации дворцово-паркового пространства к поиску соразмерности в классическом значении данного понятия не позволяет в полной мере согласиться с утверждением В.Я. Курбатова о том, что «... в итальянском саду дворец строится как украшение будущего сада, а французский парк возникает вокруг уже существующего дворца» (17). Данный тезис верен, прежде всего, в отношении оценки особенностей рельефа, которые приходилось учитывать итальянским зодчим, разрабатывая каноны садовой архитектуры XVI–XVII вв. По справедливому наблюдению того же автора, горные склоны Апеннинского полуострова создавали непревзойденные возможности превращения природы в естественную декорацию для дворцовой застройки. Ее параметры обязательно согласовывались с размерами аллей, которые должны были быть достаточно небольшими, создавая иллюзию творческого союза человека с овеществленным языческим миром природы. С другой стороны, творцы итальянских садов не пренебрегали и репрезентативными функциями ландшафтного дизайна, используя террасы в качестве своеобразных мирадоров для обзора панорамы окрестностей, как это сделано на вилле кардинала Ипполито д'Эсте в Тиволи (18). К сожалению, вырванные из контекста отдельные наблюдения процитированного выше основоположника отечественной историографии садов и парков мира, встречаются в некоторых современных изданиях по истории и теории ландшафтного дизайна, создавая у неискушенного читателя впечатление абсолютной почвен-

ности французского садового стиля, обязанного своим происхождением исключительно гению А. Ленотра (19). Новаторство предложенного им способа организации дворцово-паркового пространства заключалось, прежде всего, в максимальном использовании эффекта продолжающейся перспективы с целью подчеркнуть протяженность центральной аллеи и боковых партеров, органично переходящих в рощи по берегам Большого канала.

Отличительной чертой архитектурно-эстетической концепции Ленотра, использованной для разбивки королевских парков в предместьях Парижа, стала тенденция к сочетанию горизонтальных линий, основанная на стремлении добиться грандиозности ландшафтного ансамбля, проектируемого на равнинной лесной местности Иль де Франса. Ощущение необозримости пространства, словно тающего в дымке горизонта, охватывает при первом же взгляде, брошенном на фонтаны и цветники западной части Версальского парка из центральных окон Зеркальной галереи. То же чувство необъятности уходящей вдаль перспективы возникает во время прогулки по низкой террасе перед дворцом, украшенной по бокам вазами Войны и Мира работы А. Кузевокса и Ж.Б. Тюби. Отсюда можно пройти к строгим в своей классической простоте бассейнам Водного партера, с широкой мраморной лестницы которого открывается захватывающий дух вид на фонтаны Латоны и Аполлона, «зеленый ковер», окаймленный по бокам стилизованными статуями на сюжеты аполлонического культа, и зеркальную гладь Большого канала. Не менее ошеломляющим визуальным эффектом обладает и протяженное здание дворца, выполненное по проекту Ж.А. Мансара, замысел которого заключался в том, чтобы добиться органического сочетания дворцовых фасадов с природной средой, не отказываясь от масштабной постройки, призванной подчеркнуть величие королевской власти. Если смотреть на дворец от бассейна Аполлона, то создается иллюзия завершения перспективы, где осевым центром является здание замка, расположенного на искусственно приподнятой террасе с основанием из естественных неровностей рельефа. Репрезентативная сущность ленотровского стиля с художественно-эстетической точки зрения блистательно отражена в версальской серии А.Н. Бенуа, который любил изображать прогулки стареющего короля на фоне наружного фасада Зеркальной галереи в сторону спуска *Tapis Vert* к скульптурным изображениям Латоны и Аполлона (20).

Той же политической цели соответствовала и архитектурная идея, использованная Ленотром в планировке пространства, открытого для обозрения со стороны дворца. Композиция из зеленых партеров, зеркальных бассейнов с фонтанами и скульптур на мифологические сюжеты располагалась на плоском пространстве и вместе с насаждениями

представляла собой строго симметричный порядок, не оставляющий места для естественного пейзажа. Природа, созданная рукой человека, приобретала черты монументализма и в то же время становилась неотъемлемым элементом дворцового ансамбля, превращаясь в органичное продолжение жилого комплекса. Именно указанная особенность творчества Ленотра позволяет говорить об итальянских корнях его версальской феерии, впоследствии воплощенной в планировке других королевских парков. Превращая естественный сад в регулярное подобие архитектурных линий дворца, Ленотр возродил на качественно ином уровне идею Ренессанса о гармонии между природой и искусством. Дворцово-парковый ансамбль Версаля является грандиозной реминисценцией идеального города, созданного творческим гением Альберти и перенесенного на французскую национальную почву. Пересечения горизонтальной центральной авеню с боковыми аллеями, расположенными параллельно Западному партеру, создавали эффект улиц и площадей, декорированных античными коллонадами, зелеными газонами и конусами подстриженных деревьев. По словам одного из историков садово-парковых стилей, посетители Версаля могли увидеть «...галереи, театры, башни...; там были залы и кабинеты с окнами, обширные площади оживлялись великолепными фонтанами,... в зеленых залах лежали ковры...» (21). Одна из архитектурных легенд, посвященных истории проектирования версальского парка, рассказывает о том как став с 1657 г. главным контролером королевских построек и садов Ленотр никогда не останавливался перед величиной расходов для воплощения в жизнь своих масштабных замыслов. По сообщению Почетного Генерального хранителя национального достояния Франции С. Уг, одна только Королевская аллея достигает 335 м в длину и 40 м в ширину. Хорошо понимая идеологическое значение предпринятого им строительства, Король-Солнце не скупился на расходы. Согласно распоряжению Ж. Б. Кольбера от 24 октября 1674 г., все счета, связанные с оплатой работ по строительству фонтанов Латоны и Аполлона должны были беспрекословно оплачиваться из королевской казны, а мастерам предписывалось «...следить за тем, чтобы всего было в достаточном количестве». В частности, суперинтендант финансов рекомендовал им «постоянно иметь двойной запас деревьев, леса и болтов для оборудования» (22). Именно патернализм королевской власти в вопросах финансирования художественных экспериментов в области дворцово-паркового строительства предоставил Ленотру все материальные возможности для достижения максимальной степени торжества искусства над природой. По словам герцога Л. де Сен-Симона, стремление Людовика XIV добиться решающего перевеса королевской власти в борьбе с фрондирующей аристократией сыграло роль решающего фактора для превращения местно-

сти «самой печальной и самой оголенной, лишенной перспективы, воды и леса», в своеобразный «политический манеж», где король «тиранил природу», чтобы утвердить принцип абсолютизма на всей территории королевства (23).

Идеологизация зеленых интерьеров способствовала сохранению тенденции к герменевтическому осмыслению стиливых элементов садово-паркового пространства официальных политических резиденций. Рассуждая об эстетических канонах преодоления природы искусством, Ж. Делиль в поэме «Сады» (1782) придает первостепенное значение смысловым аспектам пейзажа, сформированного фантазией художника. Отмечая наличие вселенского компонента в топосе любого искусно разбитого парка, автор стихотворного руководства для начинающих любителей садоводства настаивает на необходимости бережного отношения к семантике ландшафтных эффектов, которые следует использовать, прежде всего, для придания текстологического единства природной среде. Как убежденный поклонник сентиментализма, Делиль отдавал свои симпатии иррегулярному парку пейзажного типа, но не спешил отвергать блеск и пышность Версаля. Он весьма высоко оценил профессиональное мастерство Ленотра, заслугу которого видел в понимании необходимости роскошно организованного пространства для повседневной жизни королевской фамилии:

«И должно, чтобы в ней все роскошью блистало,
Чтоб в подданных восторг и верность укреплять
Сияньем золота их надо ослеплять».

По словам Делиля, приглашение «всего Олимпа» в тенистые рощицы и уединенные беседки французского Эдема возносило имидж королевской власти на недостижимую высоту, придавая ей статус земного божества, повелевающего природой и людьми (24). В истории садово-паркового искусства Нового времени архитектурно-художественное пространство Версаля является наиболее масштабной по степени размаха и самой совершенной по форме воплощения моделью микрокосма, где вращение планет, круговорот природы и судьбы людей были подчинены воле короля, которая освящалась божественным провидением и приобретала соответствующее своему вселенскому назначению знаковое обрамление.

В полной мере идеологический потенциал иконографии своей парадной дворцово-парковой резиденции оценил и сам Людовик XIV, когда в 1702 г. начал диктовать знаменитый путеводитель по Версальскому парку, намечая самые эффектные маршруты для демонстрации могущества абсолютной власти короля-суверена. В соответствии с комплексной семантической программой, которая представляет собой основное организующее начало дворцово-паркового ансамбля, аполло-

ническая тема является ведущим мотивом королевской манеры «...показывать сады Версаля». Смысловым центром планировки рукотворного города из подстриженных боскетов****, квинкусов*****, водоемов и скульптурного декора, в который плавно переходило дворцовое пространство, являлись партер Латоны и бассейн Аполлона как солнечного божества. По мнению Людовика XIV, лучшим началом длительной прогулки по королевской резиденции было созерцание грандиозной панорамы всего нижнего парка с «зеленым ковром» и «утопленным фонтаном» Аполлона в овальном бассейне, из которого как будто взмывает ввысь его золоченая колесница. Для достижения наибольшего визуального эффекта король предлагает выйти из замка через вестибюль Мраморного двора с тем, чтобы сразу же перейти на смотровую террасу, где можно остановиться «...наверху у ступенек, чтобы рассмотреть цветники, фонтаны и водоемы». Восхищение посетителя королевских садов от уходящей вдаль перспективы вод и лесов, укрощенных по воле человека-бога, должно было стать своеобразным прологом для дальнейшего путешествия по владениям царственного Солнца. Согласно путеводителю, далее следовало пройти к верхней части бассейна Латоны – матери солнечного бога в греко-римской мифологической традиции. По мнению короля, со ступенек, ведущих к водоему, открывается грандиозный вид на весь парадный ансамбль Западного партера. «Остановитесь», – предписывает он своему воображаемому гостю, призывая его полюбоваться отсюда на мраморную группу, изображающую разгневанную богиню и ее подданных, обращенных за непокорность воле Солнца в пресмыкающихся ящериц. Столь поучительное зрелище не должно все же испортить удовольствие от прогулки. Дидактический компонент экскурсии мгновенно переходит в социально-политический аспект репрезентативного характера. Отведя взор от фонтана Латоны, можно увидеть грандиозные лестничные марши, окинуть взглядом «... статуи, королевскую аллею, купальню Аполлона, канал». «А потом, – заключает венценосный гид, – повернитесь, чтобы увидеть цветник и замок» (25).

Призывая природу к заключению союза с человеком во имя торжества суверенной власти короля, творцы Версаля стремились к достижению гармоничного единства сакрального и профанного. С этой целью пространство версальского парка было организовано как царство солнечных лучей, для чего его создателям пришлось обратиться к архитек-

**** Боскет – элемент ландшафтного дизайна, участок регулярного парка или посаженная в декоративных целях густая группа деревьев или кустов.

***** Квинкус – особый тип посадки деревьев, по которой их сажают небольшой группой по 5 штук и, когда они вырастают и образуют общую крону, их стригут в определенном стиле.

турному опыту проектирования античных вилл. Хорошо известно то космологическое значение, которое придавал Плиний Младший расположению окон жилого помещения по сторонам света. Создавая идеализированное описание сельской виллы философа в Лаврентинуме, ее владелец неоднократно упоминает в своем эпистолярном наследии о необходимости черпать вдохновение мысли в образах природы, где все «...исполняется божественного духа». Планировка комнат в приморском имении Плиния была вполне подчинена задаче «возделывания... ума» творческими занятиями. В нем есть, например, помещение, освещенное «через одно окно утренним солнцем, через другое – вечерним»; полуденное же солнце нагревает угол стены, выходящей к морю, что создает ощущение уюта и покоя, так как «здесь никогда не чувствуется ветер». Есть в доме Плиния и комната, «...освещаемая солнцем от восхода и до заката», рядом располагается «...столовая с широким видом... на уходящее вдаль побережье и прелестные виллы» других римских патрициев. В саду помещается бесконечно любимый Плинием солярий: «... одной стороной он смотрит на цветник, другой на море, обеими на солнце» (26). Возрождая на итальянской почве классические традиции античного мирозерцания, творцы ренессансных вилл рассматривали красоту здания как умение архитектора создать совершенную форму, основанную на соответствии «...целого частям, частей между собой и также частей целому». Только в этом случае можно считать уместным сравнение архитектурного замысла с основными элементами классической формулы Витрувия. По мнению А. Палладио, великого итальянского архитектора XVI в., «удобным будет называться тот дом, который отвечает положению своего обитателя», а его отдельные части гармонируют с окружающей природной средой. Проектируя загородное имение, архитектор должен обращать внимание на стремление каждого человека жить в согласии с природой, «...ибо летом мы ищем тени и ветра, а зимой солнца» (27). Аналогичный прием был использован для светового обрамления главной оси версальского парка, разбитой перпендикулярно к дворцу. Двигаясь с востока на запад, солнце щедро дарит свой золотой свет дворцовым рощам и водоемам, зажигая огненным светом колесницу Аполлона. Один из прогулочных маршрутов, предложенных в путеводителе Людовика XIV, предполагал спуск через «зеленый ковер» и коллонаду Мансара со скульптурной группой работы Ф. Жирардона, изображающей историю похищения Прозерпины, к бассейну Аполлона. Там посетитель должен был остановиться, чтобы осмотреть «...фигуры, вазы Королевской аллеи, Латону и замок» во всем блеске их божественного великолепия. Затем наступало время лицезреть земного бога в его частном жилище, где, по свидетельству современников, благоухание цветов создавало в весенне-летний сезон утонченную атмосферу цар-

ства Флоры. Утомленный парадной стороной Версальской резиденции, гость короля мог совершить приятную прогулку по тенистым рощам в сторону Трианона, чтобы подготовить себя к дальнейшему восприятию тех интерьеров парка, где происходили торжественные выходы королевского кортежа и проводились официальные придворные праздники (28).

Переливы зелени на освещенном полуденным солнцем газоне Королевской аллеи и сегодня производят незабываемое впечатление своей протяженностью, которая словно уводит посетителя в бесконечность универсума, подчиненного королевской воле божественного солнечного света. Посетив Версальский парк накануне Первой мировой войны, знаменитый историк садово-паркового искусства Курбатов был потрясен масштабностью творения Ленотра, от которого остается впечатление, «что за пределами Версаля нет ничего и что весь мир подчинен» этому царству Солнца. В тот миг, когда его последний луч, отражается в окнах дворца и гаснет над зеркальной поверхностью Большого канала, возникает мысль, что это сам царственный Аполлон отправляется на отдых, чтобы наутро вновь предстать пред своими подданными на колеснице, «окруженной морскими тритонами, трубящими в раковины» (29).

Солярная семантика Версаля не оставляла равнодушными и современников Людовика XIV, среди которых было немало свидетелей использования дворцово-паркового пространства для театрализации повседневной политической жизни. По словам самого короля, «многие сады Версальского парка, более или менее интимные или оживленные с помощью статуй и фонтанов, были местами для проведения праздников, легких завтраков и игр» (30). Именно такими запечатлел солнечные просторы Версаля Ж. де Лафонтен в своем аллегорическом романе, посвященном странствию человеческой души по глубинам Вселенной. Его вольнодумные произведения, насыщенные иронией и сарказмом, отчасти передают оппозиционные настроения аристократических слоев дворянства по отношению к Людовику XIV и его двору. В то же время Лафонтен слишком ценил прекрасное, чтобы не восхищаться «изысканными красотоми» «Ленотровых аллей», достойных служить местом для пребывания богов. Описывая совершенную им прогулку по Версальскому парку в сопровождении Н. Буало, Ж. Расина и К. Шапеля, ищущих вдохновения в созерцании рукотворной природы, укрошенной гением художника, Лафонтен не отрицает важности дворцово-парковых интерьеров для прославления власти короля. Прогуливаясь вместе с собратьями по перу рядом с королевской оранжереей, заполненной апельсиновыми деревьями в кадках, он замечает, что «множество прекрасных садов и роскошных зданий приносит славу... родине». Что же

касается роли Людовика XIV в создании Версаля, то сооружение дворцов – это «...занятие, вполне достойное монарха». В некотором роде оно «даже способствует общему благу, ибо дает подданным возможность принять участие в удовольствиях государя и с восхищением взирать на то, что создано не для них» (31).

Ослепительный блеск «царственного Версаля» по достоинству оценили и русские дипломаты, побывавшие при дворе Короля-Солнце в разные десятилетия его правления. Наиболее обстоятельное описание Версальского дворцово-паркового комплекса содержится в статейном списке А.А. Матвеева, составленном для Петра I по результатам посольской миссии 1705 г., связанной с урегулированием русско-французского конфликта из-за захвата российского торгового судна. Прекрасно образованный по европейским меркам того времени, русский посол не скрывал своего восхищения размахом королевской резиденции, сравнения с которой, по его словам, не могла выдержать ни одна аналогичная постройка в Европе. Обстоятельно перечисляя наиболее замечательные детали внутренних и внешних интерьеров дворца в Версале, Матвеев не раз подчеркивает их затратный характер, спровоцированный желанием короля запечатлеть художественными средствами величие правящей династии («иждивением и тщанием великим»). Обладая природной тягой к восприятию искусства, он был потрясен игрой светотени в Зеркальной галерее, которая привлекла его внимание не только «предивной работы» декором, но и перспективным видом на главную аллею королевского парка, Большой канал и боковые партеры, который открылся Матвееву из хрустальных «окон великаго размеру... до самого полу» (32).

Хорошо известно, что именно версальская резиденция Людовика XIV с ее тягой к преодолению быстротечности времени с помощью регулярного стиля, стала архетипом идеальной организации дворцово-паркового пространства для тех монархов, которые, подобно Королю-Солнце, стремились утвердить свою власть на суверенной основе (33). Открытость Версаля для многочисленных «интерпретаций» и реминисценций, допущенных при строительстве официальных комплексов Мадрида, Вены, Берлина, Мюнхена, Петербурга и других европейских столиц, объясняется универсальностью «сценария власти», заложенного в его политическую семантику. Преображение государя во вселенское божество, повелевающее природными стихиями, лишь на первый взгляд носило ярко выраженный сакральный характер, отличаясь весьма высокой степенью рационализма. В соответствии с классическими постулатами политико-правовой доктрины государственного суверенитета, прочно вошедшей в арсенал политической философии сторонников сильной королевской власти в эпоху французского Возрождения, ко-

роль является олицетворением государства, а его действия свободны от регламентирующей силы юридических предписаний. Новый Бог, сошедший с Олимпа в райские кущи нового Эдема, воспринимался поданными как носитель высшей справедливости, политическая сущность которой была сформулирована в 1576 г. Жаном Боденом под влиянием учения тулузской юридической школы об абсолютной королевской власти. Независимость государя от земных учреждений заключалась в присвоении суверену исключительной прерогативы заботиться о благе подданных, что влекло за собой возникновение права короля на беспощадное преследование любой несправедливости наряду с нравственной обязанностью проявлять милосердие к слабым с целью обеспечить постоянное равновесие сословных интересов в изменчивом человеческом мире. По словам Бодена, «умение управлять... в соответствии с естественным правосудием» способно превзойти «блеск самого солнца» (34). Семантический текст Версаля оказался наиболее совершенной формой репрезентации указанной идеологической стратегии. Ее разработка на основе использования образных средств велась во Франции в течение нескольких столетий и постепенно приобрела общеевропейский характер. Царствование Людовика XIV было ознаменовано виртуальным союзом Аполлона и Короля-Солнце, равным образом расточавших блеск своих лучей над чертогами Версальского комплекса. Искусство строить дворцы и украшать парки перешагнуло границы повседневного быта и превратилось в составную часть сакрализации политического пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Henshall N. *The Myth of Absolutism. Change and Continuity in Early Modern European Monarchy*. L.; N.Y., 1992. Русский пер.: Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003. С. 191.
2. См. более подробно: Соколова Е.С. «Природа, облагороженная искусством...»: о мнемонических кодах политической семантики европейских садово-парковых ансамблей античности и нового времени // Без темы. Научный общественно-политический журнал. 2009. № 1. С. 84-103; Её же. Западноевропейский опыт в моделировании политических топосов русских садов и парков (вторая половина XVII – первая четверть XVIII вв.) // Диффузия европейских инноваций в Российской империи. Екатеринбург, 2009. С. 311-333.
3. Цит. по: Соколова Е.С. «Природа, облагороженная искусством...». С. 87.
4. Письма Плиния Младшего. Книги I – X. Изд. 2-е. М., 1983. II (17). С. 36-39, V(6). С. 83-87; Гомер. Одиссея. М., 1986. (VII, 110-130). С. 68-69; Вергилий. Георгики // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. (I, 5-80). С. 74-77; (I, 285-310). С. 82-83; (II, 10-135). С. 89-92; (II, 315-345). С. 97-98; (IV, 115-145). С. 123-124; Элий Спартиан. Жизнеописание Адриана // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992. С. 9-11, 20-21; Буассье Г. Археологические прогулки по Риму. М., 1915. С. 220-250 и далее.

5. Муратов П.П. Образы Италии. М., 1994. С. 284-285; Giagnoli R. Тиволи. Вилла Адриана. Вилла д'Эсте. Вилла Грегориана. Tivoli, 2007. P. 23-27. О влиянии образного языка виллы Адриана на «мир» ренессансных садов см.: Gaston R.W. (ed.) Pirro Ligorio: Artist and Antiquarium. Florence, 1982; Рим: Эхо императорской славы. М., 1997. С. 45-47.
6. Petrarca F. Le familiari // Per cura di V. Rossi, U. Bosco. Vol. 1-4. Firenze, 1933-1942. Vol. 1. P. 99-101. Цит. по: Петрарка Ф. Дружеские письма. Письмо 12 Иоанну де Колонна, описание еще одного путешествия // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 49-50.
7. Альберти Л. Б. О зодчестве. Подборка текстов по теме «Храм, дворец, вилла» // Леон Батиста Альберти и культура Возрождения. М., 2008. С. 265-266.
8. Зюилен Г., ван. Все сады мира. М., 2003. С. 64.
9. Cloulas I. Diane de Poitiers. P., 1997. Русский пер.: Клулас И. Диана де Пуатье. М., 2004. С. 212-213.
10. Коммин Ф., де. Мемуары. М., 1986. С. 377.
11. Cloulas I. La vie quotidienne dans les châteaux de la Loire au temps de la Renaissance. P., 1989. Русский пер.: Клулас И. Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения. М., 2001. С. 63, 69.
12. Коммин Ф., де. Указ. соч. С. 377-378; Клулас И. Указ. соч. С. 64.
13. Коммин Ф., де. Указ. соч. С. 305-306, 233-236, 280-281.
14. Турчин В.С. Города и замки Луары. М., 1986. С. 61-72.
15. Там же. С. 50-60; Виар П., Нико Р. Замки Луары. Блуа, 2003. С. 35; Клулас И. Указ. соч. С. 135.
16. Жизнь Бенвенутто Челлини, написанная им самим. М., 2002. С. 335-380 и далее.
17. Курбатов В.Я. Всеобщая история ландшафтного искусства. Сады и парки мира. М., 2007. С. 156.
18. Соколова Е.С. «Природа облагороженная искусством...». С. 90-92.
19. См., например: Ефимова Т. Ландшафтный дизайн по-французски. М., 2009. С. 6.
20. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 25-26; Т. 2. С. 120, 183; О мотивах смерти в версальском цикле Бенуа см.: Свирида И.И. Версаль в русской культуре: между реальностью и мифом // Россия и Франция XVIII - XX века. М., 2006. С. 39.
21. Регель А. Изящное садоводство и художественные сады. Историко-дидактический очерк. СПб., 1896. С. 72, 74. Об этапах проектирования Версальского парка и личных качествах А. Ленотра см.: Курбатов В.Я. Указ. соч. С. 162-168.
22. Историю создания дворцового ансамбля в Версале см.: Nohac P., de. Les jardins de Versailles. P., 1906; Lenotre G. Versailles au temps des rois. P., 1934. Русский пер.: Ленотр Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях. М., 2003. С. 22 - 28; Брунов Н.И. Дворцы Франции XVII и XVIII веков. М., 1938; Алпатов М. Архитектура ансамбля Версаля. М., 1940; Champigneulle. Versailles dans l'art et l'histoire. P., 1955; Лившиц Н.А. Французское искусство XV - XVIII веков. Л., 1967. С. 91-100; Каптерева Т.П., Быков В.Е. Искусство Франции XVII века. М., 1969. С. 151-164; Лихачев Д.С. Поэзия садов. СПб., 1991. С. 87-102; Уг С., Соль Б. Versailles. Ваша прогулка по Версалю. Versailles, 2004. С. 14-15. Цит. по: Уг С., Соль Б. Указ. соч. С. 116.
23. Saint-Simon, duc de. Mémoires. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le règne de Louis XIV et la Régence. Русский пер.: Сен-Симон Л. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентства. Избранные главы. М., 1991. Кн. 2. С. 202. Цит. по: Зюилен Г., ван. Указ. соч. С. 73. Неприятие Сен-Симоном социально-политических тенденций, связанных с царствованием Короля-Солнце, способствовало формированию критического отношения мемуариста к эстетической концепции Версаля, которую он оценивал как триумф безвкусицы. Тем не менее, Сен-Симон признавал за Ленотром талант «хорошего архитектора», отмечая при этом, что его европейская слава началась с планировки садов во Франции, где постепенно регулярный стиль был доведен «до высочайшего совершенства». См.: Сен-Симон Л. Указ. соч. С. 112.

24. Делиль Ж. Сады. Л., 1987. С. 30-31.
25. [Lois XIV]. Manière de montrer des jardins de Versailles par Louis XIV / Ed. S. Hoog. P., 1982. Русский пер.: Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М., 2002. С. 439-449. Цит. по пер., выполненному Г.Карелиной. См.: Зюйлен Г., ван. Указ. соч. С. 143; Одним из примеров восприятия мифологической семантики фонтана Латоны является его описание, оставленное Ж. де Лафонтеном. См.: Лафонтен Ж., де. Любовь Психеи и Купидона. М.; Л., 1964. С. 61. Пример формирования образа королевы Анны Австрийской в политическом сознании активного участника Фронды принцев см.: Ларошфуко Ф., де. Мемуары // Ларошфуко Ф., де. Мемуары. Максими. М., 1993. С. 82-83, 86-87 и далее.
26. Письма Плиния Младшего. VIII (18). С. 38, II (17). С. 37-38.
27. Палладио А. Четыре книги об архитектуре Андреа Палладио в коих, после краткого трактата о пяти ордерах и наставлений наиболее необходимых для строительства, трактуется о частных домах, дорогах, мостах, площадях, кситах и храмах. М., 1938. (II, 1-2) С. 5-6; (II, 12-13). С. 47-48; Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. Десять книг. Л., 1936. (VI, I. 1-12). С. 154-158.
28. [Lois XIV]. С. 143-144.
29. Курбатов В.Я. Указ. соч. С. 185, 171.
30. [Lois XIV]. С. 144.
31. Лафонтен Ж., де. Указ. соч. С. 16,62.
32. Русский дипломат во Франции. (Записки Андреа Матвеева). Л., 1972. С. 231.
33. См., например: Свирида И.И. Указ. соч. С. 5-8; Зюйлен Г., ван. Указ. соч. С.71-77; Курбатов В.Я. Указ. соч. С. 239-350; Лихачев Д.С. Указ. соч. С. 90-100.
34. Боден Ж. [Шесть книг] о государстве // Козлихин И.Ю. История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта. СПб., 2001. (II, 3). С. 99.

Elena S. Sokolova

Sokolova Elena, associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law Academy (620137, Russia, Ekaterinburg, Kolmogorova Street, 54); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. Электронная почта/E-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru.

"The Art of emperors and kings": classical traditions in political semantics palace and park complexes France XV-XVII

The article is devoted to identify political, legal and cultural- historical origins of functioning " memory images " in the political space of European monarchies of early modern times. On an example of the official residences of the palace and park of France XV - XVII centuries, the author concludes that the emergence of trends in the transformation of the ancient cultural heritage in accordance with the need for centralization of royal power. Construction of Versailles contributed to the formation of universal semantic codes by which the idea of the rule of a sovereign monarch over his subjects began to spread throughout Europe.

Keywords: the monarchy , the early modern state, sovereignty, palace and park complex, natural landscape, ancient heritage, political semantics, historiographical myth.

М.А. Заводовская

Заводовская Мария Анатольевна, аспирант Института истории и политических наук Тюменского государственного университета (625003, Россия, г. Тюмень, Семакова, 10).

Телефон/Phone: +7 (3452) 45-56-86.

АЛДЖЕРНОН СИДНЕЙ: БОРЕЦ ПРОТИВ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ

Статья посвящена общественно-политической деятельности и идейно-политическому наследию Алджернона Сиднея. Представлена краткая история его жизни и борьбы с режимом Карла II. Разбирается обвинение Сиднея в заговоре против короны, а также суд над ним, в результате которого Сидней был казнен. Показана эволюция взглядов Сиднея на общественно-политическое устройство и монархию.

Ключевые слова: А. Сидней, «Рассуждения о правительстве», Райхазский заговор, абсолютизм, монархия.

Алджернон Сидней оставил заметный след в британской истории революционного и постреволюционного времени, войдя в нее как пламенный борец «за старое доброе дело» свободы. Историки и политики вигского толка долгое время занимались мифологизацией Алджернона Сиднея (1). Хотя в последнее время появились работы, раскрывающие реальное участие Сиднея в политических событиях середины XVII в., его история остается полна незанятых лакун.

Алджернон Сидней оставил богатое идейное наследие, чему способствовало прекрасное домашнее образование, которое он получил в доме своего отца, графа Лейстера, представителя старинного аристократического рода, который отметился на придворном и дипломатическом поприще.

Сидней был всегда в курсе всех отцовских интересов, был хорошо знаком с его библиотекой, которая включала огромное количество трудов как современных, так и древних политических учёных, политиков, философов. Будучи во Франции он знакомится со шведским послом

и политическим философом Гуго Гроцием, идеи которого позже будут изложены и развиты в трактате Сиднея «Рассуждения о правительстве».

Покинув ряды королевской армии, Сидней присягает парламенту и определяет свою позицию как защитник парламента, и этому выбору он был верен до последних дней своей жизни. Конечно, нельзя сказать, что первые впечатления военных лет оказали влияние на всю жизнь молодого англичанина, но и отрицать этого влияния просто невозможно.

В то время, когда Сидней выполнял дипломатическую миссию в Скандинавии, в Англии произошла Реставрация династии, и теперь республиканская репутация Сиднея была воспринята как прямая угроза роялистам.

Довольно долгий период времени Сидней пребывает в изгнании (1660–1677 гг.), путешествуя по разным странам, вовлекая себя в различные заговоры и приобретая новые полезные знакомства. Об этом периоде жизни известно мало. Судя по отрывочным данным, он жил на юге Франции, в Италии, в Швейцарии, имел возможность читать, знакомиться с историческими памятниками. Но его влекла к себе Англия. В письмах отцу Сидней признаёт, что безмятежная жизнь, которой он посвятил годы за пределами родины, не давала ему никаких путей быть полезным «людям моей страны миру» (2). Отказавшись вернуться на родину на условиях перемирия с королём, как это сделали многие бывшие участники революции, Сидней писал своему отцу, пользовавшегося благосклонностью Карла II: «Я предпочитаю остаться бродягой на всю жизнь, чем купить пребывание в своей стране столь дорогой ценой». Побывав в 1660 г. в университете Копенгагена, Сидней оставил следуюшую запись в книге посетителей: «Эта рука — врага тиранов, с мечом ищет мир со свободой» (3), где «свобода» — это ключевое слово, одно из главных компонентов формирующейся концепции Сиднея, о чём он немало напишет.

Между 1665 и 1666 г. он создаёт рукопись под названием *Court Maxims* («Судебные принципы»), в которых приводит доводы в пользу свержения монархии, в частности: «... как смерть — самое большое зло, которое может случиться с человеком, монархия — худшее зло, которое может случиться с нацией» (4). Эта рукопись будет издана только в 1996 г.

Вернувшись на родину, Сидней вновь возвращается к политике, становится одним из руководителей формировавшейся партии вигов и ведёт переписку с французским послом Бариллоном, который писал: «В настоящее время моя самая близкая связь — с г. Алджерноном Сиднеем; он — человек в Англии, который, кажется мне, имеет самое большое понимание дел, он имеет прекрасные отношения с республикан-

ской партией; и никто, по моему мнению, более не способен в оказании помощи, чем он» (5).

В 1680 г. разгорается очередной конфликт. Министр Карла II граф Дэнби желал расширить права короля в финансовых вопросах и сделать его независимым от парламента. Сидней и партия вигов оказали сопротивление. Возникла ситуация, связанная с французскими деньгами. Французы «работали» на обострение ситуации в Англии, и потому средства из Франции шли в 2 враждующих лагеря. Сидней настаивал на том, что деньги можно брать только в том случае, если они идут на честные проекты. Кроме того, в эти годы в королевских кругах муссировали идеи католицизма; подобно тому, как это было в политическом устройстве Франции, католицизм должен был стать государственной религией. В самый разгар кризиса республиканизм Сиднея и других вигов выплёскивался в столкновениях с тори в парламенте, где первых было большинство. Идеи вигов, которые настаивали на равенстве и свободе людей, получают большое распространение.

Конфликт парламента с королём носил острый характер. Методы политической борьбы с использованием юридических ходов не принесли успеха. Тогда «ведущие виги», как пишет Т. Вест (6), среди них Сидней, начали планировать революцию. Предполагалось, что мятеж поддержит Шотландия. Возможно, что Сидней не был против физического уничтожения короля. И предполагалось, что власть должна в этом случае перейти к парламенту. Все эти детали политической борьбы важно подчеркнуть, чтобы понимать: «тишина» кабинета, в котором Сидней писал «Рассуждения о правительстве», была относительной, так как он принимал самое горячее участие в главных событиях в Англии начала 80-х гг.

В 1683 г. Сидней был обвинён в так называемом Райхаузском заговоре против короля и его брата, и 26 июня 1683 г. его арестовали и назначили судебное дело, которое велось с нарушением юридических правил и законов.

На процессе было выставлено множество свидетелей, доказывавших реальность заговора. Когда же подсудимый, возмущившись происходящим, указал на то, что о нём самом ни один из этих людей не обмолвился ни словом, ему ответили, что подобный метод судопроизводства, хотя и небезупречный с точки зрения закона, использовался на процессах заговорщиков-папистов – обстоятельство, способное послужить основанием скорее для того, чтобы осудить одну партию, нежели оправдывать другую. Единственным свидетелем, давшим показания непосредственно против Сиднея, был лорд Говард, но так как по закону требовалось два свидетеля, то для восполнения этого недостатка власти придумали весьма странную уловку. При обыске в кабинете подсудимо-

го была обнаружена рукопись трактата о правлении, в которой Сидней защищал принципы и в самом деле благоприятные для свободы. Суд заявил, что эти бумаги равносильны показаниям второго свидетеля и даже многих свидетелей. Подсудимый возразил, что приписывать ему авторство этих бумаг нет никаких других оснований, кроме простого сходства почерка – аргумента, никогда на судебных процессах не принимавшегося; что даже если признать его, Сиднея, автором рукописи, то ведь сочинял он этот трактат только лишь для собственного удовольствия, никогда не думал выпускать его в свет и даже не сообщил его содержание ни одному человеку; что написан он был, как показывает цвет чернил, много лет тому назад, а значит, представлять его как доказательство нынешнего заговора против правительства совершенно бессмысленно; и наконец, что там, где закон определённо требует двух свидетелей, недостаточно одного, даже при самых веских уликах, и тем более такого, чьи показания являются столь шаткими и неубедительными. Главным судьёй был Джеффрис. Он пустил в ход своё влияние, и предубеждённые присяжные с готовностью вынесли Сиднею обвинительный вердикт. Сидней жаловался, и не без оснований, на несправедливость приговора, но – человек слишком благородной души – не стал отрицать свою причастность к планам заговора, которые строил вместе с Монмаутом и Расселом. Скорее, он даже гордился тем, что ему предстоит умереть за доброе старое дело, которому он верно служил с ранней юности. Казнь Сиднея считается одним из позорнейших эпизодов этого царствования. Следует признать, что представленные суду улики против него не могли иметь юридической силы, а потому действия присяжных, вынесших ему обвинительный вердикт, заслуживают порицания (7).

Не случайно американский исследователь З. Финк и американский историк В. Паррингтон представляют Сиднея в одном ряду с Мильтоном и Гаррингтоном, относя его к «классическим республиканцам». Паррингтон писал, что «Сидней был республиканцем с сильным аристократическим уклоном» (8). Столь же определённое мнение и у исследователя Т. Веста. В предисловии к трактату Сиднея «Рассуждения о правительстве» он пишет: «Сидней был решительным человеком и сторонником республиканизма» (9). Финский учёный К. Мультамаки в своей монографии под названием «К Великой Британии: торговля и завоевание в мысли А. Сиднея и Ч. Дэйвнанта» видит корень убеждений Сиднея в классической политической теории, ведущей начало от Н. Макиавелли. Другой американский учёный Д. Скотт говорит, что Сиднею был в особенности присущ английский республиканизм, он был главным макиавеллианцем, кто понимал и поддерживал своего учителя (10).

Впрочем, уверенные ссылки исследователей на Сиднея как на последователя Макиавелли при всей их доказательности всё же представляются второстепенными, дополнительными.

Большой интерес у Сиднея вызывали взгляды индпендентов о введении в стране ограниченной, конституционной монархии (сам Сидней писал о возможности сохранения власти короля, ограниченной парламентом) (11), а также интерес Монмаута и его последователей, таких как Лорд Колчестер и сэра Томас Армстронг, которые хотели изменить наследование самого старшего незаконного сына короля. Их главный интерес был – освободить Англию от опасности папизма и автократии (т.е. деспотического правительства). Американский профессор Тафтского университета В. Салливан считает, что в «Рассуждениях» «Сидней двигается от высокого почитаемого республиканизма Аристотеля к воинственному республиканизму Макиавелли» (12).

Партия вигов, в которую входил Сидней, добивалась преобладания парламента, не желая повторения тех потрясений, которыми сопровождались годы «междоусобия», и стремилась обезопасить себя от произвола короля. Иногда в заключительной части «Рассуждений» Сиднеем высказывается мысль о возможности замены монархии иной разновидностью «монархического элемента». «Королевская власть не была первоначальной у этой нации, она не обязательно должны быть сохранена, хотя и была бы таковой» (13). Английская нация всегда управляла собой сама и через своих представителей, утверждает Сидней, идеализируя систему управления англосаксов до норманнской эпохи, когда королевская власть была ещё сильно ограничена народным собранием и «Советом мудрых». В конечном итоге, верх берёт идея совершенствования традиционной системы власти.

Идеи политического общества, которые Сидней представляет – это результат его вовлечения в бурную политическую жизнь Англии в 80-е гг. XVII в. В это же время Сидней заканчивает «Рассуждения о правительстве», которые увидят свет только в 1698 г. В трактате им представлена теория, которая основана на определённых предположениях о человеческой природе и её сущности, чтобы объяснить, почему и как возникают правительственные структуры. Намерением Сиднея было изложить свои взгляды о народном суверенитете, об оппозиции монархии, о других видах власти, а также осуществить попытку убедить других принять принципы проповедуемые автором. Таким образом, он стал защитником «Старого дела» за свободу, что затем вылилось в попытку свергнуть короля Карла II.

Сидней, будучи членом парламента, считает важным ввести ежегодные парламенты, предоставить избирательные права всем фригольдерам; предлагаются специальные средства контроля над членами пар-

ламента (в частности, отчёты членов парламента перед своими избирателями). Король должен быть лишён права интерпретации законов. Всё это, по мысли Сиднея, должно приблизить английскую государственную систему к «народному правлению». Какого-либо намёка об упразднении короны в трактате Сиднея нет.

В итоге, Сидней в конце «Рассуждений», перейдя уже от общетеоретических высказываний к практическим, приходит к признанию того, что наиболее стабильной формой правления в Англии может быть конституционная монархия (14). По сути, это было примирением с традициями английского государственного строя, хотя Сидней не признавал не только абсолютную монархию, но и все другие её разновидности. Монархия, говорил он, по своей природе имеет тенденцию перерождаться в тиранию: воля одного лица неустойчива, к тому же власть здесь может оказаться в руках малолетнего или слабоумного. Самой же совершенной формой правления объявляет смешанную власть (mixed government): монархия (магистраты), аристократия (сенат), демократия (комиции) (15). Потому что в этом случае, по его мнению, власть короля никогда не может быть неограниченной. «Наиболее мудрая, лучшая и наибольшая часть человечества, отвергая эти простые формы, создавала смешанные (mixed) или, иначе говоря, составленные (composed) из трёх форм правления... которые получали соответствующее название от преобладающего элемента и заслуживали похвалы или порицания в зависимости от того, хорошо или плохо были соблюдены пропорции между частями» (16). Действительность же оказалась сильнее теоретических схем.

В небольшой «Апологии», написанной перед казнью, Сидней признавался: «С самой юности я старался защищать общие права человечества, законы страны и истинную протестантскую религию против извращённых принципов произвольной власти и папства, и я нисколько не стыжусь признаться, что с 1642 г. до возвращения короля осуществлял эти начала» (17).

Таким образом, негативная характеристика абсолютизма подвела к выводу о необходимости ограничения государственной власти парламентом, установления конституционного правления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Scott N. The Discourses of Algernon Sidney. Toronto, 1993. P. 13.
2. Sommerville J. P. Algernon Sidney [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://history.wisc.edu/sommerville/367/367-08.htm>
3. "Phillipus Sidney manus haecinimica tyrannis einse petit placidam cum libertate quietem". (См.: Sidney A. Discourses Concerning Government / Ed. By Thomas G. West. Indianapolis, 1996. P. 16).

4. "...as death is the greatest evil that can befall a person, monarchy is the worst evil that can befall a nation". (См.: Sidney A. *Court Maxims* (Cambridge Texts in the History of Political Thought), Cambridge University Press, 1996. P. 30).
5. Sidney A. *Discourses Concerning Government* / Ed. By Thomas G. West. Indianapolis, 1996. P. 20.
6. West Thomas John. Forward [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.oll.libertyfund.org/Texts/LFBooks/Sidney023/DiscoursesOfGovt/HTMLs/0019_Pt01_Forward.html.
7. Юм Д. Англия под властью Стюартов (1649–1685 гг.) / Пер. с англ. А.А. Васильева; под общ. ред. С.Е. Фёдорова. СПб., 2002.
8. Сатышев В. Е. Политическая и правовая мысль эпохи английской революции XVII в.: от абсолютизма к конституционализму. Ставрополь, 2001. С.179.
9. Sidney A. *Op. cit.* P.13.
10. Multamaki K. *Toward Great Britain: commerce and conquest in the thought of A. Sidney and Charles Davenant*. Helsinki, 1999.
11. Самсонова Т. Н. Английская буржуазная революция и представления о равенстве // Вестник Моск. ун-та. Социология и политология. № 4. 2002.
12. Sullivan V. *Algernon Sidney: Machiavellian Republican and Ambivalent Liberal*. Philadelphia, 2003. P.3.
13. Sidney A. *Op. cit.* P. 94.
14. *Ibid.* P. 195, 447-452, 528-535.
15. «Монархический элемент» в формуле Сиднея – не король, а выборное должностное лицо типа консула, трибуна или претора.
16. Sidney A. *Op. cit.* P. 478.
17. Scott N. *Op. cit.* P. 13.

Maria A. Zavodovskaya

Zavodovskaya Maria, postgraduate student of the Institute of History and Political Science of Tyumen State University (625003, Russia, Tyumen, Semakova str., 10).

Телефон/Phone: +7 (3452) 45-56-86.

Algernon Sidney: fighter against the absolute monarchy

The article examines the socio-political activities and political and ideological legacy Algernon Sydney. The paper presents a brief history of his life and fight against the regime of King Charles II The author examines the conspiracy charge against Sydney, and his trial, which resulted in Sydney was executed. The text shows the evolution of views on Sydney's social and political system and the monarchy.

Keywords: A. Sidney (Sydney), *Discourses Concerning Government*, Rye House Plot, absolutism, monarchy.

А.А. Постникова

Постникова Алена Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: alyonapostnikova87@yandex.ru.

РУССКАЯ КАМПАНИЯ 1812 Г.: ПО СЛЕДАМ СТЕНДАЛЯ

В статье рассматривается период жизни Стендаля, связанный с военной кампанией Наполеона в России в 1812 г. Разбираются причины, по которым Стендаль принял участие в войне с Россией, основные эпизоды жизни писателя, связанные с походом «Великой армии». В статье анализируется восприятие французским писателем «чужой страны», прослеживается то, как опыт войны с Россией повлиял на становление Стендаля как автора.

Ключевые слова: Стендаль, Русская кампания Наполеона 1812 г., письма Стендаля, Березина.

Стендаль признан мастером психологического романа. Вся его жизнь и творчество были наполнены наблюдением за «движением человеческого сердца» (1). Но тайну его души не удалось разгадать ни современникам, ни потомкам. Собственно, Стендаль и не стремился быть понятым со стороны окружающих, но, осознавая, что наступит время, когда его все же попытаются понять, он оставил в своем дневнике следующую запись: «Если вы сдержаны, не читайте. Если вы не сдержанный, но честный человек, прочтите, но не повторяйте того, что вы узнаете» (2). И все же дерзнем... И попытаемся, хотя может и тщетно, понять, что же произошло с Анри Бейлем, будущим великим писателем Стендалем, в суровой и заснеженной России.

Оставаясь при жизни загадкой, Стендаль все же описал свой земной путь в художественных произведениях. Вполне искренне и, как кажется, достаточно точно, он описывал те события, которые изменили его жизнь и взгляд на свое собственное призвание. «Я, к сожалению, – читаем мы в его записной книжке, – далеко не тот человек, каким был в 1811 г. Вернувшись из Москвы, я не нашел в себе больше тех страстей, которые нарушали однообразие моей жизни» (3). Эти слова навели нас на мысль о том, что русская кампания отчасти повлияла на формирование известного всему миру писателя Стендаля. К сожалению, исследователи его творчества и жизни обращались к участию Стендаля в войне

1812 г. очень поверхностно или же вообще не упомянули об этом важном событии. Между тем, дни, проведенные в России, долго тревожили память писателя и оставили свой след почти во всех его произведениях.

Для того чтобы понять, каким образом война 1812 г. повлияла на формирование Стендаля как писателя, человека и историка, обратимся к тому мечтательному юноше Бейлю, который пустился в авантюру наполеоновских войн.

С юношеских лет А. Бейль (Стендаль) мечтал о карьере драматурга: «Я, например, думаю, что когда-нибудь создам что-либо на театральном поприще» (4). В своей «Записной книжке» он отметил, что играл главную роль в пьесе «Мизантроп». По-видимому, вживание в личность Альцеста привело к прочному слиянию актера со своим героем. Так, черты «мизантропа» будут в дальнейшем часто проявляться в характере Стендаля, давая повод для критики тем, кому удалось охватить поверхностным взглядом лишь внешнюю оболочку этой личности.

Во многом именно Мольер вдохновил А. Бейля на написание собственной пьесы под название «Летелье», работа над которой будет украшать его одиночество в катастрофические моменты русской кампании. Юный А. Бейль предстал перед нами человеком, всецело поглощенным миром искусства, драматургом, который уже в двадцать лет определил свою цель – «жить для своего таланта» (5). Так, творчество для Стендаля стало смыслом жизни, а уже потом – профессией.

Несмотря на то что Стендаль пытался сделать военную карьеру, почти всю свою энергию он продолжал отдавать искусству. К примеру, во время пребывания Стендаля в Вене в 1808–1809 гг. в должности помощника государственного советника П.А. Дарю он ни строчки не написал о военных действиях. Его письма за этот период наполнены чувством глубокого восхищения композитором И. Гайдном. Стендаля восхищала в музыканте самоотверженность по отношению к творчеству и простота в жизни. Создается впечатление, что тогда, в 1808–1809 гг., бурным военным и политическим событиям никак не удавалось ворваться в духовный мир Стендаля. Отголоски войны, время от времени все же проникавшие на страницы писем и дневника Стендаля, вызывали в нем исключительно только всплеск раздражительности.

П. Мериме точно сформулировал смысл отношения Стендаля к войне: «Храбрец от природы, он наблюдал войну с любопытством, но совершенно хладнокровно. Не будучи совсем нечувствительным к великим и героическим сценам, которые ему приходилось видеть, он все же в особенности любил наблюдать смешные и нелепые стороны войны» (6).

Так, Стендаль, увлеченный музыкой и театром, последовал за Великой армией в Россию. Что же ожидал он получить от этой поездки?

На тот момент Россию Стендаль, как и большинство западноевропейцев начала XIX в., представлял дикой, пустынной страной: «В этих окрестностях на протяжении 50 лье могут отсутствовать признаки жизни (это доходит до абсурда)» (7). Совершенно точно, что Стендаль не надеялся испытать в России творческое вдохновение, как то было в Италии. В одном из писем своему другу он признался, что в этой авантюре ему хотелось бы получить титул барона.

Итак, 23 июля 1812 г. в качестве интенданта А. Бейль отправляется в Россию. Он присоединяется к армии 14 августа. Но не успел еще А. Бейль ощутить войну, она его уже разочаровала, навесила скуку. «Я не счастлив, что попал сюда. Как меняется человек! Иной раз я готов расплакаться. В этом океане варварства моя душа ни находит отклика не в чем!» (8), – написал он из Смоленска своему другу Ф. Фору.

Разочарование заставило А. Бейля по достоинству оценить наиболее яркие моменты своего прошлого: «С тех пор, как я узнал Милан и Италию, все, что я вижу, отталкивает меня своею грубостью» (9). Война не оправдала романтических чувств и амбиций А. Бейля, и он вернулся в свой мир искусства, в котором никогда не ощущал одиночества. Недалеко от Смоленска он нашел пианино и попросил своего товарища о безумном поступке – сыграть Моцарта.

Судя по письмам и произведениям Стендаля, величие сражений не затрагивали писателя. Он не находил в них героизма, скорее он подходил к их описанию с иронией. Даже Бородинское сражение не оставило в памяти А. Бейля каких-либо ярких впечатлений.

В «Записках эготиста» он вспомнил лишь один момент, не несущий какого-то глубоко смысла: «В вечер после Бородинской битвы, заметив в нескольких шагах от себя останки 2-х или 3-х гвардейских генералов, я не мог удержаться, чтобы не заметить: “Несколькими наглицами стало меньше!” – замечание, чуть не погубившее меня и показавшееся бесчеловечным» (10).

Заметим, что эту ремарку о Бородинском сражении Стендаль сделал много лет спустя. Думал ли он тогда, в 1812 г., именно так? В его переписке в ходе русской кампании нам не встретилось упоминаний о Бородинском сражении. Возможно, что Стендаль и не был очевидцем этого события. Следует заметить, что в своих письмах в начале войны писатель выступает в качестве наблюдателя, и достаточно сложно выявить те события, в которых он принял непосредственное участие.

Лишь в Москве Стендаль оказался вовлеченным в борьбу за жизнь. С первого же дня пребывания в городе, с 14 сентября, все события он начал фиксировать в дневнике. Как мы узнали из его записей, полк, в котором находился А. Бейль, расположился в Апраксинском дворце, со двора которого писатель мог видеть пожар Китай-города. В

первый же день, преодолевая зубную боль, А. Бейль принял участие в тушении пожаров. Когда огонь распространился до Апраксинского дворца, А. Бейль со своими товарищами отправился на поиски более безопасного места для пребывания.

Во время хождений по городу он нечаянно встретил французскую актрису Аврору Бюрсе. Эту встречу он довольно ярко запечатлел в своем дневнике: «Я нашел мадам В... Она хотела броситься мне в ноги; это было бы очень смешно. Я заметил, что в ее словах не было естественно-сти. Я сделал, конечно, много для нее, поместив ее толстую невестку в свою коляску» (11). Актриса подбодрила его важной новостью о том, что Мелани Гильберт, одна из бывших возлюбленных Стендаля, часто о нем вспоминала.

Мелани фигурирует в записках писателя под сценическим именем Луазон. Вот одна из записей от 19 февраля 1805 г.: «У нее такая же впечатлительная душа, как и у меня» (12). Однако все закончилось довольно трагично для Стендаля. Мелани вскоре вышла замуж за русского генерала Баркова и уехала в Россию. В дневнике Стендаль отметил лишь ее имя, не сказав, какое впечатление на него произвело это воспоминание.

После описанной встречи он спокойно продолжил свои поиски, ни слова не сказав о душевной боли, лишь скромно пожаловавшись на усталость: «Уже с самого Смоленска я совсем обессилел, а еще был настолько ребячлив, что вкладывал душу в поиски этих домов и всячески суетился и хлопотал. “Вкладывал душу”, пожалуй, слишком сильно сказано, но суетился я действительно много» (13).

Переезд из Апраксинского дома во дворец Ф.В. Ростопчина с обширной библиотекой позволил А. Бейлю на мгновение опять закрыться в своем мире книг: «Мы остановились в этом доме, где, по-видимому, жил богатый человек, любящий искусство. Там были прекрасные книги. Например, Бюффон, Вольтер» (14). Судя по словам писателя, в Москве он увлекался не только литературой, но и находил время принять участие в грабежах: «Я устал; приходилось идти пешком, так как моя коляска была загружена добром, награбленным моими слугами» (15).

Обозревая горящую Москву, Стендаль исполнился ненавистью к организаторам пожара: «Мы видели огромные горящие пирамиды из мебели. Это дело совершил коварный Ростопчин» (16). Можно сказать, что эти первые два дня заставили Стендаля наконец-то почувствовать опасность и ощутить ответственность за товарищей. Прежнее ироничное описание войны исчезло.

Опасность заставила Стендаля задуматься о смерти и сохранить благодаря этому память о своем пребывании в Москве. Возможно, именно поэтому он решил когда-нибудь отправить Ф. Фору свой днев-

ник: «Сохрани эту болтовню. Необходимо, чтобы я извлек пользу из этих страданий» (17).

После 15 сентября на две недели Стендаль замолк. Даже до безумия равнодушного к войне Стендаля постигло разочарование, и только 30 сентября на бумагу вырвалась нота отчаяния: «В течение 6 дней книги мне причиняют только отчаяние. Неприятности не прибавляют сил. Я надеюсь, что моя работоспособность вернется» (18). Он постарался сдерживать это отчаяние в письмах из Москвы. В них мы не увидим ни жалоб, ни страха, а лишь безмятежные наблюдения писателя.

2 октября Стендаль нашел возможность написать письмо другу. В нем перед нами предстает А. Бейль как писатель-одиночка, равнодушный ко всем происходящим вокруг него событиям. Накал опасности, связанный с пожарами, угас, и Стендаль в письме к другу решил не возвращаться к этим событиям. Может быть, он посчитал это уже лишним, бессмысленным. По всей видимости, этим письмом А. Бейль заполнил пробел дневника. Так, из этого письма мы узнаем, что дни с 16 сентября по 2 октября Стендаль провел в одиночестве, насладившись написанием пьесы «Летелье»: «Я заболел, и мне дали 8 дней одиночества. В этих обстоятельствах я должен возобновить написание "Летелье". Это у меня вызывает сладкие воспоминания» (19). Возможно, главный герой его произведения напомнил ему тщеславного юношу, который отправился в «дикую» Россию за баронским титулом и жестоко разочаровался. Через несколько лет в предисловии к этой пьесе Стендаль вспомнил о своем пребывании в Москве: «Я возобновил тогда Летелье для того, чтобы занять эти пустые дни» (20). Конечно, спустя несколько лет, взглянув на московские дни с высоты состоявшегося писателя, он посчитал пребывание в русской столице бесполезным.

Вопреки всей сложившейся в Москве ситуации Стендаль подбадривал себя мыслями об искусстве: «Кажется, мне придется провести здесь зиму; надеюсь, что у нас будут концерты» (21). Конечно, в очередной раз писатель не избежал возможности охарактеризовать свое окружение: «Я тебе пишу в маленьком дворце, где два молодых дурака, прибывшие из Парижа, рассказывают о том, чем бы они хотели заняться в Москве» (22).

Первое письмо Стендаля к Ф. Фору привлекает обилием размышлений об искусстве и философии. В дальнейшем мысли о литературе, которыми он поделился с другом, Стендаль более точно сформулирует в труде «Расин и Шекспир»: «...тем, кто участвовал в отступлении из России, смешны классические пьесы, нужна эстетика Шекспира» (23). За этими размышлениями достаточно трудно увидеть детали той военной обстановки, в которой оказался Стендаль.

По всей видимости, только в дневнике писатель позволил себе высказаться насчет сложнейших проблем и не побоялся написать о своей усталости. В письме к Ф. Фору он избегал высказываний о себе, лишь судорожно и увлеченно говорил об искусстве, о своей будущей пьесе. Не удивительно, ведь Стендаль был чрезвычайно скрытным человеком, в жизни которого самым ценным были творческие идеи. И даже автобиография была замаскирована им под художественное произведение. Он не пытался добиться признания со стороны современников и потомков, а во всем следовал принципу – быть верным только себе. Эту идею Стендаль более подробно выразил в своей статье «Люди, о которых говорят», естественно, не причисляя себя к таковым.

Возникает даже сомнение в степени искренности А. Бейля со своим другом Ф. Фором, так как в «Анри Брюларе» Стендаль откровенно признался: «Феликсу Фору, давнему моему другу по Греноблю, были совершенно чужды мои безумные рассказы о любви и искусствах. Это отсутствие безумия у него всегда притупляло нашу дружбу, которая, по сути, была лишь попутчеством в жизни» (24). Стендаль не проявлял искренности в общении с людьми, в чем он признался в письме отправленном к сестре, из Москвы (25). Поэтому, конечно, полагаться полностью на то, что было изложено им в письмах, вряд ли возможно.

После того как А. Бейль поделился своими философскими размышлениями с Ф. Фором, 4 октября, без каких-либо комментариев, он отправляет ему дневник за 1812 г. На этом А. Бейль прекращает писать ему письма из Москвы. Таким образом, его другу оставалось думать, что А. Бейль проведет зиму в Москве за написанием «Летелье». 15 октября А. Бейлю было уже известно, что вскоре армия оставит город, но своим близким он об этом не сообщил.

16 октября писатель отправил письмо графине А. Дарю, где в шуточной форме описал свои приключения в Москве. Он довольно легкомысленно дал понять графине цель своего путешествия: «Я поехал в Россию в поисках развлечений, я их не нашел и все время думаю о Франции» (26). А. Бейль в этом письме постарался передать не только состояние скуки, разочарования, но и одиночества. Графине писатель сказал только об одном человеке, с которым он поддерживает разговоры. Очевидно, этим человеком был главный распорядитель императорской квартиры Л. Жуанвиль, рядом с которым будущий писатель находился с самого начала кампании. С ним А. Бейль познакомился еще в Италии в 1800 г., с тех пор он его называл просто Луи.

Если письмо к Ф. Фору было насыщено глубокими философскими размышлениями, то обращение Стендаля к графине Дарю отличается легкомысленностью и пафасностью. Возможно, что причиной этого было отношение писателя к графине, о которой в «Анри Брюларе» он

сказал так: «Вообще же я никогда не встречал существа, которое было бы до такой степени лишено небесного огня» (27). Тем самым, обладавший артистическим талантом, Стендаль играл даже в письмах, защищая свой внутренний мир от лишних посягательств. С первого взгляда видно, что при написании дневника Стендаль соотносил себя с общей армейской массой, а в письмах – противопоставлял.

Когда А. Бейлю стало известно, что армия собирается уходить из Москвы, он внезапно вспомнил о Мелани Гильберт. Возможно, писатель знал, что опасность угрожает Петербургу, и решил позаботиться о судьбе Луазон, попросив нотариуса Л. Русса предоставить ей защиту: «Мне кажется, ей будет трудно переехать из Петербурга в Париж» (28). Свое неравнодушие к Мелани в письме он объяснил следующим образом: «Я решил, что наша дружба с г-жой Барковой обязывает меня собрать эти грустные сведения» (29).

Помимо заботы о Мелани в Москве на Стендаля обрушились проблемы обеспечения армии продовольствием. В письме интенданту г. Ковно Ш.Л. де Ну Стендаль скромно указал, что долго сопротивлялся этому назначению и достаточно остроумно раскритиковал свою кандидатуру: «Я облечен чем-то вроде власти над интендантами Смоленска, Могилева и Витебска. Не знаю, что из этого выйдет. По-моему, это неправильная мера» (30). Несмотря на сомнения, из писем видно, что он ответственно подошел к выполнению своих обязанностей. Превозмогая ужасную зубную боль, А. Бейль принялся за работу. Через письма он наладил связь с интендантами Смоленска, Могилева и Витебска. Интересно отношение А. Бейля к своим подчиненным. Обращаясь к Ну, он ненавязчиво попытался вселить доверие к себе, восхваляя должность аудитора: «Восемь гвардейских капитанов стали майорами, хотя они не сделали ни единого выстрела, а аудиторы мучались» (31).

Тон писем достаточно вежливый, даже просящий: «Нам придется вступить с вами в деловые отношения, и я самым настоящим образом припадаю к вашим стопам и умоляю вас помочь мне выполнить очень трудное поручение» (32). Да, А. Бейль был способен отойти от своих принципов эгоцентризма ради выполнения долга.

Выполняя свои обязанности, А. Бейль покинул город 16 октября. Через несколько лет, вспоминая в «Жизни Наполеона» пребывание Великой армии в Москве, он сказал: «Из тщеславия Наполеон решил взять Москву. Этот неосторожный шаг не имел бы вредных последствий, если бы император оставался в Кремле не более трех недель» (33).

Стендаль нигде не написал о направлении движения Великой армии, вышедшей из Москвы. Только однажды, из Смоленска, в письме к графине Дарю он обмолвился: «Я не могу контролировать, где находится главная квартира во время этого движения на Петербург» (34). Веро-

ятно, А. Бейль долгое время был уверен, что Наполеон пойдет на северную русскую столицу.

Нам приходится только догадываться, какие лишения, трудности пришлось испытать А. Бейлю по дороге от Москвы до Смоленска; о них он умолчал. Единственное, что нам стало известно из его последующих писем, этот путь он проделал в конвое с больными и ранеными. Возле Смоленска А. Бейль подвергся нападению казаков. Возможно, что именно в ходе этой схватки писателем был утерян и дневник за 1806–1807 гг., и пьеса «Летель».

7 ноября А. Бейль прибыл в Смоленск и в этот же день отправил Ф. Фору письмо, в котором успокоил друга в том, что никакие невзгоды не убили в нем романтика: «Благодаря отсутствию моих коллег ничто не нейтрализовало романтическую сторону моей души, без которой я противен себе» (35). Писатель попытался проанализировать причины, которые привели армию к краху: «Все наши идеи были разбиты о физические лишения» (36). Далее он охарактеризовал состояние армии: «Люди падают больными. Им хочется верить, что они еще могут действовать, но на самом деле это уже не так» (37).

Пройдет время, и чувство сострадания к своим боевым товарищам покинет Стендаля. Осмыслив в дальнейшем поведение солдат, он в очередной раз убедится в тщеславности французов. В большинстве своих произведений Стендаль будет осуждать эту черту характера соотечественников. В труде «Жизнь Россини» он назовет тщеславие основной причиной поражения французов в России. Но ведь тщеславие было характерно и для А. Бейля, когда русская кампания только начиналась! Возможно, что именно война 1812 г. заставила Стендаля избавиться от этой черты своей натуры.

В письме из Смоленска графине Дарю еще чувствуется присущая молодому А. Бейлю сентиментальность. Автор стремится вызвать у графини чувство сострадания. Из этого письма мы узнаем, что А. Бейль 24 октября был атакован казаками. Об этом случае он в дальнейшем подробнее расскажет своему другу, ученику, писателю П. Мериме: «Уехав из Москвы, Бейль очутился, вместе с отрядом в полторы тысячи человек, отделенным от остальной армии весьма значительным корпусом русских. Часть ночи была проведена в жалобах, но потом энергичские люди принялись увещевать трусов» (38).

В письме Стендаль великолепно передал атмосферу опасности, тревоги, что еще больше должно было приподнять его мужественность в глазах графини. К нашему удивлению, обращаясь к ней, он сказал, что во время отступления к Смоленску обрел друзей, так как в предыдущем письме мы увидели совершенно другую картину. Среди вновь обретенных товарищей он особо отметил генерала П. Мурье, командующего

кавалерией 3-го армейского корпуса маршала М. Нея. Этот генерал был ранен в Бородинском сражении и находился в эскорте раненых, с которым следовал А. Бейль. Рядом с П. Мурье наш герой будет находиться вплоть до Березины.

Несмотря на все препятствия и лишения, А. Бейль все еще не хотел расставаться с надеждой получить титул барона, о чем он написал отцу из Смоленска: «Завтра я, вероятно, заеду в Оршу по дороге в Минск. Я измучен и умираю от усталости, но здоров. В дороге я болел. Словом, если его величество сделает меня бароном, я недаром получу этот титул. Газтан, тоже устал, но здоров. Тысячу приветов всей семье» (39). Из этого письма мы узнаем, что А. Бейль во время отступления из России был вместе с младшим помощником военного комиссара, своим кузеном Г. Ганьеном. Более в своих письмах он не будет упоминать о своем долге интенданта, как и о своих надеждах получить титул барона.

После письма к отцу А. Бейль на десять дней прервал переписку. 20 ноября он решил в очередной раз, в письме к сестре Полине, осмыслить все происшедшее с ним. Только в общении с ней он мог позволить себе искренность. В его записной книжке за 1805 г. в отношении сестры есть следующая запись: «Думаю, что не слишком много на свете братьев вроде меня, которые имеют счастье пользоваться взаимной дружбой девушки, обладающей блестящими способностями и чудеснейшей душой» (40).

В письме к Полине, написанном 20 ноября 1812 г., А. Бейль попытался осмыслить то, что с ним произошло за последнее время. Центральное место в этих строках занимает Москва: «...этот прекраснейший город, один из прекраснейших храмов наслаждения, превратился в черные развалины» (41). Но, описав пожар и сам города, А. Бейль совершенно не коснулся темы отступления и пребывания армии в Смоленске. Возможно, описывая более памятные впечатления, он тем самым хотел уйти от реальности, в которой находился в тот момент. Попрощался А. Бейль с Полиной обнадеживающей фразой: «Я думаю, сударыня, что счастливый Бейль с вами» (42).

Это письмо интересно тем, что наш герой приложил к нему записочку, в которой, по его словам, передал правдивые мысли: «Разбери, если у тебя хватит терпения, прилагаемый черновик; это письмо госпоже Беньо, и все, что в нем написано, чистая правда». Действительно, текст этой маленькой записки во многом отличается от предыдущих писем Стендаля. Писатель впервые позволил себе проявить обеспокоенность за судьбу армии: «Мадам, великое несчастье, мы уменьшили человеческий род. Мы испытали великие трудности и это меня печалит» (43). Через несколько лет графине Беньо Стендаль посвятит свое произведение «Письма о Гайдне, Моцарте и Метастазии».

А. Бейль попросил сестру вложить это письмо в дневник, но там его, к сожалению, в дальнейшем не оказалось. Возможно, оно так и не дошло до адресата.

Необычайная твердость, сопротивление усталости стали характерны для А. Бейля в период отступления. Он сохранил эти качества и во время переправы через Березину, которая сломала даже самых стойких.

По рассказу, дошедшему к нам через П. Мериме, на переправе произошло следующее: «Г. Бергонье, аудитор Государственного совета, говорил мне, что он обязан жизнью Бейлю, который уговорил его перейти через Березину вечером накануне дня отступления. Бергонье хвалил хладнокровие и здравый смысл Бейля, не покидавшие его даже и тогда, когда самые храбрые теряли голову» (44). Согласно истории, рассказанной П. Мериме, П. Дарю, который отличался особым хладнокровием, воскликнул: «Бейль, вы – человек крепкого сердца».

Таким образом, о жизни и поведении А. Бейля после Смоленска сохранились лишь отрывочные воспоминания его друга. И все-таки мы можем сказать, что переправа через Березину оставила глубокий след в памяти писателя. В произведении «Пармская обитель» он назвал ее одной из ужаснейших катастроф, погубивших Наполеона.

После Березины А. Бейль, обгоняя армию, преодолел тяжелейший путь к Вильно. 14 декабря он достиг Кенигсберга. Физически усталый, измученный, он в этот же вечер слушал оперу Моцарта «Милосердие Тита». В «Жизнеописании Моцарта» Стендаль описал этот эпизод так: «Финальное прощение, когда Тит говорит собеседнику: Друзьями будем, вызывает слезы на глазах у самых бездушных чиновников, чему я сам был свидетелем в Кенигсберге после страшного отступления из Москвы. Вновь приобщившись к цивилизованному миру, мы услышали в этом городе «Милосердие Тита» (45).

На этом ужасы русской кампании не оставили А. Бейля. Вернувшись в Париж, он решил поделиться воспоминаниями со своим дневником: «Я не люблю писать о себе, но в данном случае я отойду от этого правила» (46).

Выплеснув на бумагу впечатления о России, он написал: «Меня до сих пор не покидает чувство холода. Приятно, что пребывание в Москве и Смоленске породило в моей голове кое-какие идеи» (47). Видимо, первые воспоминания Стендаля о России были достаточно судорожными и отрывочными.

Со временем эти впечатления обретут более последовательный и осмысленный вид. В этом плане интересен отзыв Стендаля о книге Ф.П. Сегюра о походе в Россию. Писатель акцентировал в нем внимание на том, как французы поджигали целые дома, чтобы согреться, как в

безумии они бросались в костер, а их товарищи ели потом обуглившиеся тела. Главным виновником несчастий Франции в 1812 г. он считал Наполеона: «Суровый 1812 г. разоблачил Наполеона как военного и показал его легкомысленность. Голова императора закружилась от гордости» (48).

Более того, война 1812 г. стала для Стендаля не просто событием в истории Франции, но переломным моментом и в его собственной жизни. Она заставила писателя оценить значение искусства и литературы в его судьбе. Так, ради творчества он преодолел свое честолюбие и забыл о военной карьере. Еще в 1805 г. он записал мысль, ставшую пророческой: «Когда мое глупое тщеславие окончательно покинет меня, и я смогу быть откровенным, это только возвысит меня в общем мнении» (49). В итоге после русской кампании он полностью углубился в творчество и возвысился над страстями, присущим, как он считал, посредственным людям.

Во многом война 1812 г. стала для него и источником богатого жизненного опыта, необходимого для литературного творчества. На это он обратил внимание еще в Смоленске в письме к Ф. Фору: «Одно это путешествие вознаграждает меня за то, что я увидел и почувствовал такие вещи, какие литератор, ведущий сидячий образ жизни, не угадает и за тысячу лет» (50).

Русская кампания обнажила для Стендаля наихудшие стороны войны, что нашло отражение в его творчестве. Многие писатели отмечали, что именно ему принадлежит первенство в создании психологической картины войны. Подобную мысль выразил Л.Н. Толстой: «Я больше, чем кто-либо другой многим обязан Стендалю. Кто до него описал войну такую, какова она есть на самом деле?» Несколько десятилетий спустя нечто похожее сказал Э. Хемингуэй: «Стендаль видел войну, и Наполеон научил его писать. Он учил тогда всех, но больше никто не научился».

Стендаль был признан психологом благодаря всего нескольким страницам – описанию сражения под Ватерлоо в «Пармской обители». Герой его романа Фабрицио, окрыленный почтением к Наполеону, преодолевая все невзгоды, мчится защищать императора на поле Ватерлоо. Но его романтической душе суждено было встретить разочарование, что произошло и со Стендалем в 1812 г.: «Значит война вовсе не тот благородный и единодушный порыв сердец, влюбленных в славу, как он это воображал, начитавшись воззваний Наполеона!» (51). Описание сражения лишено героического пафоса, характерного для романтизма XIX в. Мысль писателя склоняется к тому, что война – это не проявление героизма, подвига, а «зрелище трупов и раненных». Убийство человека при-

равнивается к обычной охоте, за которой не стоит никакой твердой идеи.

Таким образом, участие в войне 1812 г. было тем эпизодом в жизни А. Бейля, который привел его к переосмыслению своей жизни и сути творчества. Благодаря полученному опыту Стендаль, как писатель-психолог и как историк, дал миру новое представление о войне. Достаточно ясно определив свое отношение к событиям русской кампании, он попытался скрыть свое участие в ней, оставшись всего лишь наблюдателем. Так, по его собственному желанию, он навсегда останется для нас вечной загадкой «Стендаль».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стендаль. Вальтер Скотт и «Принцесса Клевская» // Собрание сочинений. Л., 1958. Т. 9. С. 317.
2. Stendhal. Journal (1811–1823). P., 1937. Т. 5. P. 117.
3. Стендаль. Записная книжка. М., 2001. С. 130-131.
4. Там же. С.16.
5. Там же. С. 25.
6. Мериме П. Разоблаченный Стендаль. Петербург, 1924. С. 87.
7. Stendhal. Correspondance (1812–1816). P., 1933-1934. Т. 4. P. 55.
8. Ibid. P. 64.
9. Ibidem.
10. Стендаль. Записки эгориста // Собрание сочинений. М., 1959. Т. 13. С. 3.
11. Stendhal. Journal. P. 106.
12. Стендаль. Записная книжка. С. 41.
13. Stendhal. Journal. P. 106.
14. Ibidem.
15. Ibid. P. 110.
16. Ibid. P. 114.
17. Ibid. P. 115.
18. Ibidem.
19. Stendhal. Correspondance. P. 67.
20. Stendhal. Théâtre. P., 1931. P. 14.
21. Stendhal. Correspondance (1812-1816). P. 69.
22. Ibidem.
23. Стендаль. Расин и Шекспир. М., 1987. С. 45.
24. Стендаль. Анри Брюлар // Собрание сочинений. М., 1959. Т. 13. С. 103.
25. Stendhal. Correspondance. P. 97.
26. Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriaïnow. P., 1913. P. 161.
27. Стендаль. Анри Брюлар. С. 246.
28. Lettres interceptées... P. 152.
29. Ibidem.
30. Ibid. P. 126.
31. Ibid. P. 127.
32. Ibidem.
33. Стендаль. Жизнь Наполеона // Собрание сочинений. М., 1955. Т. 11. С. 148.
34. Stendhal. Correspondance. P. 110.
35. Lettres interceptées... P. 201.
36. Ibidem.

37. Ibidem.
38. Мериме П. Указ. соч. С. 17.
39. Lettres interceptées... P. 270.
40. Стендаль. Записная книжка. С. 101.
41. Stendhal. Correspondance. P. 113.
42. Ibidem.
43. Ibidem.
44. Мериме П. Указ. соч. С. 22.
45. Стендаль. Жизнеописания Гайдна, Моцарта и Метастазео. М., 1988. С. 187.
46. Stendhal. Journal. P. 117.
47. Ibid. P. 118.
48. Berthier P. Stendhal journaliste anglais. P., 2001. P. 129.
49. Стендаль. Записная книжка. С. 102.
50. Stendhal. Correspondance. P. 98.
51. Стендаль. Пармская обитель. М., 1981. С. 58.

Alyona A. Postnikova

Postnikova Alyona, postgraduate student of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail:
alyonapostnikova87@yandex.ru.

Russian campaign in 1812: in the footsteps of Stendhal

The author considers the period of life of Stendhal associated with the Russian campaign of Napoleon in 1812. The author examines reasons for Stendhal take part in the Russian campaign. The author examines basic episodes in the life of the writer associated with the campaign "Grand Army " in Russia. The article also examines the perception of French writer alien country. The author traces how the experience of war with Russia influenced the formation of Stendhal as a great writer.

Keywords: Stendhal, Russian campaign of Napoleon in 1812, letters of Stendhal, Berezina.

В.Н. Земцов

Земцов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); доктор исторических наук, профессор.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

АЛМАЗ И МЩЕНИЕ: ДЮМА-ОТЕЦ, НАПОЛЕОН И ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ

В статье на примере романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо» и подлинной истории, произошедшей с сапожником-подмастерьем Ф. Пико и ставшей исторической основой для беллетристического произведения, автор поднимает проблему воздействия на историческую память научных и литературных произведений. Дюма, перенеся подлинные события из эпохи Наполеона во времена Июльской монархии, не только внес значительный вклад в ослабление и ликвидацию режима Луи-Филиппа, но и в создание устойчивого исторического образа Франции 1830-1840-х гг. XIX в.

Ключевые слова: деспотия Наполеона I, Июльская монархия во Франции; роман «Граф Монте-Кристо»; историческая наука и историческая беллетристика.

«Миф – это подлинная история – более подлинная, чем то, что произошло в действительности...» – так написал о романах А. Дюма-отца французский литературовед Ж. Молино (1). С этим замечанием нельзя не согласиться. Именно романы Дюма (в том числе и через кинематограф), но не творения историков на протяжении многих лет и десятилетий определяют образы прошедших эпох в сознании миллионов людей всего мира. При этом многие читатели знают, что д'Артаньян, Людовик XIII и кардинал Ришелье существовали в действительности, что жил великий творец Бенвенуто Челлини, который в самом деле бежал из замка Св. Ангела, что есть у входа в Старый порт Марселя замок Иф, в котором томились узники, а недалеко от берегов Корсики возвышается над поверхностью моря остров Монтекрристо... Эти знания, кажется, подтверждающие подлинность описанных Дюма событий, придают страницам его романов еще большую достоверность и убедительность (2). И только немногочисленные историки, голос которых очень слабо слышен, берут на себя, в сущности, бесполезную задачу отделить правду от вымысла, при этом сами зачастую не до конца уверенные в собственных выводах. Единственный рациональный результат их усилий сводится к осознанию того, как, почему и ради чего гениальный творец, осмыслив реальность, создал миф, а еще точнее – преобразовал миф, уже существовавший ранее, в миф, востребованный насущными обстоятельствами дня. Движимые исключительно этими

скромными задачами, мы и решились обратиться к обстоятельствам рождения гениального романа «Граф Монте-Кристо».

«Двадцать седьмого февраля 1815 года дозорный Нотр-Дам де-ла-Гард дал знать о приближении трехмачтового корабля “Фараон”, идущего из Смирны, Триеста и Неаполя», – так начинается этот восхитительный роман (3). Действительно, на высокой горе, возвышающейся над Марселем, в те годы была церковь (на ее месте во второй половине XIX в. возведут величественный собор), с которой было удобно наблюдать за приближающимися к порту (теперь он называется Старый порт) кораблями. Но для любого француза, который открыл выпуск «Журналь де Деба» от 28 августа 1844 г., в котором главками начал печататься роман-фельетон «Граф Монте-Кристо», было еще и понятно, что речь здесь идет о самом кануне высадки бывшего императора Наполеона с о. Эльба и начале знаменитых «100 дней». Этими бурными событиями 1815 г. окончательно завершалась великая эпоха Наполеона и начиналось время Реставрации и Июльской монархии, время, в котором жил и Дюма, и его читатели. Дюма, фактически впервые для себя, писал о современности!

В отечественной историографии вплоть до 2-й половины 1980-х гг. эта эпоха никогда серьезно не изучалась. Только в последние два десятилетия появились работы (4), в которых исследователи попытались учесть оживленные споры французских авторов, ведущиеся на протяжении почти полутора сотен лет. Суть этих споров кратко можно представить так (5). Вплоть до середины XX в., начиная с публикации фундаментального труда П. Тюро-Данжена «История Июльской монархии», вышедшего в конце XIX в., эпоха характеризовалась как господство денежной аристократии, основанное на системе личного управления короля. Хотя авторы и отмечали рост благосостояния и процветание Франции, но указывали и на наличие серьезных социальных противоречий, обусловленных ориентацией власти исключительно на интересы богатой буржуазии. Особое внимание историки уделяли личности и деятельности крупнейшего историка Ф. Гизо, ставшего с 1840 г. во главе правительства. «Я не знаю, – писал исследователь И. Лука-Дюбретон, – чему больше поражаться: его красноречию, его культуре или его нечувствительности к проблемам своего времени». Историк-доктринер, губящий Францию, – так воспринимали деятельность Гизо многие думающие французы в годы, когда начал выходить роман А. Дюма, и когда приближалась буря революции 1848 г.

В 1960-е гг. во французской историографии поднялась «ревизионистская волна». В работах Р. Ремона, а затем и других авторов был провозглашен иной подход к характеристике социального состава правящей элиты (которая, кстати, была столь ярко изображена в романе

Дюма). По мнению историков-ревизионистов, это не было «царством банкиров и крупной буржуазии», которые очень слабо были представлены в парламенте. Скорее, как утверждали историки, политическая власть была в руках «гомогенной категории граждан», однородность которой основывалась на идентичности рода занятий и культурного уровня, но не равенстве экономических условий.

Более мягкий, чем это было ранее, наметился подход и к личности Гизо. Признавая антидемократизм Гизо, французские историки стали уверять, что политические структуры 1830–1840-х гг. все же стали наброском современных Франции конца XX в. демократических институтов. Но и эти оценки, появившиеся в последние десятилетия, в свою очередь также продолжают оспариваться... И над всеми этими, порою бурными дебатами, сопровождающимися выходом обширных, великолепно фундированных трудов, непоколебимо возвышаются портреты банкира Данглара, генерала графа де Морсер (Фернана Монтего), королевского прокурора маркиза де Сен-Моран (Жерара де Вильфора), воплотившие в сознании миллионов читателей и зрителей разных стран образ Июльской монархии!

Вспомним несколько зарисовок из романа Дюма. Вот, к примеру, как описал Альбер де Морсер в ответ на вопрос графа Монте-Кристо одного из пэров тогдашней Франции:

« – Это коллега моего отца. Недавно он горячо выступал против того, чтобы членам Палаты пэров был присвоен мундир. Его речь по этому вопросу имела большой успех; он был не в ладах с либеральной прессой, но этот благородный протест против намерений двора примирил его с ней. Говорят, его назначат послом.

– А в чем состоят его права на пэрство?

– Он написал две-три комических оперы, имеет пять-шесть акций газеты "Век" и пять или шесть лет голосовал за министерство» (6).

Не правда ли, впечатляющая характеристика политика?

А вот пассаж о роли «денежных мешков». Альбер де Морсер, беседа с бароном Дангларом, говорит, что тот, если бы пожертвовал баронским титулом, все равно остался бы миллионером.

« – Это, по-моему, наилучший титул при июльской монархии, – возразил Данглар» (7).

Наконец, вот характеристика военных, которые любили напомнить о своей тяжелой и благородной доле честного солдата:

« – Полноте, – сказал Монте-Кристо с тем же убийственным хладнокровием, – что вы говорите! Разве вы не тот самый солдат Фернан, который дезертировал накануне сражения при Ватерлоо? Разве вы не тот самый поручик Фернан, который служил проводником и шпионом французской армии в Испании? Разве вы не тот самый полковник

Фернан, который предал, продал, убил своего благодетеля Али? И разве все эти Фернаны, вместе взятые, не обратились в генерал-лейтенанта графа де Морсер, пэра Франции?» (8).

Характеристики убийственные. Таковы были в глазах Дюма те, кто процветал в годы Июльской монархии.

Совсем иными были выведены образы тех, кто остался в славном прошлом – люди Первой империи, прошедшие вначале тяжкий путь революционера 1793 г., затем присягнувшие тому, кто воплотил в себе честь и величие Франции – Наполеону, и оказавшиеся за бортом жизни, но не сломленные, при новых правителях. Таким был в романе Дюма Нуартье де Вильфор, жирондист 1793 г., сенатор 1806 г., благородный борец с предателями в 1815 г., любящий дед, честный и сильный человек во все последующие годы.

Но ведь в подлинной истории, которую Дюма и его соавтор О. Маке взяли за основу фабулы, было не так! Там, в настоящей жизни, вопиющий произвол, презрение к человеку и его достоинству исходили как раз от Великого Наполеона! Напомним эту подлинную историю, обычно известную под названием «Алмаз и мщение» (9).

Итак, в феврале 1807 г. сапожный подмастерье Франсуа Пико (Picaud), молодой и красивый малый 27 лет, родом из Нима, зашел к своим землякам, которые частенько собирались в кабачке возле площади Сен-Оппотьюн. Этот кабачок содержал также бывший житель Нима Матье Лупиан (Loupian). Лупиан был уже не так молод, в отличие от Пико, и был вдовцом с двумя детьми. В кабачке сидело еще трое знакомых, также уроженцев Юга из департамента Гар.

Все они обратили внимание на сияющий вид своего юного земляка Пико, который с радостью и с некоторым вызовом сообщил о своей предстоящей женитьбе на Маргарите Вигору (Vigorous), красивой и богатой девушке, за которой давали 7 тыс. франков. Пико широким жестом пригласил всех на предстоящую церемонию в церкви Сен-Лё, а потом на танцы в Les Basquets de Vénus на улице Ур (Ours). Затем Пико распрощался, спеша в мэрию и к кюре (10).

Когда он ушел, Лупиан, снедаемый завистью, предложил своим землякам разыграть шутку – написать донос комиссару полиции, сообщив о том, что Пико – английский агент, и тогда бы последний, вместо веселой свадьбы, провел бы несколько дней в заключении. Из трех приятелей, к которым обратился кабатчик, только один – Антуан Аллю (Allut) – запротестовал, говоря, что это дурная шутка, но его быстро засмеяли, уверяя, что ничего страшного не будет. Тем не менее, Аллю отказался участвовать в этом «розыгрыше» и покинул кабачок. Между тем трое приятелей в тот же день состряпали донос на Пико, для пущей

важности назвав его дворянином из Лангедока и уверяя, что он связан с восстанием в Ванде, осуществляя связь между Югом и Западом.

В ночь с 15 на 16 февраля полиция арестовала Пико, который с этого момента просто «исчез». Ни родители, ни друзья ничего не смогли узнать о его судьбе! Полицейский комиссар, которому Лупиан отнес донос, поспешил проявить рвение и немедленно представил бумагу самому министру полиции (11). Министр полиции, в свою очередь, распорядился как можно скорее арестовать Пико и хранить все в строжайшей тайне.

Здесь мы должны напомнить, что обычной практикой в эпоху Империи Наполеона было то, что министр полиции мог дать санкцию на арест и заключение любого человека, вне зависимости от его социального положения, чина и прочего, и без каких-либо очевидных доказательств его вины, если это касалось «государственной безопасности». Как правило, арестованные попадали в одну из 8 тюрем, находившихся в Венсенне, Ле Аме, замке Иф, Пьер-Шателе, Сомюре, Ландскроуне, Фенестреле и Компьене.

Декретом Наполеона от 13 марта 1810 г. такая практика была даже узаконена. Единственной уступкой гуманизму стал объезд раз в год членами Государственного совета этих тюрем. Проверяющие должны были удостовериться в приемлемости условий содержания заключенных и занести их жалобы в специальный журнал. Как правило, эта процедура проходила в присутствии коменданта тюрьмы и никаких последствий для заключенных не имела.

Несчастный Пико, которому, как и Эдмону Дантесу, не сообщили, в чем же его обвиняют, не только оказался в заключении в далекой крепости Фенестрель, расположенной в пьемонтских Альпах, но еще и должен был, как особо опасный преступник, лишиться своего имени. Теперь он превратился в Жозефа Люше (Lucher).

Ж. Пеше, который рассказал публике о судьбе этого несчастного сапожника, не счел нужным останавливаться на описании условий его пребывания в течение 7 лет в Фенестреле. Поэтому нам пришлось самим попытаться это представить. Фенестрель, находящийся ныне на территории Италии, являет собой впечатляющий комплекс оборонительных сооружений, чем-то напоминающих Великую китайскую стену, оседлавшую обширную горную местность. Построенный в течение конца XVII – XVIII вв., Фенестрель оказался хорошо приспособленным для содержания заключенных. В начале XIX в. заключенные пребывали, главным образом, в форте Сан Карло. Это массивное многоэтажное сооружение, которое и сегодня производит на посетителей сильное впечатление, имело 44 комнаты, превращенные в камеры.

Кардинал Бартоломео Пакка (1756–1844), вступивший под его своды 6 августа 1809 г. и проживший здесь 3,5 года, вспоминал, прежде всего, длинный, темный, освещавшийся только через одно окно коридор с очень низким потолком. С правой стороны были камеры, двери которых могли запирались железными цепями. Кардиналу отвели самое лучшее помещение, но и оно производило на него удручающее впечатление: потолок в некоторых местах был поврежден, стены были грязными и прокопченными, деревянный пол был наполовину прогнившим и попорченным крысиными лазами (12).

Кардинал Пакка находился в Фенестреле с августа 1809 по февраль 1813 г. Он оставил подробные воспоминания, впервые вышедшие в 1830 г., то есть в год смерти Пеше (13). Пребыванию автора в крепости была посвящена сотня страниц. В эти строки мы вчитывались с большим вниманием, стремясь уловить хотя бы малейший намек на пребывание там... нет, не Пико-Люше (кардинал Пакка, исполнявший должность секретаря папы Римского, был выше того, чтобы хотя бы даже замечать существование тех заключенных, которые были из числа простонародья), а некоего богатого священнослужителя из Милана. Дело в том, что Пико-Люше прислуживал этому миланцу столь самоотверженно, что тот, покинутый своими близкими, умирая в январе 1814 г., оставил ему огромное состояние, размещенное частью в банках Гамбурга и Англии, частью представлявшее собой ренту с имений в Италии, доходы с которых должен был выплачивать один амстердамский банкир, а частью – в виде золота и драгоценных камней, спрятанных в тайнике. По-видимому, в полицейском досье, которое использовал Пеше, имя этого высокопоставленного миланского священнослужителя названо не было. Мы попытались найти хотя бы намек на этого человека.

О ком только не упоминал кардинал Пакка на страницах своих мемуаров! Среди прочих оказался и российский подданный знаменитый граф Кассини (Cassini). Напомним, что Витторио-Мария-Джиокино (Виктор Иванович) Капицукки граф ди Кассини ди Страда (1754–1811), выходец из известной пьемонтской семьи, в молодые годы отправился в Россию и после встречи с Г.П. Потемкиным, в июне 1790 г. был принят на русскую службу. Он был послан Потемкиным в Варшаву с неким секретным поручением, претерпел там многие несчастья, наконец, был по требованию русского правительства освобожден и достойно награжден. В 1795 г. его назначили генеральным консулом, а в 1801 г. – поверенным в делах России в Риме. В 1809 г. он чем-то навлек на себя гнев Наполеона, был арестован в Падуе и отправлен в Фенестрель. Пакка свидетельствует, что Кассини, оказавшийся в крепости вскоре после кардинала, уже находился в плохом состоянии и в дальнейшем вплоть до своей смерти в 1811 г. непрерывно болел (14). Напомним, что Рос-

сия в те годы находилась в мире с Наполеоном, который, однако, вероломно хватал российских подданных, сажал их в тюрьмы и умертвлял.

По словам Пакка, в конце 1810 – начале 1811 гг. в сердца заключенных Фенестреля вселилась надежда на то, что Наполеон все же проявит несвойственное ему милосердие и объявит амнистию по случаю ожидавшегося рождения наследника престола. Но тщетно. 21 марта 1811 г. в 2 часа пополудни из Турина прибыл жандарм с известием о рождении Римского короля и с приказом дать в честь этого события салют. Но... «надежды рассеялись вместе с дымом артиллерийского салюта» (15).

Хотя некоторые заключенные, которые были приговорены к 5-летнему сроку, и освобождались, но вместо них прибывали другие, в том числе многочисленные священнослужители (16). Мы не исключаем, что среди тех, кого упоминает Пакка, мог быть тот самый миланский клирик, оставивший заключенному Пико-Люше огромное состояние. Однако в тексте ничто не указывает на то, что это мог быть именно он. В этой связи напомним, что Пакка покинул крепость в феврале 1813 г., а таинственный миланец скончался только через год – 4 января 1814 г. (17) Если исходить из замечания о том, что Пико-Люше прислуживал ему недолго (*a servi moins de domestique*), нельзя исключать, что Пакка его даже и не видел. Таким образом, даже предположительно назвать имя этого человека сегодня не представляется возможным.

Пико-Люше вышел из тюрьмы только в 1814 г. после падения Империи, просидев, таким образом, безвинно 7 лет! Хотя Пико-Люше теперь был богачом (мы опускаем то, как Пико-Люше удалось, объехав Милан, Амстердам, Гамбург и Лондон, вступить в права наследства), но жажда мщения терзала его сердце. Более того, он продолжал оставаться в неведении и в отношении причин своего ареста.

15 февраля 1815 г., ровно через 8 лет после того как его схватила полиция, день в день, он вновь оказался в Париже. Пико-Люше узнал, что его невеста Маргарита два года ждала пропавшего жениха, но затем вышла замуж за Лупиана, дело которого теперь процветало. Полагая возможным выведать обстоятельства произошедших в 1807 г. событий у Антуана Аллю, который возвратился в Ним, Пико-Люше покинул Париж и выехал в Марсель. По-видимому, в Марселе он взял карету и под именем аббата Бальдини (*Baldini*) отправился в Ним, к гостинице, которая была известна под названием «Люксембург».

Хотя Пико-Люше было тогда 34–35 лет, выглядел он значительно старше. Его внешность настолько изменилась, что было совершенно невозможно узнать в нем того жизнерадостного малого, который завоевал любовь красавицы Маргариты Вигору. Собрав сведения об Аллю, который был отягчен многочисленным семейством, «аббат Бальдини»

наконец-то встретился с ним лично. Он рассказал Аллю, что был заключен за «государственное преступление» в Неаполе в знаменитый кастель дель Ово (по-французски – *château d’Euf*), где он в 1811 г. встретил человека примерно 30 лет, уроженца Нима, Пьера Пико (18). При этих словах Аллю вскрикнул и на вопрос «аббата Бальдини» сказал, что это был один из его хороших друзей. Тогда «аббат Бальдини» сообщил, что заключенный вручил ему алмаз стоимостью по меньшей мере в 50 тыс. франков (полученный им от одного англичанина) с настоятельной просьбой отдать его Аллю, если тот расскажет о причине ареста Пико. Сам же «аббат Бальдини», узнав имена людей, погубивших Пико, должен начертать их на могильной плите несчастного страдальца, чей прах покоится в Неаполе.

Не станем останавливаться на подробностях последующей сцены, когда все колебания Аллю были отмечены его супругой, вошедшей в этот момент в комнату и принявшей участие в разговоре. Этот реальный персонаж очень напоминает жену Кадрусса Карконту из романа Дюма. Аллю уступил и назвал имена Лупиана и его сообщников – Жерве Шобара (*Chaubard*) и Гийома Солари (*Solari*). Аллю и его жена получили этот алмаз и продали его ювелиру за приличную сумму. 4 месяца спустя они узнали, что ювелир перепродал алмаз одному турецкому купцу за 200 тыс. франков. Алчность захватила душу Аллю – он убил ювелира и вместе с женой бежал в Грецию.

Между тем Пико-Люше, на этот раз под именем Проспер, по рекомендации одной дамы поступил работать официантом (*comme garçon limonadier*) в кафе, которое содержал Лупиан. Жена Лупиана, Маргарита, бывшая когда-то невестой Пико, уловила в облике нового официанта что-то знакомое, но быстро отогнала от себя все подозрения, которые будили в ней давние воспоминания. К скрытой радости Пико-Проспера здесь же, в кафе у Лупиана, он увидел и двух других уроженцев Нима – Шобара и Солари. Вскоре тело Шобара было найдено на мосту Искусств (*pont des Arts*). На рукоятке ножа, которым он был заколот, красовалась надпись «Номер один». Вскоре после этого был отравлен пёс, охранявший кафе.

Как мы уже знаем, у Лупиана от первого брака была дочь, которой в ту пору исполнилось 16 лет, и она была красива как ангел. Некий богатый маркиз соблазнил ее, но, под нажимом Лупиана и его жены, дал согласие жениться. Лупиан был счастлив, брачная церемония состоялась, ожидался свадебный пир на 150 персон. В назначенный час гости стали съезжаться. Но «маркиз» не появился. Вместо этого Лупиан был извещен письмом, что по приказу короля «маркиз» должен был быть арестован. Чуть позже, когда был уже подан десерт, выяснилось, что

этот «маркиз» был просто-напросто беглым каторжником, который на этот раз просто сбежал от преследования.

Четыре дня спустя, в воскресенье, когда вся семья выехала на природу, дом, где размещалось кафе Лупиана, оказался охвачен огнем, причем с 9 точек сразу. Все сгорело. Друзья Лупиана отвернулись от него. Один только официант Проспер остался с его семьей. Он помог Лупиану открыть новое кафе на улице Сен-Антуан. Туда вновь стал захаживать старый приятель Лупиана Солари, который, однако, вскоре был кем-то отравлен. Во время его похорон на черном сукне, покрывавшем гроб, все увидели листок бумаги, на котором были начертаны слова «Номер два».

Между тем несчастья продолжали преследовать Лупиана. Его сын от первого брака Эжен, связавшись с бандой воров, попался на краже и был приговорен к 20 годам тюрьмы. Прекрасная Маргарита, жена Лупиана, умерла. Сам Лупиан был в отчаянии. Именно в этот момент верный Проспер проявил готовность «помочь» семейству и «взять на себя содержание» мадемуазель Лупиан. И отец на это пошел.

Но Пико-Люше-Просперу и этого оказалось мало. Однажды вечером, когда Лупиан брел по аллее парка Тюильри, человек в маске предстал перед ним. Он заставил вспомнить Лупиана о совершенном им в 1807 г. преступлении и в нескольких фразах поведал ему о своей мести. Наконец, не давая жертве опомниться, Пико произнес:

– Теперь настал твой черед. Теперь номер три.

С этими словами Пико нанес своему обидчику удар ножом в сердце.

Совершив последний акт мести, Пико побрел к выходу из парка, когда чья-то железная рука схватила его. Он был оглушен, повален на землю, связан по рукам и ногам. Очнулся он в темном подвале. Его похитителем оказался Аллю, который мало-помалу выяснил, кто же были в действительности «аббат Бальдини» и «официант Проспер». Аллю приковал Пико к стене цепью и начал морить голодом и жаждой, требуя от него бешеной платы за хлеб и воду. Мучитель хотел таким образом получить все состояние Пико, которое он оценивал более чем в 16 млн! На следующий день Аллю установил «порядок» – он будет кормить Пико 2 раза в день и за каждый обед тот будет платить ему 26 тыс. франков.

Пико отказался. Постепенно он становился все более инертным, слабел физически и уже не мог произнести ни слова... В конечном итоге он лишился рассудка. В припадке бешенства и злобы Аллю заколол его. Оставив тело Пико в подвале, Аллю покинул Париж и бежал в Англию.

Много лет спустя, в 1828 г., перед смертью, Аллю поведал некоему французскому католическому клирику об этой истории. Более того, он продиктовал ему все детали тех событий и подписал каждую страницу. После смерти Аллю «l'abbé P...» отправил в парижскую полицию этот документ, предложив полицейским, между прочим, найти останки бедного Пико.

Почти невероятная и, одновременно, такая жизненная история! Имела ли она место на самом деле? И не могла ли она быть плодом воображения одного или нескольких людей?

Обратимся к фигуре Жака Пеше, от имени которого сей рассказ был опубликован в 1838 г. Жизнь этого человека оказалась примечательной. Родившийся в Париже в 1758 г., Пеше стал адвокатом. Вместе с аббатом Морелли, известным писателем и экономистом, составил «Словарь коммерции», участвовал в написании «Энциклопедии методики». Приглашенный к работе в администрацию вначале министра финансов Ш.А. Калонна, а затем Л.М.А. Ломени де Бриенна, он занимал там различные должности. В 1789 г., будучи членом парижского муниципалитета, Пеше сыграл заметную роль в событиях 14 июля. В новом муниципалитете, которым руководил знаменитый Ж.С. Байи, Пеше стал видной фигурой, занявшись организацией работы полиции. Этот опыт он изложил в двух томах «Словаря полиции», изданных в 1789 и 1791 гг. Будучи конституционным монархистом, Пеше в 1792 г. оказался в тюрьме, но выжил. В 1799–1800 гг. он публикует «Универсальный словарь торговой географии», а затем – в 1805 г. – «Топографическое и статистическое описание Франции». Благодаря этим трудам Пеше получает известность как крупный экономист и даже основатель статистики. В эпоху Империи и Реставрации он продолжает активную деятельность в качестве журналиста (редактирует «Газет де Франс» и «Меркурий») и, в особенности, в качестве архивиста, заняв пост хранителя архива полицейской префектуры. Пеше становится известен и как своего рода эксперт-криминалист, выпустив исследование о самоубийстве (эта работа привлечет в дальнейшем внимание молодого К. Маркса, который сделает ее перевод на немецкий язык и сопроводит его собственными пассажами (19)). Своего рода завершающей работой Пеше стали «Мемуары, извлеченные из архивов полиции» (1827). 28 сентября 1830 г. Пеше умер.

Обратившись к этим «Мемуарам», вышедшим в 1827 г., мы не смогли обнаружить в них той самой истории, которая стала известна как «Алмаз и мщение». Эта история оказалась опубликована только в 5-м томе посмертного 6-томного издания «Мемуаров» Пеше, вышедшем в 1838 г. Это издание было осуществлено бароном Э.Л. де Ламот-Лангон (1786–1864) на основе сохранившихся бумаг Пеше.

Таковы факты. И эти факты не могут не породить 5 предположений на предмет авторства знаменитой истории «Алмаз и мщение»:

1. Ее мог сочинить Ламот-Лангон.
2. Ее мог сочинить Пеше.
3. Ее мог сочинить «аббат П...».
4. Ее мог сочинить Аллю или человек, назвавшийся этим именем.
5. Ее мог сочинить еще кто-то, кого мы совсем не знаем (20).

Однако все эти сомнения вряд ли могли возникнуть в головах А. Дюма и его соавтора-поденщика О. Маке. Фабула «Алмаз и мщение» могла стать хорошей основой романа, действие которого должно было происходить в современной для авторов Франции и который должен был обличить отнюдь не произвол Первой империи, но продажность и ничтожество хозяев Июльской монархии.

Становление Июльской монархии происходило на фоне республиканских и пролетарских восстаний, многочисленных покушений на жизнь нового короля. Большую активность в эти годы стали проявлять и бонапартисты, совершившие попытки государственных переворотов в 1836 и в 1840 гг. Вообще же 1840 г. стал во многом поворотным. Только недавно – в 1839 г. – в Париже произошло восстание бланкистов, создавших «Общество времен года», как в 1840 г. состоялся очередной мятеж, подготовленный племянником Наполеона Ш.Л.Н. Бонапартом. Но и этого мало. Правительство А. Тьера, втянутое в восточные дела, не совсем удачно поддержало египетского пашу Мухаммеда Али против турецкого султана. Тьеру пришлось уйти в отставку и уступить руководство правительством Ф. Гизо, который будет оставаться у руководства страной вплоть до революции 1848 г. Гизо, раздраженный поведением прессы и разных «писак», которые высмеивали не только правительство, но и самого короля, развернул судебные преследования писательских и журналистских кругов.

Дюма, как демократ и республиканец, оказался в оппозиции к правительству. Он покидает Париж и едет в Италию. В 1841–1842 гг. писатель живет во Флоренции и часто посещает виллу Кварте, в которой живет в изгнании Жером Бонапарт, экс-король Вестфалии, брат покойного императора Наполеона. Дюма отнюдь не смущают королевские крови своих собеседников. Для него эти люди олицетворяли великую эпоху, которые были не сопоставимы с жалкими нуворишами современной ему Франции. Поэтому когда Жером предложил Дюма сопровождать его сына, 20-летнего Наполеона Жозефа Шарля Поля Бонапарта, которого называли принцем Наполеоном, а домашние – Плон-Плоном, в путешествие на о. Эльбу, место ссылки покойного императора, писатель согласился. Эта поездка, о которой рассказал сам Дюма в «Беседах», состоялась с 27 июня по 1 июля 1842 г.

Путешественники исходили Эльбу, а затем отправились поохотиться на соседний островок Пианозу, где в изобилии водились зайцы и куропатки. Во время охоты проводник указал Дюма и принцу Наполеону на соседний остров, живописную скалу, напоминающую по форме сахарную голову.

– Если ваши превосходительства соблаговолят посетить этот остров, они смогут там великолепно поохотиться.

– А как называется этот благословенный остров?

– Его называют островом Монтекристо.

Это имя очаровало Дюма.

– Монсеньор, – обратился он к принцу, – в память о нашем путешествии я назову «Монтекристо» один из романов, который когда-нибудь напишу (21).

Дюма очень хотелось побывать на этом острове, но не пришлось. Так как остров был ничейным, то, согласно тогдашним порядкам, по возвращении с него путешественникам пришлось бы пробыть несколько дней в карантине, что писателя совершенно не устраивало. Единственное, что удалось сделать, это обогнуть остров кругом на лодке и внимательно рассмотреть его берега.

По возвращении во Францию Дюма заключил с издателями М. Бетюном и Плоном договор о написании многотомного труда «Парижские путевые записки», в которых он намеревался углубиться в историю и археологию французской столицы. Но обстоятельства заставили изменить этот план. Дело в том, что публикация Эженом Сю «Парижских тайн», действие которых разворачивалось в современной ему Франции, и которые выходили в виде романа-фельетона, то есть по частям, тем самым интригуя читателей неожиданностью продолжения, вызвала большой резонанс и привела к небывалому коммерческому успеху. Вот тогда-то под нажимом издателей Дюма и его «негр» Маке, историк и библиофил, задумали небывалое по своей увлекательности произведение из «современной жизни».

Трудно определенно сказать, кто именно из двух соавторов первый обратил внимание на историю «Алмаз и мщение», но, по-видимому, им был все же Огюст Маке, который в дальнейшем, представив черновую рукопись, будет оспаривать у Дюма в суде его права на авторство романа. Начиная с книжки «Journal des Debats» от 28 августа 1844 г. и заканчивая выпуском января 1846 г. это произведение в виде романа-фельетона вышло в свет.

Оно имело грандиозный, небывалый успех, который был вызван не только авантюристкой фабулой и сюжетом, не только яркими портретами человеческих пороков и добродетелей, но и, во многом, «актуальностью» картины современного для Дюма и его читателей французского

общества. Подлинные события, которые легли в основу фабулы и «кричавшие» о деспотизме Наполеона, но перенесенные силой писательского гения во времени, теперь обличали Июльскую монархию, а эпоха начала XIX в. наоборот представляла временем великих свершений и добродетелей. Поразительно, но и сама Июльская монархия, стремительно терявшая всякую опору, прибегла в эти годы к созданию культа Наполеона. Никто иной как Луи-Филипп приказал в 1840 г. возратить во Францию тело покойного императора, устроив в этой связи небывалые по своему размаху и эмоциональному накалу траурные церемонии.

В 1848 г. Июльская монархия падет. Немалую роль в ее крахе сыграет величайший роман «Граф Монте-Кристо», в котором подлинные события прошлого, переиначенные силою писательского гения и превращенные в миф, окажутся сильнее той истории, которая была «настоящей».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Литвиненко Н.А. Романная тетралогия А. Дюма о Великой французской революции как модус мифа // Миф. Пастораль. Утопия. Литература в системе культуры. М., 1998. С. 72.
2. А. Дюма-отцу как историку посвящено немало исследований. Среди русскоязычных работ отметим статью Ф.Г. Рябова: Рябов Ф.Г. История в произведениях А. Дюма // Новая и новейшая история. 2003. № 1.
3. Дюма А. Граф Монте-Кристо. М., 1955. Т. 1. С. 3.
4. См. работы Е.И. Федосовой, З.М. Каштанова, Е.В. Киселева, и особенно – Н.П. Таньшиной (Таньшина Н.П. Теория и практика французского либерализма. М., 2000; Она же. Луи Филипп Орлеанский // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 37-56).
5. Обзор сделан на основе: Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии: дисс. доктора исторических наук. М., 2005.
6. Дюма Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 129.
7. Там же. С. 130.
8. Там же. С. 398.
9. Эта история множество раз воспроизводилась в литературе (Hamburg С. Polizeigeheimnisse. Stuttgart, 1865. Vol. 2; Ashton-Wolfe H. True Stories of Immortal Crimes. N.Y., 1931. P.19-33; Kovařík J. Hrabě Monte Christo a ti druzi: skutečné asudy románových hrdinů II. Třebíč, 1998; Моруа А. Три Дюма. Часть 6. Гл. 1 (любое издание); Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. М., 1991. С. 461-463; и др.). Мы решили обратиться, что называется, к первоисточнику – документальному рассказу Жака Пеше. Вначале без особого труда мы обнаружили текст этого рассказа в «Ревю де Пари» за 1845 г. (Revue de Paris. Nouvelle Série. Année 1845. Т. 11. November. Bruxelles, 1845. P. 199-215), а затем – в «Мемуарах, извлеченных из архива парижской полиции» за 1838 г., вышедших под авторством самого Пеше (Mémoires tirés des Archives de la Police de Paris. P., 1838. Т. 5. P. 197-228 // Bibliothèque nationale de France (<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k64>)). Именно в этом издании рассказ под названием «Алмаз и мщение» появился на свет впервые.
10. Как было установлено историками в дальнейшем, бракосочетание должно было состояться во вторник 17 февраля 1807 г.
11. В тексте рассказа, опубликованном от имени Пеше, говорится о герцоге Ровиго, то есть А.Ж.М.Р. Савари, как о министре полиции. Но Савари, получивший титул герцога Ровиго только в следующем, 1808 г., стал министром полиции в 1810! До этого министр

ром полиции был Ж. Фуше. Единственным объяснением этой «неточности» может быть тот факт, что Савари действительно возглавлял особую полицию, которая должна была контролировать «официальную полицию» во главе с Фуше. Более того, именно Савари в те годы и «занимался» Вандейей.

12. Historical memoirs of Cardinal Pacca, Prime Minister to Pius VII, written by himself. L., 1850. Vol. 1. P. 282-286.

13. Pacca V. Memorie storiche... Pesaro, 1830. T. 2.

14. Сын В.И. Кассини Павел Викторович (1797-1871) стал действительным статским советником и генеральным консулом в Триесте, затем – в Венеции, а его внук (Артур Павлович) – русским посланником в Китае. После революции в России потомки Кассини оказались за границей, и один из них – Олег Кассини (1913-2006) стал прославленным американским модельером, официальным дизайнером Жаклин Кеннеди.

15. Historical memoirs of Cardinal Pacca... P. 350-351.

16. Пакка среди прочих упоминает о некоем Marchese Giovanni Naro Patrizi, прибывшем в Фенестрель 28 декабря 1811 г. и переведенном чуть позже в замок *Иф*.

17. Mémoires tirés des Archives de la Police de Paris. P. 203.

18. Мы не можем сказать, почему в тексте Франсуа Пико превратился в Пьера Пико. Возможно, как это предлагает А. Моруа, Пико звали Пьер-Франсуа.

19. Одно из последних изданий: Marx K. Marx on Suicide. Psychosocial Issues. Chicago, Illinois, 1999.

20. Дабы хотя бы частично развеять сомнения, которые мы породили в головах любезных читателей в отношении подлинности приведенной нами захватывающей истории, отметим, что ряд деталей, которые были найдены исследователями в дальнейшем, подтверждают правдивость того, что было опубликовано от имени Пеше в 1838 г.

21. Эта сцена описана по: Моруа А. Указ. соч. В сентябре 2010 г. на острове Корсика мы повстречались с одним итальянским семейством из Пизы, которое накануне попыталось посетить о. Монтекристо. Но они смогли побывать, подобно Дюма, только на о. Пианоза. На о. Монтекристо сейчас находится тщательно охраняемый итальянским правительством природный заповедник, посещение которого возможно только по специальному разрешению.

Vladimir N. Zemtsov

Zemtsov Vladimir, the Head of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

DIAMOND AND VENGEANCE: Dumas, Napoleon and the July Monarchy

The article on the basis of the novel Alexandre Dumas's "The Count of Monte Cristo" and the true history, which occurred with a shoemaker's apprentice, F. Pico and became the basis for the historical works of fiction, raises the issue of the impact on the historical memory of scientific and literary works. Dumas, transferring real events of the Napoleonic era in the time of the July Monarchy, not only made a significant contribution to

reducing and eliminating the regime of Louis-Philippe, but also in the creation of a sustainable historical image of France 1830-1840th of XIX century.

Keywords: despotism of Napoleon I, the July Monarchy in France; novel "The Count of Monte Cristo"; history and historical fiction.

Л.В. Светлова

Светлова Людмила Владимировна, соискатель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Телефон/Phone: +7 (908) 63-68-587. Электронная почта/E-mail: svetlovalv@yandex.ru.

ПОЕЗДКА АКАДЕМИКА В.П. БЕЗОБРАЗОВА НА УРАЛ В 1867 Г.: ИЗУЧЕНИЕ РЕАЛИЙ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ?

В статье рассматривается история поездки на Урал комиссии под руководством академика В. П. Безобразова, с целью представить анализ степени эффективности Уральского горного хозяйства. Результатом работы комиссии стал отчет Безобразова, опубликованный в 1868 г. в «Русском вестнике». Автор статьи анализирует причины появления данного отчета и характер выводов комиссии Безобразова.

Ключевые слова: В. П. Безобразов, горнозаводская промышленность Урала, И. П. Котляревский, инженер Севастьянов, приватизация.

В 60-х гг. XIX в. в среде промышленников, а также и в отечественной публицистике, уже не в первый раз был поднят вопрос о продаже казенных заводов в руки частных предпринимателей. Данная проблема остро встала на повестку дня в связи с кризисным состоянием горнозаводской промышленности на Урале. Для изучения ситуации непосредственно в казенных уральских округах в 1867 г. была направлена правительственная комиссия, главным членом которой стал статский советник академик В. П. Безобразов*. Свой отчет о поездке он изложил

* В.П. Безобразов (1828–1889) – видный русский экономист и географ, академик, преподаватель Александровского лицея, один из создателей политико-экономического комитета Русского географического общества. Сделал блестящую карьеру в Министерстве финансов и Министерстве государственных имуществ, с 1863 г. являлся действительным статским советником, а позже – тайным советником, в 1885 г. стал сенатором. Постоянный член комиссий по финансово-экономическим вопросам разных регионов страны.

летом 1868 г. на страницах «Русского вестника», а чуть позже этот доклад, призывавший к уничтожению государственных предприятий горного ведомства, под названием «Исследования В.П. Безобразова, действительного члена Императорской академии наук» был выпущен в Петербурге отдельной книгой (1).

Материалы этого доклада, как и множества других, ряд исследователей впоследствии использовали для изучения экономической ситуации в стране в пореформенное время, положения промышленности Урала и состояния отдельных заводов (2). На этой основе делались выводы о состоянии заводского хозяйства второй половины XIX в. Но при более внимательном обращении к истории появления данного труда возникает множество вопросов. Связано это с тем, что книга В.П. Безобразова стала, пожалуй, одной из немногих работ по уральской промышленности, вызвавшей весьма активную дискуссию и серьезную критику в среде инженеров, чиновников Горного ведомства и других специалистов уже сразу же после ее публикации. Эта книга до сих пор не находит однозначной оценки среди ученых.

Автор тенденциозно убеждал в «крайней необходимости» продажи казенных предприятий ввиду их «финансовой несостоятельности». Деятельность казенных заводов он охарактеризовал как функционирование «системы, противной всяким здравым понятиям о государственном и народном хозяйстве» (3). Ученый уделял серьезное внимание рассмотрению реформы 1861 г. на Урале, выяснению причин кризиса горнозаводского производства, особенно казенного, и перспектив его развития. В.П. Безобразов отмечал, что и после ликвидации крепостного права сохранились пережиточные «условия», созданные прежним порядком горнозаводского дела: административная опека, регламентация, правительственная поддержка несостоятельных заводчиков (4). Эти явления, по его мнению, только ухудшили и без того тяжелое положение казенной промышленности и способствовали затягиванию кризиса. Он также утверждал, что казенные горные заводы перестали выполнять свою функцию пионера внедрения и распространения технических новшеств, и, более того, демонстрировали собой абсолютную отсталость казенного сектора в промышленном отношении.

Академик В.П. Безобразов в своем произведении многочисленными утверждениями и примерами пытался обосновать свой вывод о том, что казенные горные заводы являются непроизводительными, убыточными, расстроеными и в целом технически более отсталыми, нежели частные. Он однозначно высказывал мысль об отсутствии вообще какой-либо необходимости в казенных заводах даже для нужд государственного значения, подчеркивая перспективные возможности реализации этой задачи услугами частных предприятий (5).

Как вариант выхода из кризиса он предлагал приватизировать казенные предприятия с публичных торгов, предоставляя частным лицам самые льготные для этого условия. При этом он рекомендовал и определенную последовательность приватизации, настаивая на продаже каждого предприятия в отдельности для стимулирования конкуренции (6). В целом, В.П. Безобразов не видел экономических перспектив развития государственно-монополистического хозяйства. Частные горные заводы, по его оценке, сумели быстрее выйти из состояния упадка уральской горнозаводской промышленности и поэтому продажа казенных заводов, как он считал, вполне своевременна. Основным препятствием к продаже была неустроенность поземельных отношений в казенных горных округах. В.П. Безобразов предлагал ускорить решение вопроса о предоставлении горнозаводскому населению в пользование увеличенных против закона наделов или уменьшенных, но в полную собственность (7).

Следует отметить, что Безобразов особо рьяно ратовал за передачу частному капиталу Миасских золотых приисков. Этот факт не мог оставить равнодушными специалистов, людей, непосредственно связанных с этой областью производства. Так, в 1872 г. инженер Севастьянов, управляющий Миасскими золотыми приисками, опубликовал в «Горном журнале» свою заметку «Что произойдет от отдачи Миасских золотых промыслов в частные руки: Будет ли в государстве более золота? Большую ли прибыль будет получать казна?» (8). Автор на конкретных цифрах доходов и расходов, а также количества добываемых металлов в год по разным казенным округам, поэтапно, логично, с арифметической точностью продемонстрировал расчет невыгодности в итоге для казны продажи месторождений ценных металлов в частные руки. Для получения государством дохода, который оно получало, имея месторождения в полной собственности, частные собственники для выплата налога должны были увеличить добычу в десятки раз. В противном случае, казна, по прогнозам, потеряла бы две трети своего обычного дохода (9). Инженер предупреждал также о неблагоприятных последствиях свойственной частникам практики экстенсивного характера добычи золота и бесхозяйственном обращении ими с «отработанными» участками, поскольку главной их целью являлась коммерческая выгода и быстрый доход. Автор был убежден, что кроме всего прочего казна могла понести косвенные убытки от неоплаченной подати с проданного золотопромышленниками металла за границу (10).

Вскоре на эту статью была опубликована объемная рецензия анонимного автора (11), указывавшая на некомпетентность Безобразова в технической и хозяйственной стороне горнозаводского дела. Автор последовательно анализировал взгляды Безобразова на казенное горноза-

водское хозяйство, подробно рассмотрел вопрос об убыточности казенных горных заводов. Затраты казны на приготовление металлов и изделий для военного и морского ведомств, по утверждению неизвестного исследователя, в принципе не могли приносить прибыль, так как эти изделия продавались министерствам по себестоимости, в соответствии с законом, без наложения процента (12).

На статью Безобразова в «Русском вестнике» отозвался и представитель горного ведомства полковник В.И. Рожков (13). Автор подчеркивал, что неоднократные попытки передачи государственных заводов в частные руки не имели благоприятных результатов - разоренные и задолжавшие заводы опять возвращались в казну (14). Рожков опровергал тезис о существовании серьезной конкуренции между государственным и частным сектором, которой, по мнению автора, не могло быть. Это он объяснял тем, что казенные заводы не имели целью сбыт своей продукции на рынке, а выполняли «обязательный наряд», будучи учреждениями государственной обороны и не имея права на коммерческую деятельность. Автор признавал, что в небольших объемах на рынок действительно поступали сталь и железо, забракованные для специального производства. Но это, по его замечанию, говорило не о плохом качестве металлов, а лишь об их непригодности для военной промышленности. По заводским сметам это железо расценивалось дешевле годного, хотя и могло быть высококачественным. Снижало цену оптовая скупка металлов заинтересованными лицами, а также отсутствие права продавать в рассрочку (15). Рожков демонстрировал свою убежденность в том, что исключительная цель казенных заводов – это удовлетворение государственных нужд в снабжении боевыми снарядами и другими оборонительными средствами армии и флота (16).

Как утверждал автор, причина кризиса горнозаводского хозяйства Урала заключалась не столько в проблемах, связанных с отменой крепостного состояния, сколько в уменьшении военных заказов с одновременной закупкой металлов и изделий за границей. Перспективу Рожков видел в росте заказов, связанных с активизацией строительства государством железных дорог (17).

На следующий год после выхода в свет работы Безобразова с критическим анализом на страницах «Горного журнала» выступил либеральный дворянский исследователь, авторитетный горный инженер, полковник И.П. Котляревский. Вскоре вся серия его статей была сведена в отдельную книгу. Котляревский с самого начала заявил, что не принадлежит к числу защитников казенных горных заводов, но и не согласен с категоричной позицией Безобразова о полной приватизации всех заводов уральских казенных горных округов, поскольку они имели с самого начала своего существования важное оборонное значение. Ог-

ромный вклад, который внесли казенные предприятия в производство артиллерийских орудий, снарядов, ружей и другого военного снаряжения, по мнению автора, не мог вызывать сомнения (18). Частные заводы во время Отечественной войны 1812 г соглашались принимать заказы на изготовление военной продукции только по цене, значительно превышающей стоимость их аналогов на казенных заводах. Более того, большая часть заказанного была ими поставлена с большим опозданием и уже после окончания военных действий. При этом имел место высокий процент брака. В ходе Крымской войны, при размещении государственных заказов на частных заводах, была изготовлена лишь малая часть необходимого вооружения. Стоимость снарядов, произведенных на казенных предприятиях, даже с учетом дорогой доставки, обходилась в разы дешевле изделий частных заводов (19).

Подробно рассматривая доводы Безобразова, Котляревский вскрыл их непоследовательность и противоречивость. Логически несоместимыми он считал, с одной стороны, упреки казенным заводам в убыточности, а с другой стороны, обвинения в ведении коммерческого производства, конкурирующего с частными заводами. Он подчеркивал, что роль казенных заводов не может измеряться только их доходностью наподобие частных заводов (20).

Высказался Котляревский и против того порядка продажи, который предложил Безобразов. В казенном горнозаводском хозяйстве существовала система экономических связей, которую нельзя было разрушать чисто механическим способом. Эти связи, как подчеркивал автор, существовали не только внутри заводов и округов, но и между ними (21). Продажа одного из них, таким образом, сказывалась и на остальных. Котляревский, в частности, возражал против того, что Камско-Воткинский округ предназначался Безобразовым для продажи в последнюю очередь. Этот округ не был самостоятельным, он работал на чугуны Гороблагодатских и Вятских заводов. Учитывая, что товарного чугуна на Урале практически не существовало, следовало предположить, что продажа Гороблагодатских и Кирсинского завода прежде Воткинского парализовало бы его деятельность (22).

Котляревский не был согласен с мнением Безобразова о том, что вольный труд несовместим с казенным управлением. В отличие от своего оппонента Котляревский признавал принципиальную возможность существования крупной государственной промышленности на вольнонаемном труде и пытался доказать это примерами таковой успешной практики на ряде государственных заводов (23).

Опровергнув на основе статистических данных утверждения Безобразова, будто дела частных заводов после отмены крепостного права приняли «лучший оборот» (24), Котляревский предложил не торопиться

с полной приватизацией. Он полагал, что отдельные предприятия, оказавшиеся в собственности государства, не имеющие оборонного значения и убыточные, действительно следует продать. Все без исключения заводы, производящие пушки и снаряды, по его мнению, необходимо было сохранить в казне (25). С некоторым сокращением числа казенных заводов Котляревский связывал более полную загрузку правительственными заказами оставшихся. Удешевление их продукции он предлагал достичь за счет сокращения расходов на управление (26). Котляревский, соглашаясь с тем, что заводы в руках казны никогда не могли быть так выгодны, как если бы они были в частных руках. Вместе с тем указывал на то, что на государственные предприятия нельзя смотреть как на обычные коммерческие заведения, так как они имели важное оборонное значение с самого начала своего существования (27).

В то же время Котляревский признавал серьезную отсталость казенного сектора промышленности Урала, и, в первую очередь, в техническом плане. Потому первоочередным он считал получение достаточных финансовых средств для приведения оборудования государственных предприятий на должный уровень (28). Отсюда и возникали предложения, направленные на выработку мер для постепенного улучшения состояния горнозаводской промышленности края, ее технической базы, увеличения вложений в производство, создание благоприятной рыночной конъюнктуры и т.д.

Таким образом, мы видим, сколь широка оказалась критика отчета Безобразова о результатах исследования промышленности Урала со стороны специалистов. Авторы этих статей и публицистических произведений указывали на явное искажение фактов и необоснованность выводов исследователя. Каждый из его критиков попытался методично, с опорой на фактические данные, свой личный и исторический опыт, опровергнуть выдвинутые академиком тезисы. Тем не менее, заводы по несколько скорректированному и сокращенному списку были в итоге проданы. Вероятно, некоторое объяснение этого связано с тем фактом, что комиссия была организована по «высочайшему повелению» императора и взялась за изучение вопроса о состоянии казенной горной промышленности Урала уже после того, как Александр II 24 октября 1866 г. утвердил доклад министра финансов и государственного контролера с предложением о продаже. Можно предположить, что со стороны Безобразова была сделана не просто попытка объективно осветить положение казенных заводов, а обосновать уже принятое решение. Именно поэтому не столько сама проблема рентабельности казенных предприятий и вопрос об их приватизации вызвали столь активную негативную реакцию на отчет, и на характер и особенности самой работы и позиция автора.

Тем не менее, при обращении к данному труду некоторые советские и современные историки весьма высоко оценивали работу академика Безобразова (29), хотя в историографических обзорах по проблемам развития отечественной промышленности XVIII – начала XX вв. у ряда исследователей (30) все же прослеживается более критический взгляд на данное произведение. Авторы уличают Безобразова в «допущении ряда серьезных принципиальных ошибок» и в беспринципной «подгонке фактов» (31). И лишь в единичных работах (32) предпринимались попытки изучить истоки такой однозначной убежденности и предвзятости исследователя, разобраться в сопутствующих созданию труда исторических событиях и политической обстановке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных заводов // Русский вестник. 1868. Август. Т. 76. С. 301-324; Он же. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.
2. Путилова М.В. Развитие заводской техники на казенных заводах Екатеринбургского горного округа в 40–70-х годах XIX в. // Вопросы истории Урала. Сб. статей по истории промышленности и аграрных отношений на Урале. Вып. 6. Свердловск, 1965. С. 44-45; Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. М., 1973. С. 195; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 35; Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII-XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005; и др.
3. Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство ... С. 341.
4. Там же. С. 342.
5. Там же. С. 345-347.
6. Там же. С. 350.
7. Там же. С. 346-353.
8. Севастьянов Н. Что произойдет от отдачи Миасских золотых промыслов в частные руки: Будет ли в государстве более золота? Большую ли прибыль будет получать казна? // Горный журнал. 1872. № 10.
9. Севастьянов Н. Указ. соч. С. 113-117.
10. Там же. С. 121-123.
11. Материалы к вопросу о продаже заводов казны // Горный журнал. 1870. № 12.
12. Там же. С. 61-67.
13. Рожков В. И. Материалы по истории горного промысла в России // Горный журнал. 1882. №7.
14. Там же. С. 117.
15. Там же. С. 120.
16. Там же. С. 123-125.
17. Там же. С. 143.
18. Котляревский И.П. Заметки об уральском горном хозяйстве. СПб., 1870. С. 3-10, 19.
19. Там же. С. 23-27.
20. Там же. С. 31.
21. Там же. С. 34-35.
22. Там же. С. 37-38.
23. Там же. С. 38, 41-44.
24. Там же. С. 51.
25. Там же. С. 57.

26. Там же. С. 63.
27. Там же. С. 3-10, 19.
28. Там же. С. 28.
29. Путилова М.В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму (К проблеме промышленного переворота). Красноярск, 1986. С. 9.; Она же. К вопросу о проблемах развития казенной горнозаводской промышленности Урала в до-революционной и советской историографии // Промышленность и рабочий класс горнозаводского Урала в XVIII – начале XX вв. Свердловск, 1982. С. 44; Бельских И.Е. Особенности становления и развития крупной промышленности в России 18-начала 20 вв.: дисс... канд. экон. наук. Волгоград, 2006. С. 15.; Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Metallurgy of Urala s древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 29; и др.
30. Усанов В.И. Дворянская историография истории горнозаводских рабочих пореформенного Урала// Историография и источниковедение / Под ред. Шамес Е.Ф. Свердловск, 1976. С. 34; Усанов В.И., Свечников П.Г. Летописцы старого Урала: Монография. Челябинск, 1995. С. 63; Гаврилов С.В. Историография истории горнозаводского Урала первой половины XIX века (1800–1860 гг.): дисс. ...канд. ист. наук. Курган, 1999. С. 50-51; Подкинченко М.Г. В.П. Безобразов и Урал // Безобразов В.П. Избранные труды / Под ред. М.Г. Подкинченко, Е.Н. Колмычковой. М., 2001. С. 5-7; и др.
31. Усанов В.И. Указ. соч.
32. Железкин В.Г. Развитие казенной горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период (1861–1900 гг.): дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992; Он же. К проблеме продажи казенных заводов (Историография вопроса) // Промышленность и рабочий класс горнозаводского Урала в XVIII – начале XX вв.: Сб. статей. Свердловск, 1982; Он же. Казенные заводы Урала в экономической политике царского правительства в период домонополистического капитализма (1861–1900 гг.) // Вопросы экономической истории горнозаводской промышленности Урала периода капитализма (1861–1917 гг.). Препринт. Свердловск, 1989. С. 6-7.

Lyudmila V. Svetlova

Svetlova Lyudmila, applicant of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (908) 63-68-587. Электронная почта/E-mail: svetlovalv@yandex.ru.

Academician V. P. Bezobrazov's trip to the Urals in 1867: study of realities or government order?

The article examines the history of trip to the Urals of the commission headed by Academician Bezobrazov. The purpose of the commission was to present an analysis of efficiency of the Ural Mining sector. The result was a report of Bezobrazov published in 1868 in "Russian Journal". The author analyzes the cause of this report and the validity of the commission's findings.

Keywords: V. P. Bezobrazov, metallurgical industry of the Urals, I. P. Kotlyarevsky, engineer Sevastiyarov, privatization.

А.А. Орлов

Орлов Александр Анатольевич, доцент кафедры зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова (Россия, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д.16-18), доктор исторических наук, доцент.

Телефон/Phone: +7 (926) 355-69-76. Электронная почта/E-mail: arkigolkin@yandex.ru.

**ПРОФЕССОР ВАСИЛИЙ НИКИФОРОВИЧ АЛЕКСАНДРЕНКО:
РУССКАЯ ШКОЛА АНГЛОВЕДЕНИЯ В ВАРШАВСКОМ УНИ-
ВЕРСИТЕТЕ НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВВ.**

Статья посвящена описанию жизни и деятельности профессора Императорского Варшавского университета В. Н. Александренко (1861-1909). Он был выдающимся учёным своего времени, специалистом по истории Англии и англо-русским отношениям XVIII-XIX вв., знатоком британских и российских архивов, опытным и уважаемым преподавателем. Деятельность Александренко, опубликованные им книги и статьи позволяют назвать его создателем русской школы англоведения в Варшавском университете, существовавшей на рубеже XIX-XX вв. Вместе со своими учителями и коллегами из Петербургского и Московского университетов он занимался научными исследованиями, полезными и важными не только для России, но и для Англии. Результаты этой деятельности сказываются на отношениях двух стран вплоть до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: профессор В. Н. Александренко, Императорский Варшавский университет, русская школа англоведения Варшавского университета, англо-русские отношения XVIII-XIX вв., британские и российские архивы.

В 2009 г. исполнилось сто лет со дня смерти профессора кафедры международного права Императорского Варшавского университета В.Н. Александренко (1861–1909). Он был выдающимся учёным, специалистом по истории Англии и англо-русским отношениям XVIII–XIX вв., знатоком британских и российских архивов, опытным и уважаемым преподавателем. Тем не менее, за столетие, протекшее со времени ухода историка из жизни, не появилось ни одной работы о его деятельности (1). Виной тому, конечно, бурные события XX в., заставившие надолго

забыть этого замечательного человека. Но его научные труды всё это время пользовались широкой популярностью в среде англоведов и правоведов-международников. Поэтому сегодня стоит вспомнить и об их авторе.

Александренко родился 30 января* 1861 г. в г. Нежине, а затем учился в том же учебном заведении**, которое в 1828 г. закончил Н.В. Гоголь. В 1881 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Ещё будучи студентом, он в 1883 г. получил возможность работать в главных библиотеках Англии, Германии и Австро-Венгрии. После окончания учёбы в 1885 г. молодой учёный был оставлен профессором А.Д. Градовским*** при университете для продолжения образования. Выдержав через два года магистерский экзамен, он поехал в Лондон для работы в архивах. Здесь ему удалось поработать в библиотеках Британского музея и юридической коллегии Линкольн-Инн. Результатом этих занятий стал выдающийся труд «Английский тайный совет и его история» (2). (На экземпляре второй части первого тома этого труда, хранящемся в Отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки г. Москвы имеется дарственная надпись автора: «Многоуважаемому Сергею Андреевичу Муромцеву**** от автора». То, что Александренко в 1890 г. открыто подарил свою книгу опальному Муромцеву, свидетельствует о его оппозиционных, либерально-демократических настроениях.)

* Все даты даны по старому стилю.

** Лицей кн. А.А. Безбородко в Нежине (др. название – Нежинский лицей) был основан в 1820 г. До 1832 г. он назывался Гимназией высших наук кн. А.А. Безбородко и первоначально давал 9-летний курс образования. С 1832 г. преобразован в физико-математический лицей, состоявший только из 3-х высших классов, а с 1840 г. – в юридический, с 3-летним курсом обучения и преподаванием, прежде всего, практических юридических предметов (без теории права), а также истории, статистики, русской словесности и теории поэзии. С 1875 г. лицей был преобразован в Историко-филологический институт в Нежине. С 1920 г. он стал называться Педагогическим институтом, а в 1939 г. ему было присвоено имя Н.В. Гоголя.

*** А.Д. Градовский (1841–1889) – выдающийся русский юрист и публицист. Много лет был деятельным сотрудником газеты «Голос», журнала «Вестник Европы» и др. изданий. Полное собрание его сочинений в 8-ми томах вышло в свет в 1899–1900 гг.

**** С.А. Муромцев (1850–1910) – юрист и политический деятель, профессор Московского университета. В 1884 г. был вынужден оставить университет после введения нового устава. С 1905 г. вновь по избранию Совета университета занимал кафедру римского права. Был редактором «Юридического вестника» и председателем Московского юридического общества до их закрытия, затем присяжным поверенным в Москве. Один из учредителей Партии народной свободы (конституционно-демократической). В 1906 г. избран от Москвы в состав Первой Государственной думы, председателем которой он стал по единогласному решению депутатов. 10 июля 1906 г. подписал в Выборге протест против роспуска Думы, за что в декабре 1907 г. был приговорён к трём месяцам тюрьмы.

В некрологе, посвящённом памяти Александренко, его коллега по Варшавскому университету доцент Е.В. Спекторский писал: «Когда молодой автор с рекомендательными письмами проф[ессоров] М.М. Ковалевского и Виноградова^{*****} явился в архив тайного совета с целью заняться его историей, ему объявили, что целой человеческой жизни мало для того, чтобы справиться с массой материала. И, тем не менее, автору удалось в течение года подготовить первую часть первого тома своего исследования. Уже в нём он обнаружил качества незаурядного архивного исследователя. Огромная, бывшая ещё в то время непоколебимою учёность известного немецкого историка английских учреждений Гнейста^{*****} не только не ослепила его, но, напротив, казалась ему недостаточною. Особенно мало удовлетворяло его не слишком глубокое, по его мнению, знакомство Гнейста с сырыми, архивными, не напечатанными ещё материалами. И вот молодой учёный в своём первом крупном труде дерзает усомниться в непреложном авторитете Гнейста и показать, что он не только не сказал уже последнего слова, но кое в чём не сказал ещё и первого слова. В этом убеждении он расстаётся с его книгами и начинает самостоятельно исследовать залежи архивного материала» (3).

В 1888 г. по рекомендации профессоров В.И. Сергеевича и Ф.Ф. Мартенса^{*****} Александренко занял кафедру международного

***** М.М. Ковалевский (1851–1916) – юрист и социолог, профессор Московского (1877–1887 гг.), затем, после увольнения со службы по политическим причинам, Брюссельского и др. университетов. Один из учредителей в 1900 г. Высшей русской школы общественных наук в Париже. В 1905 г. вернулся в Россию, был одним из редакторов газеты «Страна», членом Первой Государственной думы от Харьковской губернии. К сессии Второй Государственной думы избран членом Государственного совета Российской империи от Петербургского университета. Профессор Петербургского политехникума и Петербургского университета. П.Г. Виноградов (1854–1925) – профессор Московского и Оксфордского университетов, специалист по истории европейского средневековья. Работал также в области сравнительно-исторического правоведения. После Октябрьской революции 1917 г. остался в Англии, принял британское подданство и был удостоен дворянского титула.

***** Г.Р. фон Гнейст (1816–1895) – немецкий юрист и политический деятель, с 1844 г. профессор Берлинского университета. Знарок конституционного права и истории местного самоуправления. В 1867–1884 гг. – член рейхстага от Национал-либеральной партии. Работы Гнейста были весьма популярны в Европе, в т.ч. и в России. См.: Свиридова Т.А. Европейские модели местного самоуправления в русской публицистике середины XIX – начала XX в. // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 152-165 (особенно раздел «Научный и общественный резонанс в России середины XIX – начала XX в. взгляда континентальной Европы на "идеальную" модель английского местного самоуправления») – С. 157-158).

***** В.И. Сергеевич (1832–1910) – историк русского права, профессор и ректор (1897–1899 гг.) Петербургского университета, с 1907 г. член Государственного совета Российской империи по назначению. Ф.Ф. Мартенс (1845–1909) – профессор международного права Петербургского университета, представитель России на многих международных конференциях и в заседаниях третейских судов. Прославился изданием многогомого «Собрания трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами»

права в Варшавском университете, на которой оставался до своей смерти. За это время он подготовил и защитил в Московском университете магистерскую и докторскую диссертации, став обладателем учёной степени доктора государственного права. Его магистерская диссертация была посвящена изучению политического строя англо-саксов. Затем последовал ряд подготовительных этюдов к труду по истории английского Тайного совета (4). Попутно Александренко опубликовал в разных изданиях, как российских, так и британских, целую серию статей, посвящённых истории английских университетов и органов местного самоуправления, жизни и деятельности первых русских студентов и дипломатов в Англии, а, с другой стороны, английских дипломатов в России XVIII в. (5)

После завершения работы о Тайном совете историк приступил к собранию и изучению донесений (реляций) российского посла в Лондоне в 1732–1738 гг. знаменитого писателя кн. А.Д. Кантемира. Эти документы были впоследствии изданы им в двух томах вместе с рядом статей и книгой, касающихся личности и дипломатической деятельности Кантемира (6).

Огромную работу по подготовке к печати реляций Кантемира Александренко совмещал с изучением истории отношений Англии и России, начиная со времени правления Петра I вплоть до конца царствования императора Павла I. Результатом этого изучения стала двухтомная работа «Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке» (7), которая была защищена автором как докторская диссертация. Данный труд не потерял своего значения до сегодняшнего дня. Его ценность заключается в масштабности и новаторстве исследования. В первом томе дана детальная картина деятельности российских дипломатов в Англии в течение столетия на фоне общего очерка англо-русских отношений (8). Изучено также сложное устройство российских внешнеполитических органов, существовавших в XVIII в. (9) Второй том публикации содержит в себе целый ряд новых для того времени архивных документов. Всё это предопределило непреходящую ценность данной работы. И в наше время ни один исследователь отношений двух стран в XVIII–XIX вв. не может обойтись без её помощи.

Напряжённость труда Александренко мы можем представить себе, если вспомним, что примерно в то же время он готовил к изданию

(Т. I–XV. СПб., 1875–1909). О Мартенсе и его научной деятельности см. следующие работы: Чиркова Е.А. «Собрание трактатов» Мартенса в оценке современников // Внешняя политика России и общественное мнение. Сб. научных трудов. М., 1988. С. 165–179; Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист // Вопросы истории, 1999, № 7. С. 141–147; Ковалёв А.А. 100 лет памяти. Ф.Ф. Мартенс – российский юрист и дипломат // Международная жизнь, 2009, № 7. С. 64–69.

обширное собрание международных договоров, заключённых Россией с иностранными державами в 1774–1906 гг. (10) Издание вышло за три года до смерти составителя и навсегда поставило его имя в один ряд с именем Мартенса.

Продолжением научных изысканий являлась педагогическая деятельность Александренко. О его преподавательской работе сохранилось следующее свидетельство Спекторского: «Как профессор, покойный неизменно был предан академической идее. Он привлекал к себе симпатии слушателей и учеников тем, что с искренним увлечением посвящал их во все подробности своих ближайших научных работ и замыслов. Так как он сам любил и умел работать, он любил и умел побуждать также и других к работе. Даже в последние дни своей жизни... он постоянно возвращался к своей работе. Он умирал тяжёлою, трагическою смертью человека, сознающего, что он умирает, учёного, сознающего, что ему не придётся осуществить своих лучших замыслов» (11).

Ранняя смерть от рака пищевода, последовавшая 18 июля 1909 г., прервала плодотворную многогранную деятельность Александренко (12). Подводя итоги жизни учёного, Спекторский отмечал, что он «стал одним из лучших русских знатоков» английского политического строя (13). Но не только это сделало его заметной фигурой в русской науке. «В лице покойного наука потеряла неумоимо и плодотворно работавшего юриста, государствоведа и в особенности историка, в особенности потому, что смерть застигла его на пороге его новых чисто исторических исследований. И это тем большая потеря, что покойный был прежде всего и по преимуществу историк, историк по призванию и притом историк-исследователь, умевший искать и находить, умевший обогащать науку. ... Аналитическая работа в области политической истории – такова была родная стихия В.Н. Александренко. Он обладал редкими качествами настоящего архивного исследователя. Такой исследователь, побуждаемый какою-то особою интуицией, особым инстинктом, уверенною рукою извлекает из тысячи архивных связей ту именно, в которой оказываются ценные акты. Такой исследователь, работая в Московском архиве, безошибочно определяет, что интересующий его документ должен храниться в архиве Кенигсберга или Бреславля, затем едет в эти города и действительно находит его там. С таким направлением ума покойного как нельзя лучше гармонировала пройденная им школа, а также та научная специальность, по которой он в течение 21 года занимал кафедру в Варшавском университете» (14), – писал автор некролога.

Профессор Александренко, насколько мне известно, не оставил после себя учеников. Но плоды деятельности учёного, опубликованные им книги и статьи (15), доступные нам сегодня, заставляют назвать его

создателем русской школы англоведения в Варшавском университете, существовавшей на рубеже XIX-XX вв. Вместе со своими учителями и старшими товарищами из Петербургского и Московского университетов он занимался научными исследованиями, полезными и важными не только для России, но и для Англии. Результаты этой деятельности скажутся на отношениях двух стран вплоть до сегодняшнего дня.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Единственной работой, посвящённой памяти В.Н. Александренко, была и остаётся статья доцента Варшавского университета Е.В. Спекторского, опубликованная вскоре после смерти учёного. См.: Спекторский Е.[В.] Памяти В.Н. Александренко // Варшавские университетские известия (далее – ВУИ), 1910, № III. С. 1-14. (Все следующие сноски будут делаться на неё.) Статья представляет собой публикацию речи, произнесённой автором 21 ноября 1909 г. в заседании юридического отделения Общества истории, филологии и права при Варшавском университете. Она была также опубликована отдельным изданием. См.: Спекторский Е.[В.] Памяти В.Н. Александренко. Варшава, 1910.
2. Александренко В.[Н.] Английский тайный совет и его история. Т. I. Ч. 1-2. Варшава – СПб., 1888-1890.
3. Спекторский Е.[В.] Указ. соч. С. 7.
4. Александренко В.[Н.] Порядок делопроизводства в английском тайном совете // ВУИ, 1889, № XII; Он же. Участие английского тайного совета в дипломатических отношениях Англии с Россией // Журнал Министерства Народного Просвещения (далее – ЖМНП). 1889. № 12.
5. Александренко В.[Н.] Из жизни русских студентов в Оксфорде в царствование Екатерины II // ЖМНП, 1893. Ч. CCLXXXV [285]. № 1. Отд. 2. С. 1-14; Он же. Английская печать и отношение к ней русских дипломатических агентов в XVIII столетии // Русская старина. 1895. Т. 84. № 10. С. 113-127; Он же. Император Павел I и англичане (Извлечение из донесений Витворта) // Русская старина. 1898. Т. 96. № 10. С. 93-106; Он же. Русская посольская церковь в Лондоне в XVIII веке // ВУИ. 1898. № V; Alexandrenko V.[N.] A Russian Ambassador in England in the Reign of George II // The Academy. 3 August 1889, № 900; Idem. The First Russian Students in England // The Academy. 7 December 1889. Vol. XXXVI. № 918; Idem. Peter the Great's Minister in England // Proceedings of the Anglo-Russian Literary Society. 1895. № 9. P. 38-41 и др.
6. Реляции кн. А.Д. Кантемира из Лондона / Сост. В.[Н.] Александренко. Т. I (1732–1733). М., 1892; Т. II (1734–1735). М., 1903; Александренко В.[Н.] Рескрипты, отправленные в 1732 г. из Государственной Коллегии Иностранных Дел русскому резиденту в Лондоне кн. А.Д. Кантемиру // ВУИ. 1892. № II; Он же. К биографии князя А.Д. Кантемира. Варшава, 1896.
7. Александренко В.[Н.] Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Т. I-II. Варшава, 1897.
8. Там же. Т. I. С. 1-88.
9. Там же. С. 459-537.
10. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами (1774–1906). С введением и примечаниями проф. В.Н. Александренко. Варшава, 1906.
11. Спекторский Е.[В.] Указ. соч. С. 6-7.
12. В последние годы жизни Александренко занялся изучением дипломатической истории Смутного времени начала XVII в. в России. По свидетельству Спекторского, он успел подготовить к печати эту работу, в которой использовал неизвестные документы из архи-

вов Кенигсберга и др. прусских городов. – Там же. С. 8-9. Но, насколько известно, труд не опубликован до сегодняшнего дня и его рукопись, вероятно, утеряна.

13. Там же. С. 7.

14. Там же. С. 2, 4.

15. Список работ Александренко, опубликованных с 1888 по 1909 гг., см.: Там же. С. 9-14.

Alexander A. Orlov

Orlov Alexander, associate professor of the Department of Foreign History of Sholokhov Moscow State University for Humanities (Russia, Moscow, Verhnaya Radishevskaya str., 16-18), Dr. of History, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (926) 355-69-76. Электронная почта/E-mail: arkigolkin@yandex.ru.

Professor Vasily Nikiforovich Aleksandrenko. Russian School of English Studies at Warsaw University at the turn of XIX-XX centuries.

The article describes the life and work of Professor Imperial University of Warsaw V.N. Aleksandrenko (1861-1909). He was an outstanding scholar of his time, an expert on the history of England and the Anglo-Russian relations XVIII-XIX centuries, connoisseur of British and Russian archives, experienced and respected teacher. Aleksandrenko activities, books and articles that he published, allow us to call him the founder of the Russian school of English Studies at Warsaw University that existed at the turn of the XIX-XX centuries. Together with their teachers and colleagues from St. Petersburg and Moscow universities, he engaged in scientific research, useful and important not only for Russia but also for England. The results of these activities affect the relations between the two countries until today.

Keywords: Professor V.N. Aleksandrenko Imperial University of Warsaw, Russian School of English Studies at Warsaw University, the Anglo-Russian relations XVIII-XIX centuries, British and Russian archives.

М.Г. Агапов

Агапов Михаил Геннадьевич, доцент кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета (625003, Россия, г. Тюмень, Семакова, 10), кандидат исторических наук, доцент.

Телефон/Phone: +7 (3452) 45-56-86. Электронная почта/E-mail: magapov74@gmail.com.

«БОРЬБА ЗА ДУШУ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА»: БИРОБИДЖАН VS. ПАЛЕСТИНА

Для СССР, и для «еврейского национального очага» в Палестине 1920–1930-е гг. были временем становления собственной государственности. При этом каждая из сторон выдвигала свой проект строительства «справедливого общества» и формирования посредством «передовых» социальных практик «нового человека». Успешное разрешение «извечного еврейского вопроса» должно было служить доказательством релевантности той идеологической парадигмы и, соответственно, эффективности построенной на ее основе социально-экономической и политической системы, в рамках которой «еврейский вопрос» был бы, наконец, снят с повестки. Уравнивание евреев в политических правах с другими народами СССР посредством предоставления им территориально-национальной автономии должно было, по замыслу партийно-советского руководства, обеспечить их интеграцию в «семью советских народов» и доказать, что справедливо «еврейский вопрос» может быть решен только в советском социалистическом государстве. Советские государственные и партийные лидеры пытались привлечь средства зарубежного еврейства для реализации советских планов решения «еврейского вопроса». В конце 1920-х–начале 1930-х гг. та «борьба за душу еврейского народа», о которой писал Черчилль, имея в виду выбор евреев между большевизмом и сионизмом, развернулась в полную силу.

Ключевые слова: СССР, Биробиджан, Палестина, евреи, сионизм.

Революция 1917 г. в России и окончание «Великой войны» ознаменовали начало «сотворения нового мира». Получившие широкое распространение в этой ситуации мессианские настроения в их либеральной, коммунистической и консервативной версиях порождали повышенное внимание к «еврейскому вопросу». Последний не являлся ключевым ни для одной из новых парадигм глобального развития, но, вместе с тем, его успешное решение должно было служить показателем эффективности той из них, в рамках которой «еврейский вопрос» был бы, наконец, снят с повестки дня. В 1920–1930-е гг. наиболее активно реализовывались две программы решения «еврейского вопроса» – советская и сионистская. Важно отметить, что и для СССР, и для «еврейского национального очага» в Палестине это было время становления

собственной государственности (в официальной израильской историографии «еврейский национальный очаг» в Палестине именуется «государством в пути»). При этом каждая из сторон выдвигала свой проект строительства «справедливого общества» и формирования посредством «передовых» социальных практик «нового человека».

Сионистская программа создания в Палестине «еврейского национального очага» происходила из ключевого тезиса националистической доктрины рубежа XIX–XX вв. об органической связи культурной (понимаемой как национальной) самобытности народа с его независимостью (понимаемой как государственной) (1). Она была выдвинута Первым конгрессом Сионистской организации (СО) в 1897 г. и поддержана правительством Великобритании в Декларации Бальфура 1917 г. Официально «еврейский национальный очаг» в Палестине был основан в 1922 г. в соответствии с решениями Верховного Совета стран Антанты, принятыми на конференции в Сан-Ремо в 1920 г. Его международно-правовой статус определялся Уставом Лиги Наций и Мандатом на Палестину, врученным Великобритании 24 июля 1922 г. (2) В Белой книге правительства Великобритании 1922 г., которая именуется как Меморандумом Черчилля, «еврейский национальный очаг» определялся как «сообщество, имеющее собственные политические органы для управления своими внутренними делами, [которое] с его политическими, религиозными и общественными институтами, собственным языком и собственными обычаями является, фактически, национальным» (3).

Враждебность к сионизму как к еврейскому националистическому движению вошла в канон российской социал-демократии еще в начале XX в. В 1903 г. В.И. Ленин назвал идею «об особом еврейском народе» совершенно несостоятельной в научном отношении и реакционной по своему политическому значению. Она реакционна, так как «противоречит интересам еврейского пролетариата, создавая в нем прямо и косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроение "гетто"» (4). «Распространение идеи еврейской "нации"» вело, с точки зрения лидера РСДРП, к расколу партии и общероссийского рабочего движения на основе националистической идеологии (5). Палестинский проект решения еврейского вопроса Ленин считал авантюрной и практически неосуществимой попыткой создания в Палестине «всемирного еврейского гетто». Решение еврейского вопроса в России связывалось социал-демократами с ассимиляцией евреев. На ее неизбежность в скором Времени указал И.В. Сталин в работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.). Процесс ассимиляции народов, если он не носил насильственного характера, Ленин считал прогрессивным явлением – «одним из важнейших двигателей, превращающих капитализм в социализм» (6). Хотя позиция Ленина в наибольшей степени воплощала главное на-

правление «решения» проблемы, он явно преувеличивал готовность и способность российского (и европейского) общества «принять» евреев (7). Во многом поэтому симпатии подавляющей части российского еврейства были отданы СО. Как отмечал израильский историк И. Маор, «хотя политический сионизм и возник как всемирная организация – как массовое движение он существовал только в России» (8). Практически вся первая (1881–1903), вторая (1904–1914) и третья (1919–1923) волны еврейской иммиграции в Палестину состояли из выходцев из России. Отток из Советской России под влиянием сионистской пропаганды трудоспособной молодежи заставил советское руководство уже в начале 1920-х гг. развернуть «негласную борьбу» с сионизмом, в результате которой массовое сионистское движение в СССР было подавлено (9). В то же время советское руководство прекрасно понимало, что разгром Российской СО не приведет сам по себе к искомому решению «еврейского вопроса».

В начале 1920-х гг. стало очевидно, что разрушение промышленности в период гражданской войны и социально-экономическая политика советского правительства подорвали экономическую основу существования еврейского населения в районах его традиционного проживания, следствием чего стала массовая пауперизация евреев Украины и Белоруссии (10). Единственным путем преодоления негативных последствий распада традиционной еврейской социально-экономической структуры была, как представлялось советскому правительству, «реконструкция социального состава еврейского населения СССР», под которой подразумевалась переориентация евреев на сельскохозяйственную деятельность (11). С этой целью 29 августа 1924 г. был учрежден особый Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ) при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР. К концу 1925 г. около 9 тыс. десятин земли Украины и Крыма было передано еврейскому населению. Однако очень скоро стало очевидно, что вследствие нехватки свободных земель и сопротивления местного населения от плана поселения евреев в южных сельскохозяйственных районах УССР и РСФСР придется отказаться. В этой ситуации советское руководство стало склоняться в пользу территориально-национального решения проблем еврейского населения страны, а именно – переселения больших масс еврейской бедноты на более или менее безлюдные территории для их сельскохозяйственного освоения. Эти новые районы компактного еврейского поселения должны были стать основой еврейской автономии. В 1926–1927 гг. активно обсуждались проекты создания таких районов на западных и южных территориях страны, в том числе так называемый Крымский проект. Последний (в западной прессе он по имени озвучившего его председателя ЦИК и по явной аналогии с декларацией

Бальфура именовался «декларацией Калинина»), несмотря на противодействия СО, получил в конце 1927 г. поддержку «Джойнта» и правительства США (12). Однако из-за опасения вызвать рост антисемитизма среди местного населения Крымский проект был постепенно свернут.

В апреле 1928 г. решением Президиума ЦИК в качестве территории будущей еврейской автономии был назван «Бирско-Биджанский район» (13). Идея решения проблем еврейского населения БССР и УССР посредством создания еврейского территориально-национального района на Дальнем Востоке исходила от Народного комиссариата земледелия и Академии сельскохозяйственных наук. Ее активно поддерживал Наркомат обороны. Очевидно именно военно-стратегические расчеты, связанные с обеспечением безопасности дальневосточных рубежей СССР, сыграли решающую роль в выборе «Бирско-Биджанского района» в качестве территории будущей еврейской автономии. Главной целью создания еврейской автономии в Биробиджане, по свидетельству П.А. Судоплатова, было «усиление пограничного режима на Дальнем Востоке». Необходимость укрепления границы диктовалась потенциальной опасностью со стороны Китая, проявившейся во время конфликта на КВЖД в 1928 г. Кроме того, с правого берега Амура, на территорию Дальневосточного края СССР периодически вторгались карательные экспедиции переселившихся в Маньчжурию амурских казаков. Идея обустройства Биробиджана заключалась в том, чтобы «путем создания там своего рода заслона поставить преграду на их [китайских и белогвардейских террористических групп] пути в виде поселений, жители которых настроены враждебно к белоэмигрантам, и особенно к казачеству» (14).

С другой стороны, предоставление евреям территориальной автономии должно было уравнивать их в национальных правах с другими народами СССР. Говоря об этом в июле 1926 г. Калинин подчеркнул, что «лишь евреи, расплывшиеся среди других национальностей, не могли получить себе территориальную автономию, хотя их общая численность от 2,5 до 3 миллионов человек в Союзе и дает им право на автономию... лишь одна еврейская нация у нас не имеет собственного правительства» (15). Уравнивание евреев в политических правах с другими народами СССР посредством предоставления им территориально-национальной автономии должно было обеспечить их интеграцию в «семью советских народов» и доказать, что справедливо еврейский вопрос может быть решен только в советском социалистическом государстве (16). Свой проект решения еврейского вопроса советское руководство целенаправленно противопоставляло сионистскому. «Советский Союз должен стать родиной для еврейских масс – в десять раз более подлинной родиной, чем любая буржуазная Палестина», – говорил М.И. Калинин деле-

гатам первого съезда ОЗЕТа 17 ноября 1926 г. (17). «Создание еврейской области в Биробиджане, – заявлял один из руководителей КОМЗЕТа А. Чемериский, – явится самым тяжелым ударом по сионистской и религиозной идеологии» (18). Соперничество между Москвой и международным сионистским движением, которое У. Черчилль еще в 1920 г. назвал «борьбой за душу еврейского народа» (19), было тесно связано с решением каждой стороной стоящих перед ней конкретных практических проблем. Иначе говоря, Москва и СО вступили в конкурентную борьбу за привлечение еврейских масс и иностранных капиталов для реализации своих проектов решения еврейского вопроса.

В 1920-х – 1930-х гг. в СССР велась активная антисионистская пропаганда. В ней можно выделить три основных направления. Во-первых, это критика сионизма как идеологии и политической доктрины. На страницах советской печати сионизм назывался «идеалистическим национальным движением» (20). Большое внимание уделялось «вскрытию» классовой сущности сионизма. По мнению заместителя наркома по делам национальностей Бройдо, основой сионизма было «классовое отчаяние еврейской буржуазии, выбитой мощными конкурентами – великорусским, польским, американским и др. капиталом из всех или главных экономических позиций» (21). Главными опорами сионистского движения считались «английский империализм» и «еврейские финансовые круги, для которых Палестина является местом выгодного помещения капиталов» (22). Исходя из этого, сионизм определялся как «союзник британского империализма» и проводник «капиталистической колонизации Палестины». Часто говорилось о банкротстве сионизма. С середины 1920-х гг., а с рубежа 1920-х – 1930-х гг. – практически постоянно, в отношении сионистов, точно так же как и в отношении европейской социал-демократии, стал употребляться термин «фашисты» или «социал-фашисты» (23).

Во-вторых, с явным расчетом добиться снижения количества выезжающих из СССР в Палестину евреев, советские газеты писали о бедах, ожидающих эмигрантов в «земле обетованной». В Палестине, по сообщениям советской печати, отмечалась «небывалая эксплуатация рабочих» и «совершенно небывалое явление для еврейской иммиграции – сильный рост проституции» (24). Подчеркивалось, что никто не обеспечит иммигрантам в Палестине элементарную безопасность – ни «английская администрация, величественно умывающая руки... боясь оттолкнуть от себя арабов» (25), ни сионистские лидеры, «боящиеся испортить и без того ухудшившиеся отношения с Англией» (26). Особо отмечалась обратная эмиграция евреев из Палестины в Советский Союз (27).

В-третьих, важной частью антисюнистской пропаганды было противопоставление положительных результатов политики советского правительства в деле улучшения положения евреев в СССР «провалам» сионистов. Примечательна в этой связи критика на страницах советской печати «пролетарского сионизма». В посвященных ему статьях подчеркивалось отсутствие у «пролетарского сионизма» массовой поддержки со стороны «настоящих работников-земледельцев» и «настоящих пролетариев». Исходя из этого, делался вывод, что подлинных трудящихся масс у сионистов в Палестине либо нет, либо таковые имелись, но сейчас они отходят от сионизма. Советские проекты обустройства еврейского населения СССР противопоставлялись сионистскому плану решения еврейского вопроса. Так, «крымский проект» ЦИКа СССР был назван «самым кислым фруктом, поднесенным конгрессу [сионистов в Вене 1925 г.]». С началом реализации на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Биробиджанского проекта советская печать постоянно подчеркивала, что Англия никогда не пойдет на создание еврейской государственности в Палестине (28).

К середине 1930-х гг. Еврейская автономная область (ЕАО) стала рассматриваться советским руководством как некий прообраз решения еврейского вопроса для евреев не только СССР, но и других стран. В прессе постоянно отмечалось переселение в Биробиджан евреев из Германии, Франции, Литвы, США, Аргентины, в том числе – это подчеркивалось особо – и из Палестины. В мае 1934 г. на встрече с еврейскими писателями М.И. Калинин заявил: «Вы спрашиваете, почему была образована автономная область? Причина заключается в том, что у нас 3 млн евреев, и у них нет собственной государственности. Создание автономной области является единственным средством нормального развития этой национальности...». И далее: «Через 10 лет Биробиджан станет важнейшим хранителем еврейской национальной культуры, и те, кому она дорога, должны связать свою судьбу с Биробиджаном... Мы уже считаем Биробиджан еврейским национальным государством» (29). Таким образом, советское правительство фактически объявило о создании на территории СССР в скором будущем еврейского государственного образования. В ноябре 1936 г. «Известия» опубликовали выступление председателя Дальневосточного крайисполкома Крутова: «...ЕАО, эта новая родина трудящихся евреев всего мира...» (30). Таким образом, социалистический Биробиджан с предельной ясностью был противопоставлен «буржуазной Палестине».

Основная работа по освоению Биробиджана и пропаганде переселения туда трудящихся евреев была возложена на Государственный комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ) при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР. Интересно, что хотя

пропаганда среди советских евреев в пользу переселения в Биробиджан постоянно сопровождалась осуждением палестинского проекта сионистов, руководители КОМЗЕТа – бывшие сионисты-социалисты (Мережин, Чемериский, Литваков) – сами использовали традиционные сионистские лозунги: «К еврейскому государству!», «Если вы это пожелаете – это будет». Думается, что тем самым бывшие левые сионисты хотели не только связать свою нынешнюю деятельность с борьбой прошлых лет, но и добиться признания в глазах той части еврейского населения страны, среди которой вплоть до конца 1930-х гг. были сильны сионистские или просионистские настроения. Однако «борьба за душу еврейского народа» была не единственной линией напряжения между советским руководством и СО. Во второй половине 1920-х гг. перед советским правительством стояла задача выхода из дипломатической изоляции и организации притока в страну необходимых для проведения индустриализации зарубежных инвестиций. Решение проблем еврейского населения СССР должно было способствовать выполнению обеих задач.

Обеспечение моральной и материальной поддержки Биробиджанского проекта за рубежом, а также агитация среди евреев других стран за переезд в СССР были поручены ОЗЕТу при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР. Тот факт, что в руководство ОЗЕТа были введены нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, его заместитель М.М. Литвинов и нарком внешней торговли Л.Б. Красин – ведущие советские дипломаты того времени – указывает на огромное значение, которое советское руководство придавало внешнеполитическому аспекту Биробиджанского проекта (31).

Палестинский проект сионистов опирался на значительную финансовую поддержку международных еврейских организаций (Американский еврейский конгресс, Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов (Джойнт), Агро-Джойнт, Еврейское колонизационное общество и др.) и отдельных, сочувствующих ему представителей крупного бизнеса (32). Руководители ОЗЕТа стремились перенаправить часть денежных средств, идущих в Палестину, на решение внутренних проблем СССР, в первую очередь – социально-экономических проблем советского еврейства.

В начале 1930-х гг. ОЗЕТу удалось заручиться моральной и материальной поддержкой Американского общества еврейской колонизации в СССР, Американского комитета по поселению иностранных евреев в Биробиджане (Амбиджан) и некоторых других еврейских организаций Канады, Западной Европы и Южной Америки. Содействие этих организаций Москве в немалой степени было обусловлено усилением в начале 1930-х гг. антиеврейских тенденций в политике стран Центральной и Восточной Европы (Германии, Польши, Венгрии). В частности, услови-

ем иностранных капиталовложений в Биробиджан было разрешение советскими властями переселения туда еврейских беженцев из Германии, последовавшее 28 апреля 1935 г. Москва, в свою очередь, ожидала помощи от иностранных партнеров не только в обустройстве Биробиджанского района, но и в организации давления на правительство США с целью улучшения его отношения к СССР.

В конце 1935 г. численность еврейского населения Биробиджана достигла 14 000 человек (23% от всего населения ЕАО). Два года спустя Л. Фейхтвангер заявил: «Теперь уже никто не может отрицать, что наиболее трудная часть работы завершена, и утопия стала реальностью: еврейская социалистическая республика Биробиджан существует» (33). Однако заявление известного писателя и более ранние прогнозы Калинина относительно создания на территории СССР еврейской государственности были дезавуированы в ноябре 1936 г. в речи Сталина «О проекте Конституции СССР». В ней были названы три условия, необходимые для преобразования автономной области в республику: «во-первых, чтобы республика была окраинной, не окруженной со всех сторон территорией СССР... чтобы национальность, давшая свое имя советской республике, представляла в республике более или менее компактное большинство... в-третьих, чтобы республика была не очень маленькой в смысле количества ее населения, скажем, не меньше, а больше хотя бы миллиона». Ни одному из этих требований (за исключением, и то, лишь от части, первого) ЕАО не соответствовала. В конце 1930-х гг. переселенческий поток евреев в ЕАО фактически прекратился (34). Перспектива переезда в Биробиджан, несмотря на предоставляемые переселенцам льготы и увещевания активистов ОЗЕТА, для большинства советских евреев не казалась заманчивой.

Итак, в 1920-е – 1930-е гг. Москва искала пути решения «извечного» еврейского вопроса, альтернативные палестинскому проекту сионистов. В середине 1920-х гг. советское руководство взяло за основу решения проблем еврейского населения страны территориально-национальный принцип, предполагавший переселение больших масс еврейской бедноты на малонаселенные территории для их сельскохозяйственного освоения. Свой (биробиджанский) проект решения еврейского вопроса советское руководство целенаправленно противопоставляло сионистскому (палестинскому) проекту. В этой связи между Москвой и СО развернулась острая конкурентная борьба за привлечение еврейских масс и иностранных капиталов для реализации своих проектов решения еврейского вопроса. Советскому руководству удалось заручиться моральной и материальной поддержкой Американского общества еврейской колонизации в СССР, Американского комитета по поселению иностранных евреев в Биробиджане (Амбиджан) и некоторых дру-

гих еврейских организаций Канады, Западной Европы и Южной Америки. Противостояние сионизму и его палестинскому проекту в этой связи было актуальным для советского руководства вплоть до конца 1930-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 146.
2. *The origins and evolution of the Palestine problem 1917–1988*. N.Y., 1990. Part 1. 1917–1947. P. 86.
3. *British White Paper of June 1922* // Режим доступа: <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/brwh1922.htm>
4. Ленин В.И. Положение Бунда в партии // *Полн. собр. соч.* Т. 8. С. 74–75.
5. Ленин В.И. Максимум беззастенчивости и минимум логики // Там же. С. 28.
6. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Там же. Т. 24. С. 125.
7. Краус Т. Ленин и евреи // *Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв.* СПб., 2009. С. 319.
8. Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977. С. 69.
9. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001. С. 86; Симонова А. Сионистское движение в Советской России в 20-е гг. // *Российский сионизм: история и культура*. М., 2002. С. 278–287; Крапивин М.Ю. Российская сионистская организация и советское государство в первые послереволюционные годы (1918–1920 гг.) // *Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории. Материалы Всероссийской научной конференции 12–13 ноября 2007 г.* СПб., 2008. С. 134–149.
10. «Объективно создавшаяся экономическая катастрофа». Еврейские местечки в 1920-х годах // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1995. № 1 (8). С. 212–216.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 151. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.
12. Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1308. Л. 42 – 43 об. См.: Хенкин Е. О роли «Джойнта» в оказании помощи России и Украине в 1921–1923 гг. // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1993. № 4. С. 89–98; Иоффе Э. Г., Мельцер Б. А. Джойнт в Беларуси. Минск., 1999.
13. РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 162. Л. 118.
14. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 гг. М., 1998. С. 462.
15. Калинин М. И. Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым // *Известия*. 1926. 11 июля.
16. РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 162. Л. 118.
17. Калинин М. И. Евреи-земледельцы в союзе народов СССР: Речь на съезде ОЗЕТ в Москве 17 ноября 1926 г. М., 1927.
18. Чемериский А. Биробиджан – великий проект // *Октябрь*. 30 марта 1928. С. 1.
19. Churchill. W. *Zionism versus Bolshevism: A Struggle for the Soul of the Jewish People* // *Illustrated Sunday Herald*. February 8. 1920. P. 5
20. Дрезен Э. Сионистский конгресс в Вене // *Известия*. 1925. 11 сентября. Ср.: Штейнберг Е. Кризис английской политики в Палестине // *Известия*. 1925. 9 апреля.
21. Бройдо Г. И. Национальный и колониальный вопрос. М., 1924.
22. Штейнберг Е. Кризис английской политики в Палестине // *Известия*. 1925. 9 апреля.
23. См. напр.: Долой белый террор в Палестине // *Правда*. 14 февраля 1925 г. С. 3; Борьба арабов в Палестине // *Известия*. 1933. 3 ноября.
24. Палестина под крылышком английского империализма // *Правда*. 1926. 7 июля.
25. Штейнберг Е. Указ. соч.
26. Сионисты в конфликте с Англией // *Известия*. 1930. 29 октября.

27. В Палестину // Правда. 1923. 28 сентября; Штейнберг Е. Указ. соч. Количество эмигрантов в Палестину падает // Правда. 1926. 13 февраля. Ср.: «Конец двадцатых годов был тяжелым... для всей еврейской Палестины... Из 13000 евреев, приехавших в Палестину в 1926 году, уехало больше половины; в 1927-м, впервые за все время, эмиграция из страны была выше иммиграции. Одни эмигранты уехали в Соединенные Штаты, другие – в разные части Британской империи. Была группа, включавшая в себя членов "Глуд ха-Авода", "Рабочего батальона"... которая по идеологическим причинам отправилась в Россию; многих из этой группы, по тем же "идеологическим" причинам, сослали в Сибирь или расстреляли». (Меир Голда. Моя жизнь. Чикмент, 1997. С. 127).
28. Урок сионистам // Известия. 1930. 13 июня; Сионисты в конфликте с Англией // Известия. 1930. 29 октября.
29. Цит. по: Абрамский Ш. Биробиджанский проект // Евреи в Советской России (1917–1967). Иерусалим, 1975. С. 119.
30. Известия. 1936. 10 ноября.
31. Диманштейн С. М. Еврейская автономная область – детище Октябрьской революции. М., 1934. С. 3.
32. РГАСПИ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 459. Л. 122.
33. Цит. по: Недава И. Вечный комиссар. М., 1991. С. 175.
34. «Усилить переселение трудящихся евреев» // Источник. 1997. № 6. С. 94.

Michail G. Agapov

Agapov Michail, associate professor of the Department of Modern History and International Relations of Tyumen State University (625003, Russia, Tyumen, Semakova str., 10).

Телефон/Phone: +7 (3452) 45-56-86. Электронная почта/E-mail: magapov74@gmail.com.

The “struggle for the Jewish soul”: Birobidzhan vs. Palestine

The period of 1920-1930s was the time of state formation both for the USSR and the Jewish national home in Palestine. Each of them proposed its own project of building a “fair society” and forming a “new human” through “cutting-edge” social practice. A successful solution to the centuries old “Jewish question” had to prove the relevance of the ideological paradigm and the efficiency of the socio-economic and political system based upon it that finally removed the “Jewish question” from the agenda. In order to prove that the “Jewish question” could be solved justly only in a soviet socialist state, the Soviet government intended to secure integration of Jews in the “family of Soviet peoples” through providing the Jewish people with a national autonomy and thus giving them equal rights with other ethnic groups of the USSR. Soviet state and party leaders considered the main condition to putting these plans into life to be investments from foreign, uppermost Jewish, funds. In the late 1920s – early 1930s the “struggle for the Jewish soul”, as Church-

ill wrote meaning the Jewish people's choice between Zionism and Bolshivism, spread in full force.

Keywords: USSR, Birobidzhan, Palestine, Jews, Zionism.

Э.А. Замов

Замов Эдуард Александрович, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); кандидат исторических наук, доцент.

Телефон/Phone: +7 (343) 350-28-34. Электронная почта/E-mail: ZamovEA@yandex.ru.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ БЕНИТО МУССОЛИНИ

Статья посвящена анализу философии истории Бенито Муссолини. Автор анализирует филиацию идей, оказавших влияние на философию истории Муссолини. Он определяет социальные силы, которые поддерживали фашистскую идею.

Ключевые слова: фашизм, Италия, теория истории.

Бенито Муссолини принадлежит к числу наиболее известных «антигероев» всемирной истории. Он справедливо вошел в историю как тоталитарный диктатор, бывший с 20-х гг. своеобразным маяком для всех авторитарных и тоталитарных лидеров, как неудачливый полководец, с трудом выигравший войну с Эфиопией и проигравший Вторую мировую войну. В то же время он не приобрел в массовом сознании итальянцев облик классического «злодея», подобно А. Гитлеру и И. Сталину. Достоинно замечания, что почти все экономические структуры, созданные фашистским режимом (за исключением корпораций) действуют и поныне. Некоторые из них (например, Национальная лига кооперативов) даже попали под патронат Итальянской коммунистической партии. Между тем взгляды Муссолини на проблемы исторического развития до сих пор не получили достаточного освещения, несмотря на то, что они вполне ясно изложены в его речах.

2 апреля 1923 г. в Милане Муссолини сказал: «Я все время думаю о могучем жизненном ферменте, который оживляет новую генерацию итальянского племени. Вы, несомненно, много размышляли о том, что можно было назвать чудом истории рода человеческого: без всякой ри-

торики можно сказать, что народ итальянский есть бессмертный народ, который сейчас обретает свою весну надежд, страсти и величия. Вспомним, что почти две тысячи лет Рим был центром империи, которая не имела границ, разве что крайних границ в пустыне, что Рим дал цивилизацию, великую правовую цивилизацию, прочную, как все его монументы, всему миру...» (1). Муссолини ориентируется на Римскую империю, которую считает своеобразным «золотым веком» Италии, а Возрождение для него стоит на втором месте.

Муссолини является единомышленником Дж. Вико (2), рассматривавшего историю как поступательное циклическое саморазвитие наций, и О. Шпенглера (3), для которого история состояла в саморазвитии многих не связанных друг с другом культур. Муссолини не является рационалистом, Р. Декарт (4) явно не его учитель.

Для Муссолини история – это непознаваемое чудо, творимое самим человеком: «Мы любим устремлять нашу гордую волю к будущему. Эта итальянская молодежь колюча, бесстрашна, беспокойна, но сильна, и в этом несомненная гарантия того, что Италия движется к будущему свободы, процветания и величия. Соединимся в этом видении; склоним все наши нервы и всю нашу страсть к этому будущему, которого мы ожидаем и о котором кричим с религиозным пылом» (5). Выше он говорит: «Мы должны хотеть, сильно хотеть! Лишь с этой силой воли мы сможем преодолеть любое препятствие. Мы должны быть готовы к любым жертвам» (6).

3 января 1925 г. Муссолини выступил в палате депутатов. Он отметил: «...итальянская ЧК пока еще не существует... Если я создам ЧК, я создам ее, следуя тому факту, что насилие не может быть изгнано из истории. Я говорил, и это помнят те, кто за мной следовал в течение пяти лет жестокой борьбы, что насилие, чтобы достичь своей цели, должно быть хирургическим, интеллигентным, благородным» (7). Кроме очевидной связи с марксистским пониманием насилия как «повивальной бабки истории», заметно, что государство, которое проектировал Муссолини, все же пыталось создать для себя некие правила игры с гражданином. Муссолини явно не желал, чтобы государственная машина вышла из-под его контроля.

2 апреля 1925 г. Муссолини отмечал в речи, произнесенной в Сенате: «Все войны объясняются исторически, но тот факт, что война преследует человеческое общество от Каина до наших дней, не объяснен, и, может быть, как и другие феномены, необъясним» (8). Это проявление позитивистского агностицизма. О подготовке страны к войне Муссолини говорит: «Вооруженная нация? Это противоречие. Я бы не хотел, чтобы вооруженная нация во время мира превратилась в разоруженную нацию во время войны. Не стоит верить в то, что случилось в Швейца-

рии с ее особой географией и особой дипломатической ситуацией, сможет получиться и в Италии. Вооруженная швейцарская нация имеет вековые традиции. Не стоит бросаться в авантюрные эксперименты. Вооруженная нация в мирное время должна пониматься как вооруженная лишь духовно, она не может быть постоянной армией» (9). Милитаризм Муссолини носит умеренный и моральный характер. Далее он задает вопрос: «Что было бы идеалом? Идеалом было бы иметь много кадров, много войск, много машин. Но здесь мы входим в сферу финансов; финансов, из состояния которых мы должны исходить, ибо если финансы здоровы и прочны, найдутся необходимые миллионы, но если финансы рухнут, рухнет все» (10). Ниже Муссолини указывает: «Мы должны стремиться к качеству, но также и к количеству» (11). Далее, вступая в явное противоречие с ранее произнесенным, он утверждает: «...можем ли мы экономить на кадрах? Нет. Кадры – это скелет армии, они должны хорошо содержаться и иметь необходимую подготовку. Должны ли мы экономить на материалах, снабжении и машинах? Нет. Опыт войны это доказал» (12). Видение истории у Муссолини противоречиво. С одной стороны, он рассматривает историю как объективный естественный процесс, с другой – объявляет человеческую волю непобедимой и все преодолевающей.

4 ноября 1925 г. Муссолини произнес речь в Риме: «Какие причины толкнули Италию к вмешательству в мировую войну? Были люди, поддержавшие войну во имя идеалов свободы, гуманитарной идеи и справедливости; другие желали вернуть родину к ее границам, и было третье течение, желавшее войны не во имя далеких целей или территориальных претензий, но просто желавшее вывести нацию из состояния моральной пустоты» (13). Муссолини выступает здесь как идеалист, сводящий действия людей не к реализации интересов, а к реализации морального настроения. Далее он утверждает: «Я не спорю и не ставлю под сомнение патриотизм тех, кто в демо-либеральном режиме стремился к войне. Патриотизм – без вопросов. Но демо-либерализм является страницей достаточно печальной; мы не должны забывать его. Когда жизнь Нации поставлена на карту, не существует более прав индивидов; существуют лишь права народа, который должен быть спасен любой ценой» (14). Данные слова не являются, строго говоря, тоталитарным принципом; они порождены самой европейской правовой культурой. Принцип «общественное выше частного» не выдуман Гитлером или Муссолини, это европейская правовая традиция, заложенная еще Древним Римом. Даже в наше время европейские конституции четко фиксируют чрезвычайные обстоятельства, при которых права человека ограничиваются в пользу государства.

В этой же речи Муссолини говорит: «Взглянем одним глазом на голубя мира, который летает над отдаленными горизонтами, но посмотрим и другим глазом на конкретные потребности жизни, на историю, которая не может быть втиснута ни в какой трактат, на историю, которая демонстрирует рождение, рост и упадок индивидуумов и народов, историю, которая создает роковую эквилибристику. Надеемся, что завтрашняя история изберет путь отличный от сегодняшних реалий, но в ожидании этого чуда мы должны закалиться, мы должны иметь сильную армию, значительный флот, авиацию, которая господствует в небесах, и, прежде всего дух, который все классы общества располагает к самопожертвованию» (15). Такой взгляд на предопределенность истории роднит взгляды Муссолини с кальвинизмом.

19 сентября 1932 г. Муссолини заявил: «...война есть единственная и высшая проверка добродетели порядков, а также физической и моральной крепости людей... (16). Мистицизм Муссолини проявляется и в том, что он определяет неизбежность военной победы или поражения «спонтанными, чудесными и мистическими движениями, лежащими в основе народного сознания» (17). Муссолини в данном случае выступает как позитивист-агностик. Однако он тут же повторяет Г. В. Ф. Гегеля: «История учит людей только тому, что ничему не учит» (18).

Вера в чудесные силы народного сознания, продемонстрированная Муссолини, напоминает веру В.И. Ленина в «самую чудесную на свете силу – силу рабочих и крестьян». 25 октября 1932 г. в Милане дуче провозгласил: «Мы в состоянии ставить любые задачи и решать их» (19). Далее Муссолини заявил: «В течение ближайших десяти лет, не боясь прослыть пророком, скажу: Европа будет изменена. Она полна несправедливостей. Также против нас и прежде всего против нас» (20).

Объявляя войну Эфиопии, Муссолини сказал: «В течение многих месяцев колесо судьбы, согласно импульсу нашей спокойной решимости, движется к цели: в настоящее время его скорость все быстрее и его не остановить! Но это не только армия, которая движется сообразно своим целям, но это и народ в 44 миллиона душ, против которого пытаются совершить черную несправедливость: отнять у него еще немного места под солнцем» (21). Апелляции Муссолини к судьбе созвучны взглядам античных историков, которые (например, Геродот и Полибий) ставили судьбу даже выше богов.

Философия истории Муссолини носила эклектический характер. Тем не менее он всегда был агностиком, разочарованным в рационализме. Его мировоззрение основывалось на иррационализме, проистекавшем из всеобщего морального разочарования, вызванного Первой мировой войной, и из неожиданных экономических успехов фашистского режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Mussolini B. Discorso del 2 aprile 1923. Milano // Режим доступа: <http://www.dittatori.it>.
2. Дж. Вико (1668–1774) – крупнейший итальянский философ эпохи Просвещения.
3. О. Шпенглер (1880–1936) – немецкий философ и историк, представитель философии жизни.
4. Р. Декарт (1596–1650) – французский математик, философ и физиолог.
5. Ibidem.
6. Ibidem.
7. Mussolini B. Discorso del 3 gennaio 1925. Instaurazione della dittatura // Режим доступа: <http://www.dittatori.it>.
8. Mussolini B. Discorso del 2 aprile 1925 // Режим доступа: <http://www.dittatori.it>.
9. Ibidem.
10. Ibidem.
11. Ibidem.
12. Ibidem.
13. Mussolini B. Discorso del 4 novembre 1925. Anniversario della Vittoria // Режим доступа: <http://www.dittatori.it>.
14. Ibidem.
15. Ibidem.
16. Mussolini B. Discorso del 19 settembre 1932. Monumento al Bersagliere // Режим доступа: <http://www.dittatori.it>.
17. Ibidem.
18. Ibidem.
19. Mussolini B. Discorso del 25 ottobre 1932. Milano // Режим доступа: <http://www.dittatori.it>.
20. Ibidem.
21. Mussolini B. Discorso del 26 ottobre 1935 // Режим доступа: <http://www.dittatori.it>.

Eduard A. Zamov

Zamov Eduard, associate professor of the Department of Oriental Studies of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620000, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 350-28-34. Электронная почта/E-mail: ZamovEA@yandex.ru.

The philosophy of history of Benito Mussolini

The article is devoted to the analysis of philosophy of history of Benito Mussolini. The author analyses the origin of ideas, which influenced at the formation of the historical views of Mussolini. He defines the social forces, which supported the fascist idea.

Keywords: fascism, Italy, theory of history.

И.В. Грибан

Грибан Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Уральского государственного педагогического университета, директор Музея истории УрГПУ (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-81. Электронная почта/E-mail: gribanirina@gmail.com.

**«ЗАБЫТЬ? ВСПОМИНАТЬ? ПОМНИТЬ!»:
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНЫХ
УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ ФРГ**

В статье рассматривается проблема изучения истории Второй мировой войны в школах Германии. Проанализирован материал четырех учебных пособий для различных ступеней обучения и типов образовательных учреждений, используемых в школах земли Баден-Вюртемберг Федеративной Республики Германия.

Ключевые слова: Вторая мировая война, пакт Молотова-Риббентропа, «преодоление прошлого», национал-социализм, холокост.

На форуме «Петербургский диалог», проходившем в Екатеринбурге 13–15 июля 2010 г. и посвященном теме «Российское и германское общества в следующем десятилетии», Федеральным канцлером ФРГ А. Меркель и Президентом России Д.А. Медведевым была высказана идея о разработке общего (российско-немецкого) учебника по истории (1). Планируется, что такой учебник будет написан к 2012 г. (2). В связи с этим вызывает безусловный интерес проблема освещения самого драматичного и спорного в истории Германии и России периода – Второй мировой войны – на страницах современных школьных учебников ФРГ.

Необходимо отметить, что в каждой из 16 земель ФРГ действует свой собственный закон об образовании, вследствие чего возникают различия как в содержании, так и в методиках обучения. Согласно принятой в Германии системе, общее образование делится на ступени (Schulstufen), а именно: Primarstufe – начальная, или первая ступень; Sekundarstufe I – средняя ступень; Sekundarstufe II – старшая ступень. Первой ступени отвечает начальная школа (Grundschule), вторая ступень включает в себя либо основную школу (Hauptschule), либо реальную школу (Realschule), либо гимназию (Gymnasium). В настоящее время в ряде федеральных земель реализуется реформа образования, цель

которой – изменить существующую систему трех типов школ. Так, в Баден-Вюртемберге осуществляется постепенный переход от основной школы (Hauptschule) к профориентированной школе (Werkrealschule) (3).

Для анализа нами были выбраны 4 пособия для различных ступеней обучения и типов образовательных учреждений, используемых в школах земли Баден-Вюртемберг Федеративной Республики Германия:

- 1) Время истории: учебное пособие для учащихся 9 класса гимназий (4);
- 2) История и события: учебное пособие для 9 класса гимназий (5).
- 3) История. Вызов новейшего времени: учебное пособие для учащихся 12 класса гимназий (6).
- 4) Мир. Время. Общество: учебное пособие для 9 класса общеобразовательной школы (Hauptschule или Werkrealschule) (7).

Согласно стандарту по истории федеральной земли Баден-Вюртемберг, ученики 9-х классов должны овладеть следующим набором компетенций: комментировать важнейшие элементы национал-социалистической идеологии; определять мероприятия, направленные на приобщение к господствующей идеологии (преимущественно в локальной и региональной сферах) как признак тоталитарной власти и осознавать степень их влияния на повседневную жизнь людей; воспринимать эти явления во взаимосвязи и видеть их результаты; описывать судьбы людей, подвергшихся преследованиям по политическим и расовым мотивам до и во время Второй мировой войны и соотносить это с национал-социалистической идеологией; знать и оценивать формы признания и сопротивления населения нацистскому режиму; осознавать историческую ответственность за национал-социалистическое прошлое (8).

Что касается фактологического материала, то обязательными для усвоения являются всего 5 дат: 30.01.1933 г. – «передача власти» (приход к власти Гитлера), 9.11.1938 г. – «ноябрьский погром» (в российской историографии это событие чаще называют «хрустальной ночью»), 1.09.1939 г. – «нападение на Польшу», 20.07.1944 г. – покушение на Гитлера, 8.05.1945 г. – «безоговорочная капитуляция». Помимо этого, ученики должны знать следующие термины: SS-Staat (государство СС), антисемитизм, расовая теория, холокост, политика завоевания жизненного пространства, концентрационный лагерь (9). Требования стандарта определяют структуру учебных пособий и логику изложения материала.

При работе с учебным пособием «Время истории» Вторая мировая война изучается в рамках темы «12 лет национал-социализма – диктатура, война и геноцид». Всего на эту тему отведено 17 учебных часов. Непосредственно войне посвящены 2 параграфа: «Путь во Вторую ми-

ровую войну» и «Вторая мировая война». Отдельные параграфы посвящены геноциду евреев, движению сопротивления и обращению с прошлым (10).

Интересно соотношение основного и дополнительного текста в учебном пособии: 50/50 (11). Вся важная информация представлена предельно сжато и структурированно, текст делится на части с отдельными подзаголовками (например, «Нападение на Польшу», «Развязывание войны», «Распространение войны», «Воздушная война», «Политика тотальной войны», «Принудительные работы», «Поражение Германии»). В основном тексте изложены факты и практически отсутствуют цифры. Задача дополнительного текста – проиллюстрировать все те подпункты, которые выделены в основном тексте. Например, политика тотальной войны раскрывается посредством цитирования отрывков из речи Геббельса от 18 февраля 1943 г. под общим названием «Вы хотите тотальной войны?» Информация о бомбардировках подтверждается отрывками из дневника гамбургской школьницы Лизы С. Для того, чтобы передать, какие страдания выпали на долю советского народа, приведены воспоминания учительницы, чудом выжившей после массового расстрела в д. Шамово в 1942 г. Таким образом, большая часть текстов ориентирована на эмоциональное восприятие, призвана вызвать сочувствие, сопереживание с жертвами войны и одновременно отвращение к нацистскому режиму (12).

Большое внимание уделено внетекстовому компоненту: в учебнике много иллюстраций, графиков, схем. Пояснительный текст к иллюстрациям также эмоционально окрашен (например, «Немецкие солдаты на пути из Сталинграда в плен: из 91 000 пленных только 5 000 вернутся домой», «С приходом немецких войск в Советский Союз айнзатцгруппы начали свою кровавую работу») (13).

Второй проанализированный нами учебник для 9 класса «История и события» – это одновременно учебное пособие, книга для чтения и рабочая тетрадь. Вторая глава – «Национализм и Вторая мировая война» – по содержанию и способу подачи материала практически не отличается от учебника «Время истории». Однако дополнительный текст зачастую содержит не научно-популярные и художественные, а документальные тексты. В этом учебном пособии в большей степени авторам удалось показать войну как общечеловеческую трагедию. В рамках параграфа «Завоевание – эксплуатация – уничтожение: Вторая мировая война до 1943 г.» авторы приводят отрывки из документальных источников, характеризующих войну и страдания, которые она несет, с точки зрения представителей разных национальностей: «Солдат на Востоке – не просто боец» (из немецкого приказа вермахту от 10 октября 1941 г.), «Некоторые немцы были очень хорошие» (из письма, написанного до-

черью русской женщины, угнанной на принудительные работы в Германию), «Поцелуйте мою маленькую любимую доченьку» (из письма советского солдата В. Кузнецова из-под Сталинграда), «Умирающий, изголодавшийся, замерзающий» (из письма немецкого солдата из-под Сталинграда) и т.д. (14). Таким образом, в основном тексте практически отсутствует оценка событий, школьники имеют возможность сформулировать собственную точку зрения, проследить последствия тех или иных действий, основываясь на богатом и разноплановом документальном материале.

Особенностью этого учебного пособия является рубрика «Контрверсия»: представляются точки зрения историков и/или общественных деятелей по какому-либо вопросу, затем школьникам предлагается сформулировать свое мнение. Например, дана информация о выставке «Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941–1945 гг.». Эта выставка впервые демонстрировалась в 1995 г. в Гамбурге. Авторы предлагают ученикам прочитать рассуждения историков – К.Я. Янсена и Н.-А. Якобсена о том, как «разрушалась легенда о чистом вермахте», и высказать и обосновать свою точку зрения по этому вопросу (15).

С методической точки зрения интересно одно из заданий, которое необходимо выполнить школьникам после изучения темы «Национал-социализм и Вторая мировая война». Суть задания такова: в 1999 г. библиографическим институтом был составлен список «Сто слов XX века». Далее приведен этот список и задания к нему. Так, например, надо выписать все слова, которые так или иначе связаны с эпохой национал-социализма в Германии; дать определения терминам; пролистав учебник, выписать словосочетания, в которых эти слова употребляются; объяснить, почему 20 % слов связаны с историей Германии (16). Такое задание позволяет не просто еще раз повторить определения тех или иных терминов, но и побуждает ученика вновь обратиться к тексту учебника, пролистать, актуализировать изученное и обобщить свои знания.

В учебном пособии для учеников 12 класса гимназий «История. Вызов новейшего времени» материал представлен на качественно ином уровне. Цель изучения истории на данном этапе – обобщение и углубление полученных ранее знаний. В этом учебном пособии Вторая мировая война является одной из тем раздела «Национал-социалистическая диктатура». Даже названия параграфов говорят об обобщающем и, в то же время, дискуссионном характере изложения информации: «Национал-социалистическая внешняя политика – поэтапный путь к войне», «Развязывание Второй мировой войны: долгосрочная стратегия, выход из кризиса или ситуативная тактика?», «Решения мирового значения: от 22 июня к 11 декабря 1941 г.», «Уничтожение европейских евреев – ци-

визационный надлом», «Сопротивление национал-социализму», «Тотальная война и тотальное поражение: результаты и последствия». Параграфы намного объёмнее, чем в учебниках для 9-го класса, содержат больше фактологического материала. Так, например, в дополнительном тексте «Поэтапный путь в войну» освещены все внешнеполитические шаги Германии с момента прихода к власти Гитлера (17).

Интересна логика изложения материала в учебном пособии для учащихся 9-го класса общеобразовательной школы (Hauptschule) или профориентированной школы (Werkrealschule) «Мир. Время. Общество». Согласно концепции нового типа школ, дисциплины изучаются по блокам: например, «Мир. Время. Общество» («Welt. Zeit. Gesellschaft» – WGZ) или «Музыка. Спорт. Труд» («Musik. Sport. Gestalten» – MSG). В 9-м классе предполагается изучение следующих тем: «Китай», «Национал-социализм и Вторая мировая война», «Германия и мир после 1945 г.», «Германия – демократическое федеративное государство», «Мир – такой разный мир», «Гарантии мира», «Энергия будущего», «Мир профессии и труда» (18).

Особенностью этого учебного пособия является стремление авторов расширить кругозор школьников, «выйти за рамки» учебника. Так, в пособии есть рубрика, посвященная обзору исторических фильмов по той или иной тематике. Например, при изучении национал-социалистического периода школьникам рекомендовано посмотреть следующие фильмы: «Академия смерти» (оригинальное название – «Napola: Elite für den Führer»), «Бункер» («der Untergang»), «Список Шиндлера» («Schindlers Liste»), «Софи Шолль» (Sophie Scholl: die letzten Tage). Детально описана методика работы с фильмами: задача учеников – не просто посмотреть фильм, но и получить как можно больше дополнительной информации об изучаемом периоде, попытаться дать оценку степени объективности режиссера, определить, насколько показанный в фильме сюжет соответствует действительности (19).

Несмотря на высокую степень объективности при изложении событий, некоторые факты все же оцениваются авторами учебников. Это хорошо прослеживается в описаниях событий, предшествовавших Второй мировой войне, а именно – на примере политики умиротворения и советско-германского пакта о ненападении. В учебнике «Время истории» ставится вопрос: почему западные страны не решились вмешаться и помешать агрессивной внешней политике нацистов? Авторы дают такой ответ: «Франция в это время была слишком занята внутриполитическими проблемами. Великобритания осуществляла „политику умиротворения“. Её военные силы были необходимы для борьбы с движением за независимость в колониях, поэтому она хотела избежать войны в Европе и обеспечить себе время для дальнейшего вооружения. Кроме того,

многие британские политики рассматривали нацистский режим в Германии как бастион против большевизма, поэтому готовы были поддерживать Гитлера (20). Охарактеризованы и мотивы подписания пакта о ненападении. По мнению авторов учебника, Сталин стремился «не только приобрести дополнительные территории, но и ускорить развязывание войны, подождать, пока европейские державы растерзают друг друга, а его страна сможет использовать выигранное время для повышения обороноспособности». Гитлер же от подписания пакта ожидал, что таким образом он испугает западные державы приближением войны и, когда он начнет войну с Польшей, «какому-нибудь собачьему отродью не придет в голову предложить план посредничества и мирного решения вопроса» (21). Интересно, что секретный протокол в этом учебном пособии не упоминается.

В учебнике «История и события» причина заключения пакта Молотова-Риббентропа объясняется несколько иначе: «Германия хотела избежать войны на два фронта. Поэтому в случае нападения на Польшу отношения с Советским Союзом приобретали особое значение. После того как переговоры Советского Союза с Францией и Великобританией сорвались, произошло то, чего никто не ожидал: антифашистский Советский Союз и антибольшевистская Германия заключили пакт о ненападении сроком на 10 лет. В тайном дополнительном протоколе Польша и государства Прибалтики признавались совместной будущей жертвой. Немецкие войска вошли 1 сентября в Польшу, а советские 17 сентября в Восточную Польшу. Национал-социалисты начали Вторую мировую войну» (22).

В учебном пособии «История. Вызов нового времени» дана интересная интерпретация событий августа 1939 г. По мнению авторов учебника, в августе началось состязание за «благосклонность» Советского Союза: «из интересов силы и безопасности Советский Союз выбрал сторону, обещавшую больше – Германский Рейх». В результате «23 августа 1939 г. в Москве, к всеобщему удивлению западных держав, был подписан пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом. К нему прилагался секретный протокол, который разделил Восточную Европу на немецкую и советскую сферу интересов» (23).

Во всех представленных учебных пособиях приводится либо полностью, либо частично текст пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола, разработана система заданий для работы с источником. Приведем несколько примеров заданий:

- 1) При помощи исторических карт представьте обзор изменений территории Польши в 1920, 1939, 1941, 1945, 2000 гг.

- 2) Оцените статьи договора о ненападении и секретного дополнительного протокола к нему с точки зрения Гитлера, Сталина, Польши и западных держав.
- 3) Проанализируйте последствия договора, исходя из сегодняшнего государственного устройства Центральной и Восточной Европы.

Очевидно, что все эти задания носят проблемный либо творческий характер: школьникам необходимо приложить усилия, чтобы получить новые знания, проанализировать и оценить факты.

Характерным для всех четырех анализируемых учебных пособий является наличие отдельных параграфов, посвященных движению сопротивления и геноциду евреев. Обязательными для изучения являются имена 6 героев сопротивления: это Клаус фон Штауффенберг, Софи Шолль, Лизелотта Херрман, Юлиус Лебер, Дитрих Бонхоффер, Клеменс фон Гален.

В каждом из представленных нами учебных пособий отдельный параграф посвящен вопросам вины и преодоления прошлого: «Обращение с прошлым», «Как немцы обращаются со своим прошлым?», «Неудобные вопросы». Авторы выделяют основные этапы осмысления прошлого послевоенным немецким обществом. Первые послевоенные десятилетия характеризуются как этап «вытеснения», когда большинство немцев считали, что виновники уже наказаны, многие ощущали себя жертвами нацизма и проявляли равнодушие и стремление забыть о страшном прошлом (24). Изменения в сознании произошли после трансляции в 1979 г. фильма «Холокост», когда тысячи немцев стали задавать себе вопрос: «Как это немыслимое, чудовищное зверство могло произойти?». Воспоминания о прошлом стали конкретными, связанными с именами, лицами. Этот этап в школьных учебниках называется «Дискуссия с прошлым». Главная идея, которую пытаются донести авторы учебников истории: справедливость без воспоминаний – безмолвное молчание. Молодое поколение несет ответственность – не за прошлое, а за то, как немцы будут вспоминать о прошлом и помнить прошлое (25).

Анализ учебников истории ФРГ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, учебные пособия по истории ориентированы не на усвоение школьниками готового знания, а на творческий, увлекательный процесс самостоятельного поиска и анализа. Основной текст учебника лишь дает общие ориентиры; дополнительный текст – привлекает интерес, позволяет пережить, прочувствовать исторические события, побуждает выйти за рамки учебного пособия, взглянуть на одно и то же явление глазами разных свидетелей. Во-вторых, в изложении материала по Второй мировой войне акцент сделан не на даты и факты, не на описание

сражений, а на человеческий фактор – на судьбы людей, переживших войну. Возможно, это можно было бы считать недостатком немецких учебников, но информация, воспринятая на эмоциональном уровне, усваивается гораздо лучше, чем сухие цифры и сложные географические названия. В-третьих, ключевыми моментами при изучении немецкими школьниками Второй мировой войны являются вопросы геноцида и вины немцев перед мировым сообществом, сопротивления нацистской политике («не все немцы были соучастниками!») и необходимости не забывать о прошлом. На вопрос «Как обходиться немцам с непростым прошлым?» авторы учебников по истории дают однозначный ответ: «Помнить!»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выступление Федерального канцлера ФРГ А. Меркель на заключительном пленарном заседании «Петербургского диалога» 15 июля 2010 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://petersburger-dialog.ru/ekaterinburg2010/materials/8cfed1d3-66a1-4a9b-8024-f8eb0f6346e2.aspx>
2. Российско-германский учебник выйдет в 2012 г. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lifeneews.ru/news/31450>
3. Werkrealschule: Mit erster beruflicher Grundbildung direkt zur Mittleren Reife. Baden-Württemberg, 2009. S. 7.
4. Zeit für Geschichte: Geschichtliches Unterrichtswerk für Gymnasien. Band 4: Von der Weimarer Republik bis zur Gegenwart. – Schroedel Verlag. – Braunschweig, 2007. 288 S.
5. Geschichte und Geschehen 4. Sekundarstufe I. Stuttgart; Leipzig, 2006. 288 S.
6. Geschichte 12. Herausforderung der Moderne. Hannover, 2002. 400 S.
7. Terra. WGZ 5. Welt. Zeit. Gesellschaft: Ausgabe für Hauptschulen in Baden-Württemberg, Stuttgart, Leipzig, 2007. 259 S.
8. Stoffverteilungsvorschlag Bildungsstandards 8 mit „Zeit für Geschichte“ Ausgabe G8 Band 4 im 9. Schuljahr // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://schroedel.de/zeit_fuer_geschichte
9. Ebenda.
10. Zeit für Geschichte. S. 82-142.
11. При анализе учебных пособий мы ориентировались на структуру учебника истории, предложенную Е.Е. Вяземским (см.: Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Теория и методика преподавания истории. М., 2003. С. 176). К дополнительному тексту относятся документы, научно-популярные и художественные тексты.
12. Zeit für Geschichte. S. 118-125.
13. Ebenda. S. 122, 124.
14. Geschichte und Geschehen. S. 102-104.
15. Ebenda. S. 104.
16. Ebenda. S. 119.
17. Geschichte 12. Herausforderung der Moderne. S. 315-389.
18. Terra. WGZ 5. Welt. Zeit. Gesellschaft, 2007. 288 S.
19. Aus Filmen Geschichte lernen // Terra. WGZ 5. S. 60-61.
20. Zeit für Geschichte. S. 112.
21. Ebenda. S. 118.
22. Geschichte und Geschehen. S. 96.
23. Geschichte 12. Herausforderung der Moderne. S. 364.

24. В 1967 г. психологи Александр и Маргарет Мишерлих (Mitscherlich) опубликовали исследование, посвященное феномену вытеснения – «Неспособность скорбеть» («Die Unfähigkeit zu trauern»).

25. Zeit für Geschichte. S. 138-139; Geschichte und Geschehen. S. 234-237; Terra. WGZ 5. Welt. Zeit. Gesellschaft. S. 96-98; Geschichte 12. Herausforderung der Moderne. S. 347.

Irina V. Griban

Griban Irina, senior lecturer of the Department of advertising and public relations of Urals State Pedagogical University, Director of the Museum of USPU History (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-81. Электронная почта/E-mail: gribanirina@gmail.com.

“Forget? Remember? Retain!”: the Second World War in the pages of history textbooks Germany

The paper addresses the problem of studying the history of World War II in German schools. The materials of the four training manuals for various levels of education and types of educational institutions that are used in schools in Baden-Württemberg, Federal Republic of Germany have been analyzed.

Keywords: The Second World War, the Molotov-Ribbentrop Pact, "overcoming the past", National Socialism, the Holocaust.

III. В помощь преподавателю и студенту

Т.Г. Шумкина

Шумкина Татьяна Геннадьевна, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук, доцент.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: shumkina.77@mail.ru.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В 1917–1930-Х ГГ. (Материалы к лекции)

Статья посвящена становлению исторической науки в советской России в 1917-1930-х гг. Автор статьи рассматривает вопросы подготовки кадров для советской исторической науки, формирования теоретико-методологических основ советской историографии, становления и развития советской исторической периодики, реорганизации архивного дела.

Ключевые слова: Советская Россия, советская историческая наука, периодика, историография, архивное дело.

План:

1. Организация исторической науки в Советской России в 1917–1930-х гг.
2. Подготовка кадров советской исторической науки.
3. Формирование теоретико-методологических основ советской историографии.
4. Становление и развитие советской исторической периодики.
5. Реорганизация архивного дела в Советской России в 1917–1930-х гг.

1.

Революционные события 1917 г. и смена общественно-политического строя в России изменили задачи и направление развития исторической науки. Важной составляющей этого процесса стало формирование новой организационной структуры науки.

Особое место среди новых учреждений исторической науки занимала Социалистическая академия общественных наук (АОН), которая была создана в 1918 г. В 1924 г. она была переименована в Коммунистическую АОН. В 1936 г. ее включили в состав Академии наук (АН) СССР, и на ее базе был основан Институт истории АН СССР. Возглавил АОН историк и государственный деятель Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) (1). В профессорско-преподавательский состав вошли известные историки В.П. Волгин, Н.М. Лукин, А.Д. Удальцов. Действительными членами АОН являлись партийные и государственные деятели А.В. Луначарский, Н.К. Крупская, В.Д. Бонч-Бруевич.

В АОН входили две секции: научно-академическая и учебно-просветительская; а также четыре отделения: политико-юридическое, финансово-экономическое, технико-экономическое и социально-политическое. В рамках деятельности последнего и осуществлялась подготовка специалистов по истории.

Программа обучения в АОН включала такие курсы, как марксизм, исторический материализм, история революционного движения.

В план научной деятельности АОН в области истории входило:

- изучение и издание трудов основоположников научного социализма, философов-материалистов, социалистов-утопистов;
- издание материалов по истории Первой мировой войны;
- публикация документов из архива династии Романовых.

АОН имела свой печатный орган – «Вестник Социалистической академии» (с 1921 г.; с 1924 г. – «Вестник Коммунистической академии»).

Другим научным и издательским центром стала Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт), созданная в 1920 г. при Наркомпросе. В 1921 г. Комиссия передана в ведение ЦК партии; в 1928 г. она вошла в состав Института В.И. Ленина. Председателем Комиссии был назначен историк, публицист М.С. Ольминский (Александров), его заместителем – М.Н. Покровский, секретарем – историк, архивист В.В. Адоратский.

Комиссия занималась сбором, систематизацией, изучением, хранением и изданием источников по истории Октябрьской революции и партии. В республиках и областях была создана сеть местных бюро Истпарта. Комиссией издано свыше 30 журналов и сборников (например, «Бюллетень Истпарта», «Пролетарская революция» и др.).

В процессе становления советской исторической науки, особенно ее теоретико-методологических основ, важную роль сыграли Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1921) и Институт В.И. Ленина (1923). Круг их задач включал сбор, хранение, изучение, издание и пропаганду наследия основоположников научного коммунизма. В 1931 г. эти два института

были объединены в Институт Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б).

Заметную роль в развитии исторического знания в 1920-е гг. играла Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) (1924–1930). Это был всероссийский центр по организации научной работы в сфере общественных наук, изучению вопросов, вызываемых государственными потребностями, по подготовке кадров научных работников и популяризации знаний в области обществоведения.

Немаловажную роль в развитии исторического знания в этот период сыграли научно-исторические общества (историко-революционные, краеведческие). Среди них следует отметить Общество историков-марксистов, созданное в 1925 г. под руководством М.Н. Покровского. С 1926 г. Общество стало издавать журнал «Историк-марксист» (2).

Таким образом, 1920-е гг. стали временем становления институтов новой советской исторической науки, которые были нацелены, в основном, на изучение опыта революционного движения и классовой борьбы. Нередко по своим функциям и персональному составу эти учреждения дублировали друг друга. Состояние исторической науки осложнялось еще и тем, что новые научно-исторические учреждения существовали с прежними. Из действовавших до 1917 г. учреждений сохранила свои позиции Академия наук (с мая 1917 г. – Российская академия наук (РАН); с июля 1925 г. – Академия наук СССР (АН СССР)).

В 1930-е гг. развитие авторитарной партийно-государственной системы привело к централизации и унификации научных институтов. В 1936 г. по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) на основе Института истории Коммунистической академии и Историко-археографического института АН СССР в рамках Академии наук был создан Институт истории АН СССР, который стал головным центром академической исторической науки в стране.

2.

В рассматриваемый период произошли серьезные изменения в кадровом составе исторической науки. После Октябрьской революции 1917 г. ряд историков эмигрировали или были высланы из России (Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, А.А. Кизеветтер, П.Н. Милоков, Г.В. Флоровский и др.). Некоторые из историков, начавших свою научную деятельность еще до 1917 г., остались и продолжили работу в Советской России (А.С. Лаппо-Данилевский, Н.М. Лукин, С.Ф. Платонов, Н.А. Рожков, Е.В. Тарле и др.).

С самого начала становления советской исторической науки возникла проблема подготовки кадров историков нового типа. Уже в 1918–1923 гг. начали действовать коммунистические университеты, в рамках которых были открыты исторические отделения. Здесь читались курсы марксизма, истории классовых борьбы и революционного движения. В 1930 г. действовало уже 40 коммунистических университетов; в них прошли подготовку около 30 тыс. человек (3).

Ядром новой системы подготовки кадров историков стал Институт красной профессуры (ИКП; 1921–1938). Он являлся высшим учебным заведением, главная цель которого – подготовка преподавателей основных обществоведческих дисциплин для ВУЗов, работников научно-исторических учреждений, центральных партийных и государственных органов.

Первым ректором Института был назначен М.Н. Покровский; в профессорско-преподавательский состав вошли В.В. Адоратский, В.П. Волгин и др. Первоначально в составе ИКП было три отделения: экономическое, историческое и философское; в 1924 г. было организовано подготовительное; в 1928 г. – историко-партийное, правовое, естественное и литературное отделения. Программа обучения историков включала политэкономия, исторический материализм, новую историю, историю социалистического строительства. В 1930 г. отделения были реорганизованы в самостоятельные институты. По состоянию на 1931 г. было 10 Институтов красной профессуры, в том числе ИКП истории и ИКП истории партии. В 1938 г. вместо ИКП была создана единая Высшая школа марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), которая в 1946 г. была преобразована в Академию общественных наук при ЦК КПСС.

Выпускниками ИКП были будущие известные советские историки: И.И. Минц, М.В. Нечкина, А.М. Панкратова, Н.Л. Рубинштейн, А.Л. Сидоров и др. (4)

Глубокому реформированию было подвергнуто историческое образование в университетах. В 1919 г. вместо историко-филологических факультетов были созданы факультеты общественных наук (ФОН), которые просуществовали в МГУ и ЛГУ до 1925 г. Затем они были преобразованы в факультеты советского права и этнологический в Московском, и в факультет языкознания и материальной культуры в Ленинградском университетах.

В 1930–1931 гг. Московский и Ленинградский университеты были разделены на отдельные институты и временно прекратили свое существование. На базе университетских кафедр истории и философии были созданы два самостоятельных института: Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ; 1931–1941) и Ленинградский институт философии, истории, литературы

и лингвистики (ЛИФЛИ; 1931–1937). Срок подготовки историков в них сократился до 2–3 лет. Здесь практиковалось бригадное обучение. Однако уже в середине – второй половине 1930-х гг. университетское историческое образование было восстановлено. В 1934 г. в МГУ и ЛГУ вновь открылись исторические факультеты (5).

Влияние политического и идеологического факторов на развитие исторической науки наиболее наглядно прослеживается на примере применения репрессивных мер в отношении историков в СССР в конце 1920-х – 1930-е гг.

Наиболее известно «Академическое дело» («Дело Академии наук»), или «Дело Платонова – Тарле»), сфабрикованное ОГПУ в 1929–1931 гг. против группы учёных Академии наук и краеведов в Ленинграде, где до 1934 г. находилась Академия наук. Основной удар был направлен на учреждения, возглавлявшиеся С.Ф. Платоновым: Библиотеку Академии наук и Пушкинский дом. В конце 1929 г. начались аресты сотрудников АН, в основном историков-архивистов. Были арестованы С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, а также их ближайшие коллеги и ученики. 2 февраля 1931 г. С.Ф. Платонов, как и другие арестованные академики, был исключён из АН, и осенью сослан в Самару, где он вскоре и умер. Е.В. Тарле был сослан в Алма-Ату, откуда в 1933 г. был возвращён в Ленинград. В сентябре 1938 г. ему было возвращено звание академика (6).

В 1933–1934 гг. проходило «Дело славистов» (Дело «Российской национальной партии») – уголовное дело по обвинению в контрреволюционной деятельности, направленное против большого числа представителей интеллигенции (в основном из Москвы и Ленинграда). Подверглись репрессиям известные ученые – историки, филологи, специалисты по славянской культуре и истории: А.М. Селищев, Н.П. Сычев, Г.А. Ильинский и др. (7)

Таким образом, в 1920–1930-е гг. происходило становление новой системы подготовки кадров историков. Важную роль в этом процессе сыграл Институт красной профессуры. Одновременно с этим проводилась политика постепенного «выдавливания» из исторической науки «старых» кадров, историков «дореволюционной» школы, «буржуазных специалистов».

3.

В 1920–1930-е гг. шел процесс формирования теоретико-методологических основ советской исторической науки. Ее методологическим фундаментом стал исторический материализм. Процесс становления материалистической марксистско-ленинской концепции истории происходил по трем важнейшим направлениям:

- 1) создание стройной, непротиворечивой теории исторического процесса;
- 2) разработка проблем методологии исторического познания;
- 3) дискуссии о характере и содержании конкретных периодов развития всемирной и отечественной истории (8).

Методологической основой советской исторической науки стала теория общественно-экономических формаций, ключевые принципы которой были сформулированы К. Марксом и Ф. Энгельсом. Однако в их работах эта теория не приобрела законченный вид. В 1920–1930-е гг. советскими обществоведами была разработана логически стройная формационная теория.

В структуре общественно-экономической формации выделялось два основных элемента: базис и надстройка. Базис – это совокупность производительных сил и производственных отношений (способ производства), то есть экономическая сфера жизни общества. Базис определяет развитие надстройки: политики, социальной сферы, культуры, идеологии. Ключевой характеристикой формации являются производственные отношения, возникающие между эксплуататорскими и эксплуатируемыми классами. Между ними протекает классовая борьба. Когда производительные силы вступают в противоречие с производственными отношениями, возникает революционная ситуация, которая разрешается революцией и сменой общественно-экономической формации.

Всемирно-исторический процесс представляет собой последовательную смену пяти общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая. Теория общественно-экономических формаций представляет общественное развитие как естественно-исторический процесс и делает возможным выявление общих признаков, характеризующих поступательное развитие всемирной истории.

Тем не менее, уже в середине 1920-х гг. выявились противоречия в данной схеме общественного развития. Проблема соотношения модели общественно-экономических формаций с конкретной исторической реальностью обсуждалась в рамках дискуссий, проходивших в 1929 г. в Коммунистической академии на Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исторических учреждений и в Секции по изучению докапиталистических формаций Общества историков-марксистов. Особенно острой была полемика об особом «азиатском» способе производства (9).

Таким образом, в конце 1920-х – 1930-е гг. в советской историографии складывается единая теоретико-методологическая база, в основу которой была положена формационная теория. Концепция общественно-экономических формаций являла собой ортодоксальное, догматиче-

ское учение, и многие десятилетия определяла проблематику и тематику исторических исследований. Однако уже в этот период становится очевидным тот факт, что эта теория не отражает в полной мере всего многообразия и специфики исторического развития отдельных стран и народов.

4.

После 1917 г. прекратили свое существование многие исторические журналы. Однако представители новой власти придавали особое значение популяризации исторических знаний, прежде всего, революционных идей. Именно эти задачи возлагались на новые журналы «Пламя» и «Творчество», издававшиеся в 1918–1920 гг.

Петроградский «общедоступный научно-литературный и художественно иллюстрированный журнал» «Пламя» издавался под редакцией А.В. Луначарского. В нем печатались материалы о Французской революции конца XVIII в., Парижской коммуне, об Октябрьской революции и Гражданской войне. Главная идея журнала – идея преемственности революционных традиций. Подчеркивалась также связь с большевистской печатью: девиз журнала – «из искры возгорелось пламя».

В общественно-политическом и литературно-художественном журнале «Творчество», выходившем в Москве, печатались материалы о жизни и деятельности «великих революционеров», принадлежавших разным эпохам и народам (Спартак, М. Робеспьер, С.Н. Халтурин, К. Либкнехт и др.) (10).

В то же время объективная потребность научного сообщества в обмене исследовательским опытом не была утрачена. Однако традиция издания научной исторической периодики нуждалась в поддержке и развитии. Первыми шагами в этом направлении стало издание «Русского исторического журнала» и журнала «Дела и дни».

Программа «Русского исторического журнала» (Петроград, 1917–1922) предполагала написание исследовательских статей по традиционной тематике, связанной с историей России до XVIII в., публикацию источников. Преобладали материалы по политической истории России и историографические сюжеты (о Н.М. Карамзине, В.О. Ключевском и др.).

В журнале «Дела и дни» (Петроград, 1920–1922) традиционные по характеру и содержанию материалы сочетались с публикациями на новую историко-революционную тематику. Его основателями были историки-архивисты А.И. Андреев и С.В. Рождественский (11).

Среди периодических исторических изданий, начавших выходить еще до событий 1917 г., большую жизнеспособность обнаружили те, которые изначально были ориентированы на революционную проблематику: журнал «Голос минувшего» (1913–1923), выходивший под ре-

дакцией С.П. Мельгунова и имевший народническое направление; журнал «Былое» (1905–1907, 1917–1926), выпускавшийся историком и литературоведом П.Е. Щеголевым. В нем печатались материалы по истории внешней политики России, секретные документы царской дипломатии, материалы, посвященные деятельности русской социал-демократии, народнических организаций (12).

В рассматриваемый период были основаны и периодические издания архивоведческого профиля: журналы «Красный архив» (1922–1941) и «Архивное дело» (1923–1941). В них печатались исследовательские статьи, публиковались источники, освещались вопросы архивоведения и архивного управления (13).

Отдельную группу изданий в системе исторической периодики составляли печатные органы научно-исторических обществ. Например, Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев издавало журнал «Каторга и ссылка» (1921–1935). Основная масса публикаций журнала – статьи, очерки, документы и материалы о деятелях революционного движения.

Важную роль в развитии исторической науки в рассматриваемый период сыграл журнал «Историк-марксист». Он начал выходить в 1926 г. и первоначально был печатным органом Общества историков-марксистов. Однако «Историк-марксист» быстро превратился в ведущий советский журнал по отечественной и всеобщей истории. С 1930 г. он стал органом Института истории Комкадемии, а затем превратился в орган Института истории АН СССР и под названием «Вопросы истории» существует до сих пор. В журнале основное место занимали исследовательские статьи по отечественной и зарубежной истории, а также были такие рубрики, как «Преподавание истории», «Историческая наука в СССР», «Историческая наука за рубежом» (14).

Таким образом, в 1920–1930-е гг. возник целый ряд новых периодических изданий исторического профиля. Некоторые из них были недолговечными, другие, например, «Историк-марксист» стали центральными историческими журналами, которые подготовили почву для создания исследований монографического характера.

5.

Возможности развития исторического знания определяются также состоянием архивного дела в стране. После Октябрьской революции 1917 г. новые органы власти в центре и на местах приняли меры по охране документальных фондов ликвидированных учреждений царского и временного правительств. 2 апреля 1918 г. был создан Центральный комитет по управлению архивами. Им был разработан «Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», принятый СНК

РСФСР 1 июня 1918 г. На многие десятилетия он стал основополагающим законодательным актом в организации системы архивов в СССР.

Ключевыми принципами новой организации архивного дела стали:

- все архивы правительственных учреждений должны были быть ликвидированы;
- хранившиеся в них дела и документы должны были войти в Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ);
- заведование ЕГАФ возлагалось на Главное управление архивным делом (Главархив) (15).

30 января 1922 г. ВЦИК было издано «Положение о Центральном архиве РСФСР», в соответствии с которым все архивные учреждения были объединены в Центральный Архив РСФСР (Центрархив).

10 апреля 1929 г. вышло Постановление ЦИК и СНК СССР о создании Центрального архивного управления СССР (ЦАУ СССР). В его компетенцию входило общее направление и объединение деятельности центральных архивных управлений союзных республик по заведованию архивными фондами общесоюзного значения. С 1938 г. ЦАУ СССР было передано в ведение НКВД СССР и было преобразовано в Главное архивное управление (ГАУ) НКВД СССР (16).

Таким образом, создание системы государственных архивов и особого органа управления архивным делом подчеркивало общегосударственную значимость архивов и должно было ограничить ведомственный произвол в уничтожении документов. В 1920–1930-е гг. последовательно осуществлялась централизация управления архивной отраслью, особенно после передачи ранее самостоятельного архивного ведомства в систему НКВД СССР. В этом были как положительные, так и отрицательные моменты. С одной стороны, увеличилось материальное обеспечение архивов, строились новые и ремонтировались уже существовавшие архивохранилища. С другой стороны, ликвидация самостоятельности архивной отрасли привела к существенному ограничению допуска исследователей к документам, что сказывалось на уменьшении объема и сужении тематики исторических исследований.

Негативным явлением были и «макулатурные кампании» конца 1920-х – начала 1930-х гг., в ходе которых были уничтожены многие архивные материалы, причем зачастую без экспертной оценки и без санкции центральных и местных органов управления архивами (17).

В заключении необходимо отметить, что период 1920–1930-х гг. следует рассматривать как этап становления советской исторической науки. Основным содержанием этого этапа было осуществление двух процессов: 1) формирование новой организационной структуры исторической науки и системы подготовки кадров историков; 2) идеологиче-

ская перестройка исторической науки на основе утверждения материалистической марксистско-ленинской концепции как единой идейно-теоретической и методологической основы исследования всех проблем отечественной и всеобщей истории. Результатами этих процессов стали искоренение немарксистской историографии в СССР и формирование партийно-государственного руководства исторической наукой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – государственный, общественный и партийный деятель, историк-марксист, академик АН СССР (1929). Член РСДРП с 1905 г. С 1918 г. – заместитель наркома просвещения РСФСР. Покровский был одним из организаторов Социалистической (Коммунистической) академии общественных наук, Государственного учёного совета, Института истории АН СССР, Института красной профессуры. В различные годы был председателем президиума Коммунистической академии, ректором Института красной профессуры, председателем Общества историков-марксистов, заведующим Центрархивом и возглавлял ряд других организаций в сфере науки и идеологии. Он являлся редактором исторических журналов «Красный архив», «Историк-марксист», «Борьба классов» и членом Главной редакции БСЭ. Основные труды: Очерк истории русской культуры. М., 1915-1918. Ч. 1-2; Русская история в самом сжатом очерке. М., 1920-1923. Ч. 1-3; Октябрьская революция. Сб. ст. М, 1929. См.: Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970; Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992.
2. См.: Наумова Г.Р. Историография истории России: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Г.Р. Наумова, А.Е. Шикло. М., 2008. С. 317-318, 322-323, 327-328, 333-338.
3. Наумова Г.Р. Указ. соч. С. 331.
4. См.: Козлова Л.А. Институт красной профессуры (1921–1938 годы): Историографический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1; Соловей В.Д. Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20–30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12; Институт красной профессуры // Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Институт_красной_профессуры.
5. См.: Гришаев О.В. Историческая наука и образование в СССР в середине-второй половине 1930-х годов // Режим доступа: http://www.rusnauka.com/NNM_2006/Istoria/17333.doc.htm; Наумова Г.Р. Указ. соч. С. 309-310, 312-313.
6. См.: Академическое дело // Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Академическое_дело; Шмидт С.О. Сергей Федорович Платонов и «Дело Платонова» // Советская историография. М., 1996. С. 215-236.
7. См.: Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994; Наумова Г.Р. Указ. соч. С. 340-342; Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004; «Дело славистов» // Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_славистов.
8. Подоль Р.Я. Теория исторического процесса в русской историософии первой трети XX века. М., 2008. С. 99-100.
9. См.: Подоль Р.Я. Указ. соч. С. 173-200, 310-342; Сахаров А.Н. Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Советская историография. М., 1996. С. 138-141.
10. Наумова Г.Р. Указ. соч. С. 303.
11. Там же. С. 304.
12. Там же. С. 304-305.
13. Там же. С. 308.
14. Там же. С. 324-327
15. См.: Алексеева Е.В. Архивоведение: Учебник для нач. проф. образования / Е.В. Алексеева, Л.П. Афанасьева, Е.М. Бурова; Под ред. В.П. Козлова. М., 2005. С. 24-25.

16. См.: Там же. С. 27-30.

17. См.: Хорхордина Т.И. Архивы в «Зазеркалье»: архивоведческая культура тоталитарных режимов // Советская историография. М., 1996. С. 201-202.

Tatiana G. Shumkina

Shumkina Tatiana, associate professor of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: shumkina.77@mail.ru.

Formation and development of Soviet historical science in 1917-1930

Article is devoted to the establishment of historical science in Soviet Russia in the 1917-1930. The author considers the problem of training for Soviet historical science, the formation of theoretical and methodological foundations of Soviet historiography, the formation and development of Soviet historical periodicals, archives reorganization.

Keywords: Soviet Russia, Soviet historical science, periodicals, historiography, archival science.

Б.А. Сутырин

Сутырин Борис Алексеевич, профессор кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук, профессор.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34.

ПОРТРЕТ Т.Н. ГРАНОВСКОГО В ИНТЕРЬЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОК (Материалы к спецкурсу)

В статье кратко рассматривается научно-педагогическая деятельность русского историка Т. Н. Грановского. Особое внимание автор статьи уделяет образу Грановского, запечатлевшемуся в воспоминаниях его современников и, более сжато, его философии истории.

Ключевые слова: Т. Н. Грановский, А. И. Герцен, С. М. Соловьев, философия истории, русская историческая наука.

Приближается 200-летие со дня рождения Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855), одного из зачинателей глубокого изучения всеобщей истории в России и первого русского медиевиста. Его имя неразрывно связано с историей Московского университета, профессором которого он был с 1839 г. до конца своей жизни.

В отечественной исторической мемуаристике сохранились ценные воспоминания учеников и современников Грановского (1). Но изучение его научной, педагогической и общественной жизни началось только со второй половины XX в. (2), это дает возможность представить сегодня его исторический портрет в более развернутом виде.

Важно, прежде всего, остановиться на том, как началась его научно-педагогическая деятельность Грановского. В годы обучения на юридическом факультете Петербургского университета (1832–1835) вышла в свет его первая научная статья «О нынешнем состоянии поваренной промышленности и гастрономии в Европе», а первая работа на историческую тему появилась в 1835 г. в «Журнале министерства народного просвещения»: «Судьбы еврейского народа от падения Маккавеев по настоящее время». По окончании учебы в университете Грановский по рекомендации друзей принял предложение попечителя Московского учебного округа С.Г. Строганова продолжить образование в Германии, чтобы после возвращения занять кафедру всеобщей истории в Московском университете. В Берлинском университете он слушал лекции профессоров-гегельянцев, в том числе историка Л. Ранке. Высоко оценивая философию Г. Гегеля в целом, Грановский критически отнесся к его философии истории, считая несправедливым мнение философа о том, что «история никогда и никому не приносила пользы, и ни один народ не воспользовался ее уроками» (3).

В 1839 г. Грановский возглавил кафедру всеобщей истории Московского университета. Он приступил к руководству кафедрой с мыслью, что преподавание истории должно иметь не только учебное и научное значение, но и воспитательное. Сам Грановский говорил: «Мне кажется, что я могу действовать именно словом. У меня есть красноречие, теплая душа и убеждения и уверенность в успехе будущих студентов» (4). 16 лет Грановский был подлинным учителем и наставником молодежи. Он читал лекции по истории западного средневековья, древнего мира и нового времени, а также по истории Французской революции. В 1843/44 и 1845/46 гг. он прочитал первые публичные лекции и имел успех у всей образованной Москвы.

Грановский не обладал блистательными ораторскими данными. Голос его был слаб, дикция не очень отчетлива, изложение материала просто, без особых прикрас. Но слушателей привлекала эта простота,

ясность, а главное – искренность и глубокая убежденность. Его современникам запомнился внешний облик этого человека: красивое доброе лицо в рамке длинных кудрей, мягкость выражений и жестов, тихий проникновенный голос. «Вчерашняя лекция Грановского, – вспоминал А.И. Герцен. – Какое благородство языка, смелое, открытое изложение! Были минуты, в которые его речь поднималась до вдохновения. Речь шла о философии истории... Когда кончилась лекция, всё порядочное в аудитории с восторгом изъясляло свою благодарность профессору. Это один из лучших дней в жизни Грановского...» (5).

Портретную зарисовку внешнего облика Грановского очень ярко и зримо дополняет воспоминание русского писателя и журналиста И.И. Панаева (1812–1862): «Черты лица его были крупны и неправильны: нос и губы толстые – лицо это не имело ни вульгарной внешней красоты, которая поражает с первого раза; но его большие глубокие, темные глаза с меланхолическим оттенком, с надвинутыми густыми и широкими бровями, его открытый лоб, почти черные волосы, зачесанные назад и доходившие до плеч, его грустная добродушная, кроткая улыбка – все это вместе поражало той внутренней красотой, в которую чем более вглядываешься, тем более она кажется привлекательною. В его движениях, взглядах, голосе, манере говорить (он несколько пришепывал, что нисколько не портило его) было что-то неотразимо симпатичное. Все женщины были от него в восторге; все мужчины, даже враждебные его убеждениям, не могли не питать к нему личной симпатии»(6).

Воспоминания писательницы, близкой родственницы и друга детства Герцена Т.П. Пассек (Кучиной) (1810–1889) хорошо дополняют портрет Грановского, подчеркивая высокую внутреннюю культуру ученого: «Кто только знал Грановского, тот не мог не любить его. Это был человек не только замечательно умный, но и в высшей степени чистый, благородный, симпатичный и с таким сердечным тактом, что никогда не коснулся неловко до дружеских отношений. Кроткий, спокойный, снисходительный, он был центром, примиряющим и соединяющим готовых разойтись. Его благотворное влияние на дружеский круг, университет и вообще на молодое поколение того времени – пережило его самого» (7).

Среди воспоминаний современников особо следует выделить «Записки» С.М. Соловьева (1820–1879) – классика русской исторической науки. Его мемуары расширяют наши представления о Грановском. Это – взгляд одного из студентов университета: «Когда мы перешли на второй курс, то приехал из-за границы Грановский, начавший читать среднюю и новую историю. Грановский... не был самостоятелен, являлся поклонником Гегеля, но был художник первоклассный в историческом изложении» (8).

Соловьев не мог пройти мимо, не остановившись на портретной характеристике молодого преподавателя: «Грановский имел малороссийскую южную физиономию; необыкновенная красота его производила сильное впечатление не на одних женщин, но и на мужчин. Грановский своей наружностью всего лучше доказывает, что красота есть завидный дар, очень много помогающий человеку в жизни. Он имел смуглую кожу, длинные черные волосы, черные огненные, глубоко смотрящие глаза. Он не мог... похвастать внешней изящностью своей речи: он говорил очень тихо, требовал напряженного внимания, заикался, глотал слова, но внешние недостатки исчезали пред внутренним достоинством речи, пред внутренней силой и теплотой, которые давали жизнь историческим лицам и событиям... Изложение Грановского можно сравнить с изящною картиной, которая дышит теплотой, где все фигуры ярко расцвечены, говорят, действуют пред вами» (9).

Его лекции привлекали слушателей неизменным внутренним протестом ученого-гуманиста против деспотизма, всяческого угнетения. По этому поводу близкий друг Грановского А.И. Герцен писал: «Он думал историей, учился историей и историей в последствии делал пропаганду» (10). В Грановском удачно сочетались талантливый ученый-пропагандист и прогрессивный общественный деятель.

Грановский был связан с разными направлениями общественной жизни. Осенью 1839 г. он сблизился с кружком друзей Н.В. Станкевича (1813–1840) (М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, В.П. Боткин), который, объединившись с молодыми профессорами П.Г. Редкиным и Д.Л. Крюковым, а также А.И. Герценом и Н.П. Огаревым, стал с конца 30-х гг. оплотом московских западников. Взгляды Грановского как одного из видных представителей западничества оформились в процессе научно-педагогической и общественной деятельности. Главное в них – убеждение в единстве исторического процесса, в основе которого лежало стремление всех народов к свободе, к «гармоническому обществу», сообразному с требованиями «нравственной, просвещенной, независимой от роковых решений личности».

Движущей силой исторического процесса Грановский считал возникающие в обществе противоречия. Путь к их разрешению он видел в нравственном совершенствовании личности и лишь в исключительных случаях – в насильственных действиях. История, по Грановскому, «помогает угадывать под обложкой современных событий аналогу с прошедшими и постигать смысл современных явлений». Исходя из этого тезиса слушатели лекций Грановского находили в них аналогии с российской действительностью, осуждение крепостничества и самодержавия.

Против исторических взглядов Грановского выступили как сторонники «официальной народности», так и славянофилы; и те и другие критиковали его за приверженность к гегелевской школе и за отсутствие противопоставления православной России Западу. Отвечая славянофилам, Грановский доказывал несправедливость их утверждений об оторванности послепетровской России от ее исторических корней.

Свои исторические взгляды Грановский попытался привнести и в программу по всеобщей истории для гимназий в 1850 г., но она была оставлена «без последствий». В 1851 г. он подготовил записку «Об ослаблении классического образования в гимназиях», но и она не получила хода. В том же году он был избран деканом исторического факультета Московского университета, но не был утвержден властями в этой должности.

Эволюция исторических взглядов Грановского нашла свое отражение в его речи: «О современном состоянии и значении всеобщей истории», в которой отразилось влияние идей позитивистов на него и его знакомство с успехами естественных наук. Он не признавал «абсолютную идею» главным двигателем исторического процесса. Критикуя Гегеля, Грановский высказал надежду на возникновение новой методологии, учитывающей связь природы и истории, способной «достигнуть до ясного знания законов, определяющих движение исторических событий» (11).

В жизни Грановского важную роль в его становлении как историка и общественного деятеля сыграла дружба с Герценом. В их переписке сохранилось много интересных мест, свидетельствующих о взаимоотношениях этих выдающихся людей. Так в 1849 г. Герцен писал Грановскому: «...Ты останешься, как был, самый любящий и самый близкий из друзей мне и Ог[ареву]: он тебя называл некогда «нашей сестрой», именно по тому элементу нежности, который сохранился в тебе» (12).

В романе-хронике «Былое и думы» Герцен писал после расправы властей над петрашевцами: «... Россия онемела. Тогда-то, долго терпевший и не видя выхода, Грановский, утомленный, измученный, благословил судьбу умершего Белинского и завидовал его смерти!... Тогда-то он, страстно любивший Россию, просил найти ему какую-нибудь кафедру в Бельгии, потому что если и были у него силы умереть за Россию, то жить в ней не было больше сил» (13).

Через два года в этом же произведении Герцен приводит отрывок из письма Грановского ему: «... Много порядочных людей впало в отчаяние и с тупым спокойствием смотрят на происходящее. Когда же развалится этот мир?» И он прибавляет: «Слышен глухой общий ропот; но где силы? О, брат, как тяжело бремя нашей жизни!» (14).

Следует сказать, что Грановский в своих откровениях очень доверял Герцену, но бывали случаи и несогласия. Так, Грановский скептически отнесся к заграничным изданиям Герцена и был намерен полемизировать с ним на страницах «Полярной звезды», но смерть его прервала эти намерения. Грановский умер 7 октября 1855 г.

Этот эпизод полемичности в отношениях Герцена и Грановского был достаточно полно освещен учеником Грановского Б.Н. Чичериным (1828–1904), который считал, что Грановский в полемике был прежде всего историком, а Герцен – политиком, резко выступавшим против деспотизма и сочувственно к первым проявлениям социализма. «Но, когда в 48-м году социализм выступил на сцену как фанатичная пропаганда... Грановский не последовал за радикальными увлечениями Герцена, а напротив, приходил в негодование от взглядов, выраженных в "Письмах с того берега" или в "Полярной звезде" (15).

Грановский, будучи верующим человеком, достаточно толерантно относился к религии, но старался не говорить в своих лекциях о воле Божьей. Такая позиция не устраивала влиятельного Московского митрополита Филарета. И это едва не привело к запрету лекций. Но благодаря поддержке столичной общественности все обошлось благополучно. Об этом случае Грановский писал своему другу Я. Неверову: «Сам я не уйду. Ты знаешь, я не из тех, кто бежит от опасностей. Тяжело, брат. Близкие ушли, кто совсем, а кто далеко. Кругом пустота. Что же делать? Будем делать свое маленькое дело, а там что будет» (16).

Известно, что только смерть Николая I в феврале 1855 г. положила конец преследованиям Грановского со стороны властей и церкви. Недаром, встретившись на другой день после смерти царя в университетской церкви с С.М. Соловьевым, Грановский заметил: «Нет ничего удивительного, что он умер; удивительно, что мы с Вами живы» (17).

Портретную зарисовку образа Грановского в дореволюционной историографии можно завершить статьей В.О. Ключевского (1841–1911), написанной в 1905 г. к пятидесятилетию со дня смерти Грановского. Она была напечатана в газете «Русские ведомости». «История, – писал Ключевский, – сохраняя в чтениях Грановского свой строгий характер науки, становилась учительницей жизни. Это Грановский научил свою аудиторию ценить научное знание как общественную силу... Грановский сумел сохранить... веру и любовь, остался рыцарем, как его называли, благороднейшим крестоносцем, шедшим беззаветно к своей обетованной цели, без надежды на победу, но и без страха перед поражением» (18).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 4-5 // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 тт. М., 1957. Т. 9-10; Пассек Т.П. Из дальних лет // Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956; Герцен А.И. Соч. в 9 тт. Т. 9. Дневник 1842–1845 гг. М. 1958. Письма 1832–1870 гг.; Панаев И.И. Литературные воспоминания. Ч. 2 (1839-1847). Глава 5 // Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956; Станкевич Н.В. Избранное. М., 1982. Ключевский В.О. Памяти Т.Н. Грановского // Ключевский В.О. Соч. в 9 тт. М., 1989. Т. 7. С. 298-302; Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн. 18. Работы разных лет. М., 1995.
2. Гутнова Е.В. Грановский как историк // Грановский Тимофей Николаевич. Библиография. М., 1969; Дмитриев С.С. Грановский и Московский университет. М., 1969; Гутнова Е.В. Т.Н. Грановский об исторической науке // Новая и новейшая история. 1989. № 4; Дмитриев С.С. Грановский и русская общественность // Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986; Каменский З.А. Тимофей Николаевич Грановский. М., 1988; Косминский Е.А. Памяти Т.Н. Грановского // Косминский Е.А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963; Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989; Он же. Время Грановского: у истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990; Маслова Н.В., Агеева И.В. Русская история в научном наследии Т.Н. Грановского // Отечественная история. 1993. № 4; Гутнова Е.В. Тимофей Николаевич Грановский // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М., 2000. С. 107-115; Свалов А.Н. Грановский Тимофей Николаевич // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 155-164.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 2001. С. 61.
4. Грановский Т.Н. Сочинения. 4-е изд. М., 1906. Т. 1. С. 28.
5. Герцен А.И. Сочинения в 9 тт. Т. 9. С. 131.
6. Панаев И.И. Указ. соч. С. 97.
7. Пассек Т.П. Указ. соч. С. 58.
8. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 564.
9. Там же. С. 565.
10. Герцен А.И. Собр. соч. в 30 тт. Т. 23. С. 182.
11. Там же.
12. Герцен А.И. Сочинения в 9 т. Т. 8. С. 46.
13. Там же. С. 147.
14. Там же. С. 177.
15. Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 75.
16. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 643.
17. Там же.
18. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 301.

Boris A. Sutyryn

Sutyryn Boris, professor of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34.

Portrait of T. N. Granovsky in interior contemporary memoirs

The article briefly discusses the research and teaching activities of the Russian historian T. N. Granovsky. Particular attention author pays Granovsky's image preserved in the memoirs of his contemporaries and (more succinctly) he considers Granovsky's philosophy of history.

Keywords: T. N. Granovsky, A. I. Herzen, S. M. Soloviev, philosophy, history, Russian historical science.

IV. Историко-литературные опыты

С.А. Еремина

Еремина Светлана Александровна, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат филологических наук, доцент.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-12. Электронная почта/E-mail: swegle@yandex.ru.

ГОРНЫЙ СНЕГ

Публикация авторского перевода с английского языка поэтического текста, сохранившегося в составе Красной книги Хергеста, средневековой валлийской рукописи конца XIV – начала XV веков.

Ключевые слова: Уэльс, средневековая поэзия, Красная книга Хергеста, Сноудон.

Говорят, что историю мы видим фрагментарно, да и культура другого народа и другой эпохи нам представляется также довольно фрагментарно: по картинам, мемуарам и текстам различных времен. Но вот мы читаем произведение, и история и культура народа оживает.

Однажды мне на глаза попали стихи о святыне Уэльса – Сноудоне. Сноудон – имя самой большой и почитаемой валлийцами горы. Но ведь Сноудон – имя не валлийское, да и читала я эти стихи по-английски (к сожалению, валлийский мне не доступен). И вот, делая перевод, я задумалась, насколько же возможно нам открыть для себя культуру и историю другой страны, ее ценности, занимаясь переводом и так уже не собственно оригинального текста, а только его англоязычного варианта.

Представлю собственный перевод, а вместе с этим и свое видение средневековой культуры и истории загадочного и до сих пор экзотического для нас народа Уэльса.

Горный снег
(Mountain snow)

(Red Book of Hergest IV¹)

Перевод с английского С.А. Ереминой

Горный снег – вечный край белизны;
Ворон, прирученный петь.
Тяжело возвращаться после долгого сна.

Горный снег – белая лощина;
От приступа ветра деревья согнутся.
Многие любят друг друга,
Но вместе им не быть никогда.

Горный снег – ветер его разметает;
Широкая лунная сфера, зелёные листья-обрубки.
Тот, кто капризен, всегда и всем недоволен.

Горный снег – быстрый олень;
Пустырь в Прайдене^{**} – это дерзкий путь.
Понимание необходимо для чужестранца.

Горный снег – олень в горячечном беге;
Утки в пруду, белая пена.
Чуть промедлил – уже постарел и вот стал легкой добычей.

Горный снег – олень скиталец;
И лишь сочувственный взгляд улыбнется тому, кто в любви одинок.
Это старо, как наши легенды,
Я знаю – это несчастье.

Горный снег – берег белый и каменистый;
Рыба даже по броду в укрытие плывет.
Плох же тот, кто сам на себя все беды взвалил.

Горный снег – олень в уединенье;
Это естественно для вождя иметь лучистый клинок,

¹ Красная книга Хергеста, средневековая валлийская рукопись конца XIV – начала XV вв. Содержит ряд уникальных литературных и исторических текстов, в том числе «мабиноги».

^{**} Прайден (Придейн), область в средневековом Уэльсе.

А ошибкам эту бороду делать седой.

Горный снег – олень решительный, быстрый.
Я уже сделал тот шаг и обратного нет мне пути.
Может быть, я и ошибся; что ж, это не лёгкий летний денёк.

Горный снег – олень охотником загнан;
Ветер свистит над карнизами крыш.
Грех – это слишком великая тяжесть.

Горный снег – олень, застывший в прыжке;
Ветер свистит над высокой белой стеной.
Это естественно быть тишине грациозной.

Горный снег – олень в долине;
Ветер над домом свистит.
Зло не спрячешь, где бы оно ни таилось.

Горный снег – олень по отмели бродит;
Дряхлый тот, кто утратил с юностью нить.
Это то, что в плен нас берёт.

Горный снег – олень в перелеске;
Чёрный ворон и юный олень.
Кто свободен и крепок, тому странно ныть от обид.

Горный снег – олень в камышах;
Болото холодно, да медовуха в бадье.
И лишь раненый плачется долго.

Горный снег – пёстрой башни фасад;
Дай стадам приют свой найти.
Горе женщине той, что достанется скверному мужу.

Горный снег – разноцветный выступ утёса;
Сухой стебелёк; лилия быстро увянет.
Горе мужу, что примет плохую жену.

Горный снег – олень бежит по оврагу;
Долгая ночь – подходящее время воров.

Дай же пчёлам уснуть в своих сотах.

Горный снег – рост цветка из земли
так медлительно долог;
лишь лентяй отомстит за обиду не скоро.

Горный снег – в озере рыба;
Гордый ястреб; люди у трона толпятся.
И никто не добьется того, о чём страстно желает.

Горный снег – и багрова верхушка у пихты.
Гневен напор многочисленных копий.
Увы, во имя страстей, братья мои!

Горный снег – быстрый волк;
Край пустынный, он его пробежит.
Если есть недостатки у нас, то это от лени.

Горный снег – беспокойный олень;
Дождь потоком спускается с неба,
И печаль угнетает наш дух.

Горный снег – беспокойный самец;
Волны бьются о кромку земли.
Позволь же творцу спрятать все свои тайны от нас.

Горный снег – олень ходит в долине.
Лето будет спокойным, озеро тихим.
А в морозы спасет тебя твоя борода.

Горный снег – пестра душа простофили;
Пусть сильны мои руки и плечи.
Я молюсь, чтоб дожить до ста лет я не мог.

Горный снег – оголились вершины;
Изогнуты ветки деревьев; рыба ушла в глубину.
Где учения нет, там и таланта не будет.

Горный снег – рыба на мелководье;
Дай же бедняге страдальцу оленю отыскать защищённой долины.

От мертвого пользы уж нет.

Горный снег – олень в лесу;
Благодарный пешком не пойдёт.
А робкий мешает в пути.

Горный снег – олень на склоне;
Ветер свистит над обугленным лесом.
Посох – третья нога старика.

Горный снег – олень его топчет;
Утки в озере; белые лилии там.
Только злой ничего не способен услышать.

Горный снег – красные ноги у куропатки;
Мелководье; это плохо для многих.
Бесчестье, которым гордятся, есть дважды позор.

Горный снег – лёгкий олень;
В мире мало того, что уже растревожит меня.
Предостерегать того, кто бесчестье творит, напрасное дело.

Горный снег – и руно его белоснежно;

...
...

Горный снег – белоснежные крыши домов.
Если б язык рассказал то, что знает душа,
Никогда не ходить им в соседях.

Горный снег – позволь мудрецу этот день пережить;
Позволь же страдальцу болеть и остаться в печали своей, а кустарнику
обнажиться.
Это просто: глупцам достаются все несчастья, что в мире живут.

Svetlana A. Eremina

Eremina Svetlana, associate professor of the Department of Rhetoric and Intercultural Communication of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-12. Электронная почта/E-mail: swegle@yandex.ru.

Mountain snow

This publication is translation from English poetic text, which was kept in the Red Book of Hergest. It is a medieval Welsh manuscript of the XIV - XV centuries.

Keywords: Wales, medieval poetry, The Red Book of Hergest, Snowdon.

Л.С. Слободяник

Слободяник Лада Сергеевна, докторант Высшей школы экономики (130 67, Чехия, г. Прага, У. Черчилль скв., 4).

К ЧЕМУ ПРИВОДЯТ КОРОЛЕВСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ, ИЛИ НЕМНОГО ИЗ ИСТОРИИ ЧЕШСКОГО ПИВА

Публикация представляет собой историко-литературный опыт на тему истории чешского пивоварения (начиная с самых ранних упоминаний о пиве в Чехии). В работе также разбирается история возникновения отдельных, наиболее знаменитых, марок чешского пива.

Ключевые слова: пиво, Чехия, Будвайзер, Пилснер, Крушовице.

Он был мудрым человеком, который изобрел пиво
Платон

Янтарно-золотистый ароматный напиток с шапкой крепкой пены в большой пузатой кружке... напиток, словно впитавший в себя теплое сияние солнца и свежий воздух, наполненный благоуханием полевых цветов, напиток прохладный и освежающий, как чистойшая вода из ар-

тезианских скважин, напиток, который хочется вкушать снова и снова... Да, все это можно сказать только о настоящем пиве.

Как утверждают легенды, пиво – очень древний напиток, появившийся впервые не то в эпоху неолита, не то в Древнем Шумере, не то в Армении в 5 в. до н.э. Однако особой популярностью в «цивилизованной Европе» он тогда не пользовался. Видимо, его, в то время еще не совсем сбалансированный вкус, не отвечал представлениям римской знати об утонченности, и она отдавала предпочтение тонким изысканным винам. В то же время римские историки утверждали, что вот варварские племена: кельты, германцы, викинги, от которых, конечно, нечего было ждать разборчивости в выборе напитков, пиво пили, и в незначительных количествах.

По легенде, наибольших высот в пивоварении достигли друиды, которым рецепт чудесного напитка открыли боги во время одного из культовых обрядов, проводимого в глухом уголке их священной рощи. Друиды полагали, что этот уникальный напиток не только придает необычайные силы человеку, но и раскрывает его тайные способности. Возможно, так и было, ведь приготовление кельтского пива было целым ритуалом, где продумывалось и учитывалось все: от расположения звезд, места и времени совершения священного действия, а также качества дров до правильности заклинаний и того, постился ли тот, кто должен был готовить напиток, или нет!

Возможно, и чехи пользуются для приготовления пива чем-то из кельтского арсенала различных ухищрений, ведь о чешском пиве всегда слагали легенды. Наше предположение подтверждает тот факт, что именно кельты, как свидетельствуют археологические исследования, были самыми первыми обитателями территории современной Чехии. Потом кельты ушли на запад, а на их место пришли наши западнославянские братья, которых, по легенде, их праотец Чех привел туда из беспокойных хорватских земель в 644 г. Еще до этого будущие чехи уже выращивали зерно и, возможно, что-то из него варили, однако, достоверных данных об этом, к сожалению, нет.

Самые первые упоминания, относящиеся непосредственно к производству чешского пива, датируются 1088 г., когда в своей дарственной Вышеградскому капитулу первый чешский король Вратислав II вместе с различными дарами и привилегиями отписал ему десятину хмеля для приготовления пива. Здесь возникает вопрос, почему от варваров традиция пивоварения перешла монахам, и как вообще членам религиозной общины разрешили не просто варить, а даже пить пиво? Дело в том, что разрешение на производство и потребление пива монахи получили от самого Папы Римского. Сомнение в правомерности своих действий возникло впервые у баварских францисканцев. Тогда они

послали к Папе гонцов, чтобы те передали ему то, что сейчас назвали бы «пробами» пива. Папа должен был сам отведать чудесный напиток и решить как его судьбу, так и судьбу самих монахов. Однако сам путь занял так много времени, что, когда гонцы предстали, наконец, перед Папой, пиво оказалось уже, мягко говоря, подпорченным. Естественно, оно показалось Папе просто отвратительным напитком. Нет, – решил он, – такое в больших количествах да по праздникам пить совершенно немислимо, поэтому повелю-ка я пить пиво в пост. И дал монахам свое благословение. Легенда это или быль, трудно сказать, но все же именно при монастырях появились первые настоящие пивоварни.

В Чехии же пивоварение не было привилегией духовенства. В XII столетии, которое считается «золотым веком» чешского пива, король разрешал заниматься его производством всем без исключения. Поэтому пиво варилось практически в каждом доме и при том женщинами. Возможно, тогда то, что называлось пивом, было больше близко к браге, менее хмельной, но и более коварной. В любом случае, этот напиток употреблялся не только для утоления жажды, но и при приготовлении различных блюд: супов, каш и соусов. Развитие более профессионального пивоварения в Чехии относят уже к XIII в., когда происходит рост городов, получающих в качестве королевских привилегий разрешение на производство пива.

Большое значение для развития чешского пивоварения играли тогда пивоварные цехи, которые осуществляли контроль над производством напитка. Ходили слухи, что якобы весь контроль сводился совсем не к контролю за вкусом, и что критерий хорошего пива сводился совершенно к другому. А именно к следующему: пиво выливали на скамью, а затем владелец пивоварни садился на нее в специальном пивоваренном костюме, где главную роль выполняли кожаные штаны. Если штаны приклеивались к скамье, пиво объявлялось качественным, и пивовар получал разрешение на продажу пива. Однако в реальности дело обстояло совсем не так. Пивоварные цехи (кстати, первый из них возник еще в начале XIII в. в Брно) определяли, сколько пива и из какого количества солода имеет право производить один дом. Также цехи контролировали качество пива и в отличие от соседних земель смотрели, чтобы пивоварением занимался только тот, кто этому искусству обучен. Впоследствии один чешский пивовар Франтишек Ондржей Поупе открыл в Брно школу пивоваров, первую в Европе! Выпускниками этой школы стало немало выдающихся пивоваров, как из самой Чехии, так и из-за рубежа. Поэтому неудивительно, что чешское пиво уже в Средневековье было очень качественным и обильно экспортировалось в другие страны, доставляясь даже ко дворам европейских королей.

В XIV и XV вв. богатые горожане совместно основывали городские пивоварни, а в первой половине XVI в. пивоварением занялись и дворяне. Производство пива развивалось стабильно и ширилось также в монастырских стенах, где оно мало подвергалось влиянию, вызванному политическими и экономическими преобразованиями королевства. Кстати, считается, что именно монахи открыли низовое брожение, в результате которого получается пиво типа лагер. Низовое брожение называется так потому, что в ходе этого процесса закваска опускается в низ бродильного чана. При верхнем брожении наоборот – закваска идет по поверхности, и в результате получается пиво типа эль.

Между прочим, до сих пор не установлено, какие монахи были первооткрывателями низового брожения: чешские или немецкие. Чехи, естественно, настаивают, что именно они изобрели пиво типа лагер в своем знаменитом городе Пльзене, и поэтому такое пиво следует называть Пилс (Pils), то есть пиво из Пльзеня.

Кстати, об этом замечательном пиве. Пожалуй, Пилснер Урквелл (Pilsner Urquell – международное название по-немецки или Pilsněský Prazdroj по-чешски), является одним из самых знаменитых марок чешского пива. Все началось с того, что в 1295 г. году король Вацлав II заложил город Пльзень. Чтобы поддержать ремесленное производство, он даровал горожанам ряд привилегий, в том числе и разрешение варить пиво каждому желающему заняться этим прибыльным делом. Первое письменное упоминание о существовании в Пльзене пивоварни и солодовни относят к 1307 г.. Пиво, производимое там, было достаточно популярно не только в самой Чехии, но и за ее пределами, чему свидетельствует тот факт, что на международной выставке в Париже уже в 1837 г. этого пива было выпито более 1000 литров, за что пльзенские пивовары получили Гран-при. Тем не менее, качество этого пива не совсем отвечало требованиям пивоварных цехов и представителей города, ведь оно производилось мелкими пивоварнями, и технология выдерживалась далеко не всегда. И в 1838 г. в пивной истории Пльзеня наступил переломный момент: более 36 бочек местного пива было объявлено негодным к употреблению и вылито на землю прямо перед ратушей. Это событие настолько взволновало пивоваров города, что они решили просить городские власти разрешить им строительство городской пивоварни. Так появился Городской пивоваренный завод, позже Пльзенский Праздрой.

На только что открывшийся завод был приглашен баварский пивовар Йозеф Гролл, под руководством которого 5 октября 1842 г. было сварено первых 36 гектолитров (64 ведра) нового пива. В 1859 г. Пльзенским заводом была зарегистрирована торговая марка Pilsner, а в 1898 г. – уникальный бренд Pilsner Urquell, что в переводе с немецкого

означало «оригинальный Пилснер» или «Пилснер из первоисточника». Основными особенностями приготовления Pilsner Urquell до сих пор являются растущий только в Чехии «благородный» сорт хмеля Зааз (Saaz), считающийся ключевым элементом вкуса пива, а также мягкая вода и тройное вываривание на открытом огне. Недаром в Париже на бульваре Монпарнас есть бар, в карте напитков которого указано 140 марок пива, и только против 12-процентного «Праздроя» написано: «Лучшее пиво в мире». Сегодня пиво этой марки экспортируется в семьдесят стран мира, и объемы экспорта увеличиваются каждый год.

Еще одной маркой пива с немецким названием, но чешской душой, является пиво Будвайзер Будвар (Budweiser Budvar). История этой марки начинается с 1265 г., когда был основан город Будвайз. Сегодня на карте Чехии вы его найдете под именем Чешские Будеевице.

Согласно легенде, город был основан королем Пржемыслом Отакаром II, который помимо иных привилегий даровал горожанам право варить пиво и продавать его только в том городе и округе, где они жили и платили налоги. К слову сказать, данный закон был отменен только в 1850 г., что, наконец, дало возможность продавать один сорт пива по всей стране.

Упоминание о пиве Будвайзер прослеживается с 1531 г., когда оно в первый раз очутилось на столе короля Фридриха I. Вначале производством этой марки, как и в Пльзене, занимались отдельные горожане, и лишь в самом конце XV в. появилась первая городская пивоварня.

Но современный пивоваренный завод Будвар появился только в 1895 г., когда был основан Чешский акционерный пивоваренный завод, продолживший традицию варения пива, в те времена уже получившего широкую известность. Уже к концу 1896 г. на пивоварне сварили порядка 51 100 гектолитров пива. В этом же году благодаря своему высокому качеству и неповторимому замечательному вкусу, Будвайзер Будвар оценили по заслугам на Промышленной выставке в Праге, и вскоре пиво этой марки начало продаваться по всей Чехии и экспортироваться во многие страны Европы. Секрет приготовления Будвайзера до сих пор хранится в строгом секрете, и производители не разрешают производить пиво по лицензии, поскольку они полагают, что тогда пиво потеряет свой вкус, ведь нигде больше в мире вы не найдете такого хмеля, ячменя и воды, как в Чешских Будеевицах.

Однако все же говорят, что у пива Будвайзер есть двойник, Будвайзер американского происхождения. Что интересно, американская марка появилась в 1876 г., а чешская марка — немного позже, в 1895 г.. Хотя, еще задолго до появления американской марки пива, немцы-пивовары из Будеевец подписывали свою продукцию «Будвайзер», имея в виду, что пиво сварено в Будвайзе. Этот юридический казус вызвал

массу судебных разбирательств, которые продолжаются до сих пор. Конечно же, чешское пиво Будвайзер не имеет никакого отношения к американскому одноименному напитку. Хотя некоторая связь между ними все же есть. Так, однажды один из компаньонов чешского завода Будвар покинул Будеевицы и уехал в Америку, прихватив с собой рецепт и технологию приготовления популярного местного пива. А вскоре наладил его производство в Америке и даже составил конкуренцию своим бывшим коллегам с чешского завода.

В 2002 г. пивоварня Будвар смогла вернуться на североамериканский рынок после 62 лет судебных разбирательств с американской фирмой Анхойзер-Бущ (Anheuser-Busch) за право использования названия Bud. Теперь чешское пиво продается в США и Канаде под названием Чехвар (Czechvar). В сентябре 2007 г. стало известно, что Анхойзер-Бущ планируют перекупить чешский Будвар. Однако на счастье чехов, планы пока остаются только планами. Да и как можно даже представить себе отдать в чужие руки это чешское чудо! Ведь знаменитый Будвайзер занесен в Книгу рекордов Гиннеса за то, что отличается чуть сладковато-пряным ароматом и самым высоким в мире содержанием алкоголя!

Еще одной известной и поистине королевской маркой чешского пива является Крушовице (Krušovice). Пивоварня Крушовице считается одной из самых старых пивоварен в Чехии. Ее история начинается в 1517 г. Именно тогда Святовацлавский договор даровал чешским дворянам опять-таки множество привилегий. Одной из них стала возможность варить собственное пиво.

Согласно легенде Иржи Бирка из рода Бирков, проживавших в городе Насиле (Nasile), унаследовал ферму с пивоварней в селе Крушовице вблизи города Раковник (Rakovník, Средняя Чехия). Возможно, именно его отцом был Бернанд Бирка, дворянин, дипломат, камердинер чешского короля, верный соратник Иржи из Подебрад. Сам Иржи Бирка был талантливым пивоваром. Говорят, что уже тогда он варил просто замечательное пиво. Поверить в это нетрудно, ведь Крушовице с его плодородными полями и лугами, пропитанными солнечным теплом и свежим воздухом, полным запаха травы и полевых цветов, было словно создано для выращивания ячменя и солода — основных составляющих качественного пива. Гости Иржи от его пива были просто в восторге. И этот восторг выражался в настолько бурных возлияниях, что даже покой мирных обитателей соседнего Раковника нередко нарушался. Проходили дни и недели, но восторги гостей Иржи не только не прекращались, но становились все более громкими. И тогда жители Раковника не смогли сдержать то ли раздражения, то ли зависти (об этом легенда умалчивает), и сделали все для того, чтобы Иржи перенес пивоварню на рас-

стояние мили от города. Иржи пришлось подчиниться, однако это нисколько не испортило вкус его пива, а напротив – привлекло к пивоварне внимание чешского короля Рудольфа II. В 1583 г. он решил выкупить пивоварню Крушовице у Иржи вместе со всеми прилежащими к нему лесами, полями и хмельником. Именно с тех самых пор пивоварня и пиво Крушовице стали именоваться королевскими. Приобретя пивоварню, король сделал не только выгодное приобретение, но и подарок себе самому. Дело в том, что Рудольф II – самый известный любитель пива в истории Чехии, считавший пивоварение одним из важнейших дел своей жизни. И как удачно совсем неподалеку от берега Раковнинского потока, где находилось его поместье Кршивоклат (Křivoklát) со старым королевским охотничьим замком XI века, оказалась неплохая пивоварня Крушовице. Теперь король Рудольф мог не только наслаждаться охотой, но и варить свое собственное пиво! Постоянно экспериментируя с новыми рецептурами, он добивался идеального вкуса, лично контролировал качество поставляемого сырья и расширял производство. «Крушовице Мушкетёр» по праву считается пивным шедевром Рудольфа II. Он дал ему такое название в честь своих верных солдат.

Да, хорошие времена наступают для государства, когда его король занимается исключительно приготовлением пива! Но, как и все хорошее, эти светлые страницы в истории пивоварни Крушовице при короле-пивоваре сменились в годы Тридцатилетней войны страницами темными. В то холодное и жестокое время пивоварню не раз опустошали и поджигали. И возможно, в силу того, что восстановление производства пива в Крушовицах требовало больших расходов от королевского двора, а может, и оттого, что наследники Рудольфа не были такими же любителями и ценителями пива, как он, в 1685 г. пивоварня была продана Арношту Йозефу из Вальдштейна.

История старого чешского рода Вальдштейнов интересна сама по себе. Его представители всегда занимали важные посты при королевском дворе, а владения их были весьма и весьма обширны. Пожалуй, самым известным Вальдштейном был Альбрехт Вальдштейн, чешский военачальник и политик, верховный командующий императорскими войсками во время Тридцатилетней войны. Несмотря на то что он боролся против Протестантской унии и был верным сторонником императора, позднее он попал в немилость и был коварно убит солдатами короля. Тем не менее, он вошел в историю как первый военачальник, который содержал регулярную армию – и что примечательно, не на средства из королевской казны, а на денежные контрибуции побежденных стран.

Его дальний родственник Арношт Йозеф, к сожалению, не заслужил военной славы, однако вошел в чешскую историю как человек, бла-

годаря которому мы сейчас можем наслаждаться необыкновенно мягким вкусом пива Крушовице. Ведь именно он восстановил полуразрушенную пивоварню, провел техническое обновление имеющегося оборудования, построил мельницу, новую солодовню, амбары, стойла, сараи, выкопал новые погреба. А недалеко от пивоварни поставил родовой замок. После того как он умер в 1731 г., поместье Кршиовклат, включая и пивоварню Крушовице, в качестве приданого его дочери Мари Анны, перешло во владение семьи ее мужа Йозефа Вильгельма Эрнеста из старого рода Фюрнстенбергов. Так пивоварня стала передаваться по наследству немецкими князьями: от Йозефа Вильгельма его сыну Йозефу Вензелю, а затем Карлу Борромео Эгону. Последний был императорским камердинером и тайным советником, а в 1771–1782 гг. занимал должность бургграфа Чешского Королевства. Его заботой было повышение уровня образования простого люда, а также развитие наук и искусств. Может быть, именно поэтому его наследники в течение почти 200 лет развивали производство на пивоварне Крушовице, оснащая ее самым современным по тем временам оборудованием.

Постепенно пиво под маркой Крушовице стало настолько популярным, что его начали продавать не только по всей Чехии, но и поставлять в Германию. К середине XIX в. в Крушовицах варили уже 100 партий пива в год. Особенной оценкой наивысшего качества пива Крушовице было получение золотой медали на Юбилейной промышленной выставке в Праге в 1891 году.

В период Первой мировой войны производство пива в Крушовицах было приостановлено, но вскоре снова возобновилось и даже увеличилось. Завод принадлежал Фюрнстенбергам до 1945 г., в этом же году он был национализирован декретом президента республики и принадлежал государственным компаниям до 1991 г..

«Немецкая» же традиция завода Krušovice продолжается и сегодня: вместо Фюрнстенбергов теперь он принадлежит немецкому пищевому концерну Dr. Oetker и выпускает более 1 миллиона гектолитров пива в год. Несмотря на столь долгую и не всегда простую историю, Королевский пивоваренный завод Крушовице является сегодня самым быстроразвивающимся заводом во всей Европе, успешно экспортирующим свою продукцию в Польшу, Словакию, Германию, Финляндию и другие европейские страны.

Конечно, тремя выше перечисленными марками чешское пиво совсем не исчерпывается. Мы понимаем, что наш рассказ – это просто «капля» в море пива, производимого в Чехии, и что продолжать говорить на эту увлекательную тему можно еще очень-очень долго. Ведь чешское пиво по праву славится своей интересной историей и тем, как все – от короля до простого горожанина – не мыслили себя без собст-

венного пива! Как сказал когда-то Ярослав Гашек: «У нас любовь к пиву – явление историческое, опирающееся на многочисленные привилегии, пожалованные нашими королями, повелевавшими городам пиво варить, а подданным – его пить». Воистину это так. Чехия без своего пива уже не была бы Чехией. Отдадим и мы дань чешской истории – выпьем по кружечке!

Lada S. Slobodiyank

Slobodiyank Lada, doctoral of The University of Economics, Prague (130 67, Czech Republic, Prague, W. Churchill Sq. 4).

What can cause regality or a few words of the history of Czech beer

This publication is a literary-historical narrative, in which the author discusses some problems in the history of Czech brewing, from the earliest mention of beer in the Czech Republic. The author examines the history of the most famous brands of Czech beer.

Keywords: beer, Czech Republic, Budweiser, Pilsner, Krusovice.

В.Н. Земцов

Земцов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); доктор исторических наук, профессор.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

«УЗНИК» ЗАМКА ИФ

Представленный рассказ, написанный в стиле историко-философского травелога, поднимает проблему зависимости историка от судеб исторических и литературных героев прошлого. Рассказ написан на основе собственных впечатлений автора от посещения замка Иф и рассказа его друга Виктора Г.

Ключевые слова: постижение прошлого; роман «Граф Монте-Кристо»; замок Иф.

– А! Так ты бывал в замке Иф! Тем лучше! – воскликнул мой старый друг Виктор, с которым мы наконец-то, спустя 15 лет после наших путешествий по Британии, впервые встретились в одной из московских «забегаловок».

Мы болтали уже несколько часов, с упоением рассказывая друг другу о перипетиях наших судеб, возвращаясь время от времени к воспоминаниям о славных днях, проведенных когда-то вместе в Уэльсе и йоркширских мурах*. За эти 15 лет, которые, казалось, промелькнули столь быстро, Виктор повидал и испытал многое из того, о чем когда-то в детстве и юности, живя в Сибири и читая книжки о дальних странах и путешествиях, мог только мечтать. Одна из рассказанных им в тот день историй меня особенно поразила и увлекла. То была история о странном «узнике» замка Иф, «узнике», который чем-то напомнил мне меня самого, да, впрочем, собственно говоря, и многих из тех, кто попал в своей жизни под смертельное обаяние магического Прошлого. Я не уверен, что вся эта история была рассказана Виктором в той хмельной московской пивнушке именно так, как мне сейчас представляется; пива было к тому времени выпито немало, да и мои собственные воспоминания о замке и чудном Марселе удивительно переплелись с повествованием моего друга... И все же попытаюсь этот рассказ воспроизвести.

История, рассказанная Виктором

– Если ты помнишь, Владимир, – начал свой рассказ Виктор, лет 10–12 назад, когда я окончательно решил остаться за границей, мне пришлось туго, и я хватался за любую работу?

– Да, как же... Помнится, ты писал, что тебе одно время даже негде было и ночевать, и ты вечером оставался на кафедре, заглатывал с хлебом их паршивые сосиски и устраивался спать на письменном столе. А утром, когда появлялась уборщица, должен был уже сидеть за компьютером и изображать из себя этакого трудоголика...

– Ну да. Значит, помнишь... Так вот, однажды должен я был (дело было летом) встретить груз сизалья, который через Марсель шел из Эфиопии. Представляешь?

– Сизалья?!

– Да! Ну что же поделать? Обещали хорошо заплатить... Добрался я до Парижа на автобусе, все с того же Victoria bus station, откуда ты меня провожал в Индию в 95-м. Не останавливаясь во французской столице, сел на Лионском вокзале на поезд, или, как они называют, TGV, и помчался в Марсель. Французский, как ты знаешь, у меня никакой, так

* Муры (от англ. moors) – пустоши или незаселенные пространства, занятые лесами.

что всю дорогу молчал, думал о разном... И знаешь, поймал себя на том, что все время вспоминаю «графа Монте-Кристо», и роман (помню даже, каким было издание, которое читал, такие зеленого цвета тома) и замечательный фильм с Жаном Маре... Впечатление было такое, что я еду куда-то в детство, к самому себе...

– Ба! Да ты не первый! Я чувствовал то же самое! Но лучше всех рассказал об этом галисиец Альфредо Конде в своем «Грифоне»... Впрочем, извини. Что же было дальше?

– Ну вот, прибыл я часа через три, очень быстро, на железнодорожный вокзал. Замечательное сооружение! Его построили где-то в середине XIX века. Много ажурности и, знаешь, чего-то восточного, африканского... Но разглядывать все это мне тогда было недосуг – надо было бежать в порт. Не в Старый порт, откуда, как я уже знал, отправляется кораблик в замок Иф, а в новый, большой, построенный, кстати сказать, тоже в XIX веке, куда должен был прибыть мой груз сизаля.

Я выбежал из здания вокзала и обомлел: передо мной, под синим небом, расстился ослепительный город – Марсель. Знаешь, я ведь до этого никогда не видел южных городов, и даже не мог представить всю их яркость и очарование...

Что-то я увлекся... Помнится, тогда я думал о другом – как поскорее добежать до порта. По карте, вроде, было не далеко, и дошел я туда пешком достаточно быстро, но, знаешь, там, у порта, пришлось идти по малопривлекательным кварталам – Африка вперемешку с азиатами! Говорят, особенно много сюда понаехало алжирцев, но видел и китайцев и, по-моему, вьетнамцев. В общем, добрался я до порта, нашел все, что было нужно, определился, что же мне делать завтра, когда разгрузят мой корабль, и... Захотелось мне, Владимир, броситься немедленно туда, в Старый порт, и добраться до острова Иф. Времени было где-то часа три, вещей со мной было немного, и я пешком, прямо вдоль портовых строений, напрямик, двинулся в этот самый Старый порт. Идти, вопреки моим расчетам, пришлось немало, да еще по жаре, с дорожной сумкой, но дошел. Слева, пока шел, видел какую-то большую церковь, собор Ла Мажор, как узнал потом, в византийском стиле, а справа и впереди, в море, виднелись острова – Фриульские острова, на одном из которых, том, что поменьше и поближе, возвышались стены и башни... Неужели это он, замок Иф?! Попаду ли туда? Успею ли добраться?! Знаешь, даже дыхание перехватывало – так хотелось туда, в детство, к самому себе...

Наконец, добрался я до большого мола, на котором стоит форт, с большой круглой башней, похожей на старый маяк – форт Сен-Жан, и оттуда, с мола, открылся потрясающий вид: далеко впереди, на горе – мощный собор – Нотр-Дам-де-ла-Гард, внизу и правее, на той стороне у

входа в порт, – еще какие-то крепостные сооружения – форт Сен-Николь, еще правее – какой-то дворец, а там, в море, на фоне больших островов, был он, замок графа Монте-Кристо... И небо – синее-синее. Не скрою, что просто захотелось сесть на камни, сидеть так и смотреть, впитывать в себя всю эту красоту. Да и устал я уже порядком. Ладно, думаю, будь что будет – успею, так успею, нет, так и нет. Сел на какую-то каменную скамейку возле форта, достал бутерброд, воды... Поел.

А солнце греет, жара... Хотя, конечно, уже не так как днем, но я-то ведь уже устал. Ну вот, думаю, пойду сейчас вдоль Старого порта, не спеша, поглазею, сверну куда-нибудь в кварталы победнее, найду гостиницу подешевле (других вариантов переночевать у меня не было, да и заранее я не смог ни с одним отелем созвониться), и хотя бы отдохну. А замок Иф посмотрю как-нибудь в другой раз.

Но, знаешь, Владимир, когда среди яхт и каких-то небольших парусных судов я увидел маленький катерок, и понял, что это и есть как раз тот кораблик, который увозит людей в замок Иф, на встречу с их детством и юностью, и уже вот-вот он отчалит... А я, может быть, так никогда и не увижу этот островок моих детских воспоминаний, если сейчас же не сяду на этот корабль... Ты понимаешь: выбор мог быть только один. Я купил билет, залез к катерок, он отчалил и, вначале не спеша, когда выходил из порта, а затем быстро, даже стремительно, помчался к замку Иф. Я крутил головой во все стороны – так было красиво кругом: справа и слева – форты, чуть дальше – шпиль Нотр-Дам-де-ла-Гард, прямо по курсу – он, остров моего детства, и над всем этим – синее, чуть голубоватое, с каким-то розовым отливом, южное французское небо! Пассажиров было человек 20, какая-то разношерстная публика, даже какое-то негритянское (но явно не из Марсея) семейство, но все вели себя как-то тихо, сосредоточенно, верно тоже ждали встречи со своим детством.

Минут через 30 мы были уже у замка, причалили, стали вылезать и ползти куда-то вверх по некрутой каменистой дорожке... Впрочем, ты ведь и сам все знаешь, как там: покупаешь билет, берешь небольшой проспект (я, конечно, взял на английском) и бродишь – вначале по самому замку, осматриваешь башни, как сейчас помню – Святого Христофора (самая большая), Святого Жерома и какого-то Могувэра, заходишь в камеры, конечно, вначале к «Дантесу» и «аббату Фариа», прикидываешь, можно ли пролезть через отверстие в стене, которое проковыряли, конечно, специально для туристов, бродишь по внутреннему дворику, а потом выползаешь за ворота замка и оглядываешь окрестности – казарму, где у них туалет, внешние стены... Кто-то заходит в маленький ресторанчик и, отхлебывая пиво или кока-колу, любитесь видом Марсея. Денег, как ты знаешь, у меня было не много, вода у меня была своя,

хоть и теплая, сидеть в ресторане, точнее – баре, я не стал, а начал прикидывать, откуда же это можно было сбрасывать из замка трупы, зашитые в мешок.

А, ты тоже пытался понять? Ну да, нет там такого места. По крайней мере, я не нашел. И сразу стало как-то грустно, как будто понял, что в детстве тебя не то чтобы обманули, но... в общем, рассказали сказку, в которую ты на всю жизнь поверил, и только вот сейчас, через много-много лет, понял, что это была неправда, и так быть не могло...

Мои грустные размышления сглаживало только то, что вокруг было жутко красиво, плескалось о скалы теплое море, и я, к своему несчастью или же, наоборот, к счастью, решил искупаться. Я спустился там, где у них причал, к воде, а затем, по кромке берега, возле стен, пошел дальше. Мне все не терпелось углядеть, где же могли тюремщики сбросить «Дантеса». Так и прошел я немалое расстояние. Наконец, плюнул на всю эту затею с поиском удобного места для сбрасывания покойников, разделся до трусов, думаю – быстро обсохну, пробрался по камням до воды – теплая! – и поплыл! Ну, прямо Дантес! Вот это счастье! Кажется, воды моря совсем примирили меня с «детским обманом». Бултыхался я не долго – боялся пропустить катер, который повезет туристов обратно. Вылез на берег, лег на травку (камни были просто горячими!), растянулся и... задремал. Не знаю точно, сколько прошло минут, думаю, совсем немного, как кто-то изнутри толкнул меня, и я открыл глаза – по морской глади шел тот самый катер, который привез меня к замку Иф. Теперь он шел куда-то к соседнему острову и, как я понял, увозил с собой последнюю в этот день группу туристов, которая посетила замок! Боже! Вот попал! Я вскочил, натянул на еще мокрые трусы брюки, надел ботинки, схватил все остальные вещи в охапку и бросился к причалу. Он был, конечно, пуст. Кораблик действительно всех увез! Кричать было бесполезно, я взбежал к воротам (они были не заперты!) и только тогда начал кричать, надеясь на то, что на острове все-таки кто-то должен быть. Вдруг вспомнил (будто обухом по голове ударили!), что было написано в проспекте – на острове никто не живет! Но почему тогда были открыты ворота крепости? Я бросился к замку – его ворота были закрыты, побежал к «казарме», – тоже закрыты... Маяк! – вот где может кто-то быть – мелькнуло в моей голове. Но еще до того как я устремился туда, меня окликнули. Я обернулся – то был человек, которого я час назад видел за стойкой в баре.

– Месье, месье... Же не па... – И я сразу затем перешел на английский, и правильно сделал.

Здесь Виктор взял паузу, отхлебнул пива и, наконец, произнес:

– Догадайся, кто это был! Какой национальности?

«Русский? – вначале подумал я. – Нет, не слишком ли это просто? А может...» – Здесь я вспомнил наши странствия по Уэльсу.

– Валлиец! – выпалил я.

– Да! – заорал Виктор. Мы обнялись и на минуту присосались к пивным кружкам, совершенно счастливые этой минутой.

– Да, какой-то Дэвис. Не знаю, как было его имя. Он просто так и представился – Дэвис, и все. Он был барменом, и ему негде было жить в Марселе, вот он и оставался на ночь на острове. Лет где-то под пятьдесят, седой, небольшого роста. Такие, как он, в Уэльсе на каждом шагу.

Знаешь, они, валлийцы, прямо как мы, русские, человека в беде не бросят. Впрочем, – здесь Виктор задумался, – есть, конечно, наверное, разные... Но этот был хороший человек, и не просто хороший... Я даже помылся под душем – там, в их «казарме» есть душ. Потом он меня покормил. Знаешь, чем? – жареной картошкой! Кажется, он был рад, что кто-то тоже оказался на этом острове. А потом он повел меня... Никогда не догадаешься! – смотреть закат!

Солнце там заходит ровнехонько за двумя соседними островами и, то ли поэтому, то ли по каким-то другим причинам, справа и слева от островов, там, где небо соприкасается с морем, возникает какая-то странная полоса света, какого-то неуловимого розового оттенка. Дэвис сказал, что это длится совсем недолго – несколько минут, и только в это время года, а весной, осенью и зимой все происходит совсем иначе.

Я уже тогда понял, когда мы смотрели на закат, устроившись возле какой-то амбразуры сразу за большой башней Святого Христофора, что этот валлиец какой-то... странный, а может, и не совсем в себе... Помнишь, Владимир, Томаса, который чуть не угробил нас в йоркширских мурах и который заставлял нас любоваться деревьями на фоне заката?! Он ведь потом совсем сбрендил! Его потом отправили в больницу. Но этот, Дэвис, был какой-то другой, более спокойный, что ли. И я понял, что ему хочется поговорить хоть с кем-то. Тем более я сказал ему, что был в его Уэльсе, да еще на юге, и что я просто очарован его родиной... Ты понимаешь?! Да! Он был рад, так что весь начал светиться. Оказалось, он из Милфорд-Хэйвена, бывший моряк. И он мне рассказал свою историю. Уж не знаю, точно ли все я смогу сейчас вспомнить, но в общих чертах, его история была такой...

История, рассказанная Дэвисом (в пересказе Виктора)

– Как я уже говорил, родился я в Милфорд-Хэйвене, небольшом городке на Юге Уэльса, где когда-то чуть ли не все мужчины были рыбаками. Кто ходил далеко, в Атлантику или даже в Северные моря на

больших рыболовецких судах, а кто (как мой дед и мой отец, когда он был молод) рыбачил недалеко, в ближних водах, и на жизнь всем хватало. Но потом, где-то в 60-х, многое изменилось – отцу моему пришлось наняться матросом на большой корабль и, вначале на три месяца, а потом на полгода уйти на промысел в Атлантику. Там он и сгинул, а мне, еще совсем молодому парню, пришлось идти работать на нефтяные терминалы, которые выросли недалеко от нашего городка. Как и отец мой, я говорил по-английски. Собственно, мало кто из моего поколения его уже не знал – все говорили – и в школе и дома, да и почти все книги, газеты, телевидение... были на английском. Кстати, и фильм я тогда увидел – «граф Монте-Кристо», французский, отличный фильм, а потом и книгу прочитал... Кто бы мог тогда подумать, что я окажусь здесь...

Ну вот, проработал я на этих терминалах года два, разнорабочим, но как-то все не то... Хотелось подкопить денег, жениться (девушка у меня тогда была...), да и надоела уже мне эта работа – хотелось хоть на время куда-нибудь уехать, мир посмотреть... И решил я, как мой отец, стать моряком. Хотя моя мать и братья (где они сейчас – не знаю, а мать уже давно умерла) отговаривали, все отца вспоминали... Но я был тогда решительный мальчик, и ушел в море.

Дэвис замолчал. Потом налил еще большую чашку чая с молоком (мы сидели за столиком в баре, где Дэвис работал), глянул на меня как-то странно, тяжело и мне показалось, что дальше он уже ничего мне рассказывать не будет. Мы молча сидели минут десять, отхлебывали чай, жевали какие-то галеты. За окнами было совсем темно. Знаешь, как наступает южная ночь – как-то вдруг, сразу. Я спросил, почему он не идет зажигать маяк. Дэвис улыбнулся, вздохнул, пожал плечами и сказал, что все давно происходит автоматически, и он, Дэвис, здесь, собственно говоря, и не нужен.

– Ладно, – сказал он, – дорасскажу... Но только о морях и странах говорить не буду.

Попал я, в конце концов, в кораблекрушение, и ничего такого, романтического, как в книгах и в фильмах, там не было... Когда-то читал такой рассказ одного ирландца (был он в одной небольшой книжке в судовой библиотеке; не знаю, зачем вообще такое держать на судне!) – «Глаза мертвецов». Так вот это обо мне.

Компания, которая наняла нас, объявила себя банкротом и, что называется, умыла руки. А крушение это произошло возле Йемена – судно напоролось на какую-то старую мину и пошло ко дну. Нас в живых (там, вроде, был кто-то из ваших краев, украинец, кажется) осталось человек 20, и выбирались мы оттуда кто как мог. Ну и натерпелись мы тогда! Все бы ничего, только я во время крушения повредил себе руку,

условий для лечения – никаких. Йемен! Арабы! Они только и думали, как и что содрать с нас... Руку-то я спас, но она у меня стала сохнуть.

Матери к тому времени уже не было – умерла. Братья разъехались, ну а невеста... еще раньше всех событий, решила меня больше не ждать. Потом еще думал: ну прямо как Мерседес в «Графе Монте-Кристо». Хотя, нет, конечно: у меня все было по-другому.

Ну вот, в конце концов, года два назад, оказался я в Марселе. Здесь много таких... Кое-какие заработки я находил, но знаешь, с одной рукой... Конечно, рука действует, но плохо... Ни моряком, ни в порт на разгрузку меня не брали. И вот, в конце концов, оказался я здесь, барменом, и сижу уже второй год.

Дэвис с грустью посмотрел на меня. Мы опять замолчали. Весь остров погрузился в тишину. Издалека, со стороны Марселя, освещенного огнями, доносился гул большого портового города, да на соседних островах, на которых строения тоже были освещены, отмечали какой-то праздник. А так, на самом острове, была тишина, полная тишина. Цикады, которые всюду заливались в кустах и деревьях, еще более создавали эффект абсолютного, даже какого-то мертвого, покоя. Но если для меня все то, что сейчас происходило, было совершенной, фантастической ирреальностью, невысказанным волшебством, то Дэвиса, видимо, одолевали другие чувства и мысли. Ему, как мне показалось, хотелось разорвать обруч тягостных ощущений, ощущений одиночества, который давил его столько месяцев.

– Я думал, что окажусь здесь ненадолго. Мне обещали найти другую работу, тоже бармена или что-то вроде этого, в самом городе, недалеко от порта. Да, собственно говоря, поначалу мне здесь показалось неплохо – народ приличный, работы немного, есть где поспать. Раньше, понимаешь, все, кто здесь работал, ну, билетеры, зрители, бармен – уезжали с последним катером. А мне в Марселе жить было негде, вот я и начал оставаться здесь. Босс был не против, тем более, что я стал вроде сторожа, да и туалеты мою – для меня это дело привычное, на судне, знаете, ко всему привыкаешь.

Поначалу все было хорошо, даже интересно. Иногда и по самому замку походишь, посмотришь на камеры, прикинешь, где и как все было... Помню, в первую же неделю, как я здесь появился, пристроился я к одной группе американцев. По-французски-то я говорю, как и все здесь в Марселе, может и не совсем правильно, но говорю. И все же на английском общаюсь как-то привычнее.

Знаете, мы, валлийцы, любим помечтать, пофантазировать. О короле Артуре слышали? – так это мы его придумали, и Мерлина тоже. И попеть мы любим, и сказки всякие рассказать. Но, как оказалось, французы нас перешеголяли. Как я тогда понял, когда был с этой экскурсией,

никакой Железной маски здесь и не было (а над одной из камер прямо так и висит табличка, мол, здесь был Железная маска!). Не было и Дантеса! Лаз в камеру аббата Фариа кто-то специально сделал, чтобы туристов дурить. Да и покойника-то отсюда, как ни старайся, в море не сбросишь! Все французский писатель Дюма выдумал, и деньги большие огреб! Видел я потом здесь одного экскурсовода, так он продавал туристам перья из рыбьих хрящей, которые аббат Фариа вырезал! И брали перья! Французы, – они такие... Мы-то, валлийцы, от чистого сердца, от души, они же – ради денег. Деньги, конечно, нужны всем, но не таким же обманом...

Вот тогда-то мне стало здесь, на острове, как-то не по себе, не интересно, и стал я ждать, когда же получу работу в Марселе, где много людей, и где нет этого одиночества...

Дэвис снова минуты на две замолчал. Я чувствовал, что скоро стану клевать носом, но понимал, что происходит что-то совершенно необыкновенное, и даже представил, как когда-нибудь все это расскажу тебе, и поэтому решил дослушать «исповедь» этого валлийца до конца.

Дэвис, как я понял, думал в ту минуту о месяцах и даже годах одиночества на этом острове. «Узник замка Иф», – подумал я, и здесь же произнес:

– Узник замка Иф.

– Да, точно, совершенно точно. Я тоже это быстро понял и стал себя сравнивать с Дантесом, которого заточили под номером 34. Конечно, сравнивать условия моей жизни с теми, в которых жили заключенные замка смешно, да и как моряк я привык к кубрику, к кораблю, а он часто сам как тюрьма... Здесь мое «заточение» было даже комфортным, но это все равно заточение. А главное – я не знал, что у меня там, впереди, за стенами этого замка... Хотела, было, тут одна... билетершей работает, меня приклеить... даже просто, чтобы я ее оттрахал, но я почему-то почувствовал, что не хочу. Не хочу – и все тут! Не хочу, потому что одиночество, оно сильно меняет человека, меняет изнутри, выжигает все его чувства. Если бы Дантес не встретил тогда аббата Фариа, он бы сбесился или же переродился бы через несколько лет так, что уже никто не смог бы увидеть в нем чего-то человеческого. И я тоже почувствовал, как меняюсь, меняюсь очень быстро, и мне все становится безразличным, пустым, не имеющим смысла... Хотелось только одного – быстрее отсюда вырваться, из этой «истории», придуманной когда-то Дюма, и узником которой я теперь стал.

Но получить работу в Марселе все никак не получалось – оппал один вариант, потом другой. И я должен был как-то заполнить свое время, время заключенного замка Иф.

– Но ведь вы работали, принимали товар, что называется, отчитывались, стояли за стойкой.

– О, это отнимало не так много времени. У меня оставались все вечера, и все ночи, когда я был совершенно один, один на один с пустотой моей жизни, в центре придуманной, и такой же пустой истории.

Так я промучился примерно год, в ожидании, когда же отсюда, наконец, вырвусь. Но знаете, как-то постепенно, не могу сказать точно, когда это началось, стали происходить какие-то перемены и иного рода. Вначале у меня появились знакомые ящерицы. Да, ящерицы. Здесь их много. Забавные существа. Хотят казаться страшными, а на самом деле они совсем беззащитны. Я даже стал их подкармливать всякими мошками. Они меня теперь не боятся. Я начал наблюдать закаты. Это для меня своего рода ритуал. Вначале я любовался ими просто так – и они мне казались одинаковыми, но потом я стал различать, какие они разные, не похожие один на другой... И особенно хороши (здесь это бывает не очень часто, но бывает) переходы от одного цвета к другому возле той линии, где небо и море соединяются друг с другом. Я уже не говорю, что закаты в разное время года бывают очень разными. Кажется, я начал замечать, как красивы закаты, когда еще плавал на кораблях, но там для любования просто не было времени. Теперь же от этого я получаю неизъяснимое удовольствие.

Знаете, а потом я открыл для себя то, что можно назвать подлинной историей этого острова и этого замка! Представляете, здесь жил носорог! Его привезли из Индии в Португалию, а оттуда отправили в Рим как подарок папе римскому. Но почему-то его на некоторое время оставили здесь, на острове. Французский король, который оказался неподалеку, даже специально приехал посмотреть на этого зверя. Знаете, я носорогов видел в зоопарке. Милое животное. Большое, по виду страшное, но, в сущности, простое и добросердечное. Я тогда подумал: зачем их держат в зоопарке? Вообще – зачем животных держат в зоопарке, как узников, как преступников? Причем, люди знают, что они, эти животные, уже никогда не выйдут на волю... И этого носорога, который предназначался для папы римского, мне тоже стало как-то жаль. Да, я понимаю, не такому человеку, как мне, который бог знает, что видел на своем веку, говорить о жалости. Но когда я сам побывал в «заключении» на этом острове, мне стало жаль этого носорога. Он прожил недолго – корабль с ним попал в шторм в Генуэзском заливе, и его выбросило на скалы... Потом из него сделали чучело – набили соломой.

И вот от ящериц, закатов и носорога я вскоре перешел к истории этих стен, подлинной истории. Вы видели надписи, процарапанные на стенах камер? Их оставили узники, люди, живые, настоящие, а не придуманные. Через эти стены прошло 3,5 тыс. протестантов! Более сотни

рабочих томились здесь после восстания 1848 года, и кто-то, издаваясь, написал над дверью во двор – «Резиденция суверенного народа», а потом еще – сотни и сотни, тысячи узников, которых отправляли в Алжир и Гвиану. Говорят, иногда камеры оказывались так забиты людьми, что многие погибали от удушья. Вот она история! А кого-то здесь и расстреливали, душили в камерах во сне...

Как-то я узнал, что, оказывается, аббат Фариа существовал в действительности и в самом деле сидел здесь. Он родился в португальском Гоа, я там бывал...

– И я был в Гоа, Старом Гоа, удивительное место, – вскричал я, перебивая Дэвиса, столь сильны были эти воспоминания о моем путешествии в Индию. Владимир, ты ведь помнишь, я писал тебе, как с одним немцем, тоже путешественником, мы встретили в старом форте и закат, и рассвет над океаном...

– Да, согласен, красивое место, – поддержал Дэвис, – и я как-то сразу расположился к этому Фариа. Из Гоа их семья перебралась в Лиссабон, оказалась при королевском дворе, но потом почему-то (уже не помню точно, что там было) бежала в Париж, прямо накануне их революции. Ну и закрутилось: то Фариа был революционером, то пытался уйти в науку и изучать гипноз. В конечном итоге, его все-таки арестовали и посадили сюда, в замок Иф, откуда он вышел только после падения Наполеона.

Да, а вы видели в одной из башен стоит нечто, напоминающее гроб? Так вот, здесь много лет находился запаянный гроб с телом генералом Клебера, которого убил какой-то египтянин-фанатик в 1800 году. В общем, чего тут и кого тут в замке только не было! Куда там всяким «Железным маскам» и «Эдмонам Дантесам»!

Глаза Дэвиса горели, его лицо дышало страстью.

– Знаете, я здесь перечитал уйму книжек по истории – мне их дают наши историки. Слава богу, остались еще такие, кто не только деньги зашибает, придумывает всякую всячину о графе Монте-Кристо и не загоняет туристам по 5 евро перья, сделанные аббатом Фариа!.. Они знают, что говорят...

Кажется, рассказ Дэвиса подходил к концу. Было совсем поздно и, если час назад я уже клевал носом, то теперь голова моя просто падала, а глаза закрывались сами собой.

– Завтра я последний день на этом острове... Кажется, на этот раз все уже решено окончательно, и я буду работать в небольшом мини-маркете в порту, в том, настоящем. Там же буду и жить – сторожить и убирать. И, знаешь, приятель, мне теперь совсем не хочется туда съезжать. Понимаешь, совсем! Так долго я мечтал вырваться отсюда, и вот, завтра, – свобода! Но зачем она мне? Здесь все мое, я часть этого замка!

Не того, липового, туристского аттракциона с Эдмоном Дантесом, но настоящего замка – с его камнями с надписями узников, с его носорогом, которого я так хорошо представляю, с аббатом Фариа, с ящерицами, закатами и восходами... Наконец, не представляю, как я проживу без всего этого! Это мое, это настоящее! А что там? – Арабы, малайцы и китайцы? Всякая местная рвань... Собственно, я и сам не марседец и не француз, и тоже появился здесь бог знает откуда... Но ведь я уже стал другим. И я чувствую и понимаю, что здесь, в замке, могу обо все рассказать не хуже любого чичероне, который вешает туристам лапшу на уши. Может быть, я и не говорю так, как они по-французски, но, поверь, я бы никогда не стал так лгать, как это делают они. Эти французы скоро вообще про...ут всю свою Францию!

Ладно... Что-то я разговорился сегодня. Да и понятно, почему. Кажется, вы, русские, неплохие ребята, и чем-то походите на нас, валлийцев. Ваших тоже сейчас много стало в Марселе, и нас в свое время разбрелось по миру немало. Но что-то в нас с вами есть такое, настоящее, какая-то открытость, что ли, и сила, внутренняя сила, настоящая, не показушная... Да... Завтра будет тяжелый день. Надо ложиться спать.

С этими словами Дэвис, которому, казалось, совсем и не хотелось спать, отвел меня к себе в комнату, уложил на матрац, а сам ушел неизвестно куда. Думаю, прощаться с островом.

К тому времени, как Виктор заканчивал пересказ истории валлийца, наши головы также уже с трудом могли сохранять вертикальное положение. Но оказалось, что у этой истории было продолжение. Его Виктор приберег напоследок. Вот оно.

Продолжение рассказа Виктора

– Через год я снова был в Марселе. И все по тем же самым делам. Что поделать? В течение этого года мне часто вспоминался тот валлиец, и на этот раз я решил во что бы то ни стало найти его и узнать, как он устроился и как ему живется. Понятно, что искать его возле большого порта, в некоем мини-маркете, среди арабов и негров, было бесполезно, да и небезопасно. Поэтому я решил, если найдется время, снова посетить замок Иф и справиться там, не знают ли они его адрес или хотя бы, что с ним сейчас.

Нашел ту самую пристань с тем самым корабликом, что возит туристов туда и обратно на остров, взял билет. Странно, но на этот раз того, прежнего чувства, будто я еду на встречу с самим собой, со своим детством, не было. Я думал о превратностях человеческой судьбы и о том, как прошлое, настоящее, подлинное, людское, вопреки нашей воле и

желанию, нами овладевает. Но есть ли прошлое без будущего, как у того валлийца, которого я встретил год назад? Ведь у него уже не было будущего, по крайней мере, он не представлял, что оно у него есть, и жил только в прошлом, причем, тоже не в своем прошлом! И страна была не его, и герои его мира – начиная с носорога и заканчивая генералом Клебером – были, в сущности, чужими... Или все-таки они стали теперь и его героями?

Когда катерок причалил, и я взял билет, то сразу прошел к «ресторану». Бармен, кучерявый француз средних лет, который стоял теперь за стойкой вместо Дэвиса, на мой вопрос о его предшественнике только пожал плечами. Он, как оказалось, здесь совсем недавно, месяца два, и поэтому предложил спросить у билетерши, женщины неопределенных лет, которая здесь, по его словам, работает давно и немного говорит по-английски.

Я подошел к ней, представился и спросил о Дэвисе. Она странно на меня посмотрела и сказала, что он умер.

Кажется, заданный мною вопрос, сам по себе, ее удивил. Когда же она увидела, как я был огорчен ее ответом, то спросила, почему я спрашиваю об этом человеке. Я сказал, что год назад был его гостем и знаю, как ему не хотелось отсюда уезжать. Она снова как-то странно посмотрела на меня и сухо сказала, что ему и не следовало уезжать отсюда, что потом он сильно тосковал о замке, поэтому и умер. Больше мне женщина ничего не сказала.

Да, завершение этой истории было сильным. Мы оба, я и Виктор, как-то даже немного протрезвели, и каждый подумал о себе, о своей судьбе, о корнях, о будущем, о своем выборе в этой жизни. Или же о том, есть ли этот выбор вообще...

Сейчас, когда я пишу эти строки и пытаюсь как можно точнее воспроизвести все обстоятельства той встречи с Виктором и слова, им сказанные, у меня возникает странное чувство чего-то ирреального. По крайней мере, я не вполне уверен, что смог точно передать рассказ моего товарища и еще более сомневаюсь в том, насколько мне удалось воспроизвести историю Дэвиса в пересказе Виктора... Да и сам я был тогда под сильным хмельком... А может, вся эта история со странным валлийцем, ставшим «узником» замка Иф, и, получившим долгожданную «свободу», неожиданно умершем, – только химера, возникшая в моем мозгу благодаря пиву и собственным воспоминаниям о замке? Кто ж его знает... А может, все же, все так оно и было...

Vladimir N. Zemtsov

Zemtsov Vladimir, the Head of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

"The Prisoner" of Château d'If

Presented the story written in the style of historical and philosophical travelogue, raises the issue of the fate depending historical and literary heroes of the past. The story is written based on the author's own impressions from visiting the Chateau d'If and the story of his friend Victor G.

Keywords: comprehension of the past; novel "The Count of Monte Cristo"; Château d'If.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агапов Михаил Геннадьевич – доцент кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Грибан Ирина Владимировна – аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, директор музея истории УрГПУ.

Еремина Светлана Александровна – доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук, доцент.

Заводовская Мария Анатольевна – аспирант Института истории и политических наук Тюменского государственного университета.

Замов Эдуард Александрович – доцент кафедры востоковедения Уральского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Земцов Владимир Николаевич – заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

Орлов Александр Анатольевич – доцент кафедры всеобщей истории и теологии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, доктор исторических наук, доцент.

Постникова Алена Александровна – аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Светлова Людмила Владимировна – аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Слободяник Лада Сергеевна – докторант Высшей школы экономики (г. Прага).

Соколова Елена Станиславовна – доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

Сутырин Борис Алексеевич – профессор кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, профессор.

Шумкина Татьяна Геннадьевна – доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Запад, Восток и Россия:
Историк и Власть**

Вопросы всеобщей истории
Выпуск 12

Главный редактор В.Н. Земцов
Оригинал-макет Н.Ф. Шестакова

Подписано в печать 19.11.2010. Формат 60x84/16. Бумага для множ. ап.
Печать на ризографе. Усл. печ. л. 11,0. Усл. изд. л. 8,8. Тираж 100 экз. Заказ

Отдел множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26
Адрес в Интернете: www.uspu.ru
E-mail: hist@uspu.ru
